

Данный файл представлен исключительно в ознакомительных целях.

Уважаемый читатель!

Если вы скопируете данный файл,

Вы должны незамедлительно удалить его сразу после ознакомления с содержанием.

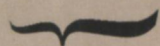
Копируя и сохраняя его Вы принимаете на себя всю ответственность, согласно действующему международному законодательству .

Все авторские права на данный файл сохраняются за правообладателем.

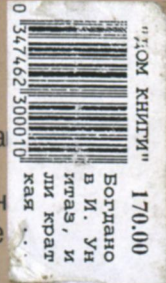
Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено.

Публикация данного документа не преследует никакой коммерческой выгоды. Но такие документы способствуют быстрейшему профессиональному и духовному росту читателей и являются рекламой бумажных изданий таких документов.

В книге петербургского литератора и историка Игоря Богдана рассказывается история туалета. Сам предмет уже давно не вызывает в обществе чувства стыда или неловкости, одни исследования этой темы в нашей стране, по существу, еще не было. Между тем история вопроса уходит корнями в глубокую древность, когда первобытный человек предпринимал попытки соорудить что-то вроде унитаза. Автор повествует о том, где и как в разные эпохи и в разных странах устраивались отхожие места, пока наконец в Англии не изобрели ватерклозет. С тех пор человек продолжает эксперименты с пространством и материалом, так что некоторые нынешние туалеты являют собою чудеса дизайнерского искусства. Читатель узнает о том, с какими трудностями сталкивались в известных обстоятельствах классики русской литературы, что стало с налаженной туалетной системой в России после 1917 года и какие надписи в туалетах попали в разряд вечных истин. Не забыта, разумеется, и история туалетной бумаги.

Новое
Литературное
Обозрение

Unitas, или Краткая история туалета

Игорь
Богданов

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Игорь
Богданов

Unitas,

или Краткая история
туалета

Игорь Богданов

Unitas,

или

**Краткая история
туалета**

Новое Литературное Обозрение

УДК 644.68(091)

ББК 38.761.2г

Б 73

ПРЕДИСЛОВИЕ

Теперь же скажу несколько слов
об отхожем месте.

А. П. Чехов. «Остров Сахалин»

Богданов И.

Б 73 Упитас, или Краткая история туалета М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 192 с.

В книге петербургского литератора и историка Игоря Богданова рассказывается история туалета. Сам предмет уже давно не вызывает в обществе чувства стыда или неловкости, однако исследования этой темы в нашей стране, по существу, еще не было. Между тем история вопроса уходит корнями в глубокую древность, когда первобытный человек предпринимал попытки соорудить что-то вроде унитаза. Автор повествует о том, где и как в разные эпохи и в разных странах устраивались отхожие места, пока наконец в Англии не изобрели ва-терклозет. С тех пор человек продолжает эксперименты с пространством и материалом, так что некоторые нынешние туалеты являют собою чудеса дизайнерского искусства. Читатель узнает о том, с какими трудностями сталкивались в известных обстоятельствах классики русской литературы, что стало с налаженной туалетной системой в России после 1917 года и какие надписи в туалетах попали в разряд вечных истин. Не забыта, разумеется, и история туалетной бумаги.

УДК 644.68(091)

ББК 38.761.2г

ISBN 5-86793-532-9

© И. Богданов, 2007

© «Новое литературное обозрение», 2007

Есть тема, о которой публично говорить не принято, хотя она все настойчивее заявляет о себе в прессе, в прозе, поэзии и в кино. Да-да, речь идет о туалетах, об отправлении естественных надобностей. В нашем обществе эту тему до исторического периода, известного под названием «перестройка», старались обходить стыдливым молчанием, всенародно почитая неприличной. А потом пошло-поехало. В 1991 году была создана, а вскоре и напечатана поэма Тимура Кибирова «Сортиры» объемом более чем в восемьсот строк (событие немислимое для доперестроечных лет, ибо до этого времени появлялись только анонимные надписи в одну-две строки на стенах сортиров же, тогда как в самих сортирах не писали, тем более не писали поэм). Во МХАТе сегодня с успехом идет спектакль «Нули» чешского драматурга Павла Когоута. Действие пьесы происходит в общественном туалете. Главный герой, не желающий принимать участия в социальных и политических передерягах, находит себе место зрителя общественного туалета. Так в недавнем прошлом русские нонконформисты-интеллигенты работали истопниками, зрителями на складах и т. д.

В Кремле еще в прошлом веке, в 1999 году, родилось выражение «мочить в сортире» (т. е. по сути предлагалось сделать туалет театром военных действий против терроризма), а сегодняшние газеты, сообщая читателям о ка-

ком-либо праздничном мероприятии, прежде всего стали обращать большее внимание на степень обеспечения или, напротив, не обеспечения собравшихся туалетами, чем на программу праздника. И в кино нынче редко увидишь фильм без сцены в туалете.

Между тем туалеты появились отнюдь не с перестройкой. Во-первых, они — часть истории цивилизации, а значит, заслуживают того, чтобы стать, наконец, предметом изучения (тем более что, как справедливо пишет в своей поэме Кибилов, «все остальные области воспеты// на все лады возможные»), а во-вторых, эта тема весьма актуальна и в наши дни и напоминает о себе всем нам не по одному разу в день, а то и ночью. Молчать больше нельзя! Да и стыдиться нечего. Все там будем. И не раз.

Туалет первобытного человека состоял, по предположениям пытливых историков, наделенных рациональным воображением, из двух дубин: на одну он вешал шкуру, которой прикрывался во все остальное время, а другой отгонял волков. Этот примитивный туалет дал жизнь выражению: «ходить до ветру», существующему поныне. Уже потом эти слова произнес дед Шукарь, увековеченный М. А. Шолоховым, а потом так стали говорить и некоторые из тех, кому посчастливилось жить в эпоху стационарных туалетов.

Времена менялись, волки, спасая шкуры, отступили от человеческих жилищ, не менялось лишь одно: у древнего человека, как и у животных, по мере тысячелетий явно не прибавлялось желания уединиться, чтобы справиться нужду. Смушение, неловкость, неудобство — все это было несвойственно нашему далекому предку, пока он не вступил в эпоху цивилизации. А едва вступил, особой разницы и не почувствовал, ибо сначала стали появляться только домашние туалеты, для «благородных», а представители простого народа — как женщины, так и мужчи-

ны — по-прежнему не считали зазорным или неприличным присесть под кустиком или увлажнить почву под ногами, не утруждая себя поисками специального места, как это стал бы делать наш современник (не всякий, впрочем, — будем справедливы).

В норме считалось и справлять нужду где случится, и присутствовать при этом постороннему было не грех — есть повод перекинуться парой слов и зафиксировать происходящее на бумаге, если было такое желание. В результате подчас являлись подлинные литературные шедевры, поражающие воображение человека неподготовленного (современного, разумеется, но? опять же, не всякого). Да вот, пожалуйста, пример. Протопоп Аввакум в XVII веке писал про своего соседа по темнице («бешаной Кириллушко»): «...он, миленький, бывало, серет и ссыт под себя, а я его очищаю...»

Стыдиться того, что естественно, многие века было не принято, и не только в среде простого народа — перед нужником, как и в бане, все равны. Вот в подтверждение цитата из А. С. Пушкина:

«Однажды маленький арап, сопровождавший Петра в его прогулке, остановился за некоторой нуждой и вдруг закричал в испуге: "Государь! Государь! Из меня кишка лезет". Петр подошел к нему и, увидя, в чем дело, сказал: "Врешь, это не кишка, а глиста!" — и выдернул глисту своими пальцами. Анекдот довольно не чист, но рисует обычаи Петра».

Понятие «стыд» на Руси долго было атрибутом религиозного обихода. В 1740 году в Тайную канцелярию поступил донос на крестьянина Григория Карпова, который, видите ли, «избрал непристойные слова» в адрес императрицы Анны Иоанновны. Вот что заявил этот смельчак:

«Какая она земной Бог, — баба, такой же человек, что и мы: ест хлеб и испражняется и мочится».

Наверняка несчастному крестьянину досталось по первое число — но не за бесстыдство, как можно было бы подумать, а за то, что нарушил непреложную истину: царица — наместник Бога на земле, и «мочится» ей не пристало (но если она это и делает, добавлю от себя, то крестьянин не должен этого знать).

Христианская религия — и православная церковь — не допускали антропоморфизма* по отношению к святым, к властителям, к высшему церковному клиру.

«Бытовые» понятия стыда и чести на Руси были узаконены в «Домострое», своде жизненных правил для христианина, только в XVII веке. Между тем об отправлении естественных надобностей, о поведенческих нормах в этих обстоятельствах там ничего не сказано. Надо полагать, общество тогда еще не озаботилось тем, чтобы обозначить эти нормы и упорядочить их. Впрочем, во все времена находились люди, которым дозволено было нарушать общепринятые правила. В числе таковых оказался поэт Г. Р. Державин, но про него надо сказать, что он был воспитан на канонах и нравственных постулатах XVIII века. Гаврила Романович, как и упомянутый Григорий Карпов, позволил себе — притом безнаказанно — пройтись по поводу коронованной особы, высказавшись по случаю смерти Екатерины II следующим образом:

«Она, по обыкновению, встала поутру в 7-м часу здорова, занималась писанием продолжения Записок касательно Российской Истории, напилась кофею, обмакнула перо в чернильницу и, не дописав начатого решения, встала, пошла по позыву естественной нужды в отделенную камеру и там от удара скончалась».

* **Наделение человеческими свойствами небесных тел, животных, мифических существ, предметов. (Здесь и далее примечания автора.)**

То, что сошло с рук Державину, для большинства простых смертных, принадлежавших к последующим эпохам, заканчивалось обыкновенно осуждающим или презрительным взглядом, а то и отлучением от дальнейшего общения. (Тайная канцелярия, кажется, стала достоянием прошлого, хотя скорее всего лишь сменила вывеску.) Но всегда была, есть и будет особая категория граждан, которым если не дозволено, то простительно говорить на тему, ставшую основным содержанием этой книги. Эта категория — дети. Вот показательный пример из воспоминаний князя Ф. Ф. Юсупова:

«В семь лет моя мать уже была обучена хорошим манерам, принимала гостей и могла поддержать разговор. Однажды во время приема одного посланника на долю моей матери выпала обязанность сопровождать его. Она старалась из всех сил: подносила чай, бисквиты, сигары. Но все напрасно! Гость ни малейшего внимания не обращал на девочку и не сказал ей ни слова. Мать использовала до конца все способы и, наконец, уловив внезапный вздох, спросила: "Может быть, вы писать хотите?"»

Итак, отправление естественных надобностей — вот та самая тема,¹ о которой до недавнего времени не принято было говорить. И я не буду о ней говорить (почти), а затрону лишь один аспект этой темы. Речь в этой книге пойдет об истории помещения для отправления этих самых надобностей, от основания Петербурга вплоть до нынешнего дня (не обойду я вниманием и мировую историю). Это помещение известно нам сегодня под названием «туалет», хотя в разные времена, у представителей разных слоев общества, у мужчин и у женщин, у детей и взрослых фигурировало в Питере и под другими наименованиями, довольно подчас редкими. Да вспомним хоть старика Державина, который отправил императрицу в «отделенную камеру». Замечу тут же, что Гаврила Романович употреблял и

более распространенное название места, без которого нельзя оботись. Вот свидетельство юного Пушкина:

«Это было в 1815 году, на публичном экзамене в лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг выскочил на лестницу, чтобы дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую "Водопад". Державин приехал; он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: "Где, братец, здесь нужник?"»

Разумеется, это было в порядке вещей для Державина, человека, повторяю, старого нравственного замеса. Однако любопытна реакция юного поклонника знаменитого поэта. «Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига. Он отменил свое "намерение" (поцеловать Державину руку. — *И. Б.*)». Случись такое полувеком ранее, вопрос Державина не вызвал бы подобной реакции. Во времена молодого Пушкина туалеты устраивались не только ради соблюдения норм санитарии, в обществе внедрялись и новые нормы нравственности. Говорить о туалетах, даже упоминать о них в обществе стало делом неприличным.

Несмотря на то, что всем нам поголовно, без различия пола и образования, приходится ежедневно, и не по разу, бывать в такого рода помещениях, как в собственных, так и в чужих, как в частных, так и в общественных, как в хороших, так и не очень, мы тем не менее стараемся держаться подальше от них (заказывая, например, койку в купе поезда дальнего следования или получая место в тюремной камере или в самолете), хотя, случается, и негодуем, если туалет (параша) не оказывается рядом в критическую минуту.

Наивысшая (не всегда, впрочем, выражаемая словесно, а чаще подразумеваемая) похвала жилому помещению, съестному заведению, спортивному сооружению,

загородному коттеджу и т. д. выражается так: «А туалетом здесь и не пахнет». При этом известно, что он есть, но его как бы и нет. То есть, надо, чтобы он был — да он и есть наверняка! — только чтоб он никоим образом не напоминал о себе.

Несправедливо это. Туалеты, отделенные камеры, нужники необходимы человеку как воздух. Это естественный спутник человека, в отличие от искусственных — автомобиля, например, или телевизора. И если без последних можно запросто обойтись (особенно хорошо себя чувствуешь, не имея телевизора, ну хотя бы дня два), то без туалета и дня не проживешь. Туалет нужен всем. Да и латинское слово «*unitas*» означает «единство».

Туалет — тот же эрмитаж (от французского «*ermitage*» — «уединенное место»). Туда ходят поодиночке — так лучше сосредоточиться, чтобы с пользой воспринять предстоящее, так легче избавиться от чего-то, снять, так сказать, тяжесть с души. А еще в туалете можно выплакаться, поправить бретельку, колготки или галстук, застегнуть пуговку, высморкаться, можно пересчитать бумажные деньги перед тем, как отдать их официанту, или мелочь, которой должно хватить на маршрутку, прочитать письмо от любимой (любимого, из милиции, налоговой инспекции и т. д.) и спустить его в бурлящие воды, предварительно разорвав в гневе (в отчаянии, в приступе ревности, надежды и т. д.), там можно освободить желудок, склонившись над унитазом, можно тайком съесть таблетку или тайком же выбросить ее, сделать две затяжки или пару глотков из фляжки или просто полюбоваться кафелем, фаянсом или вагонкой — смотря куда вас занесла нужда. А можно просто вымыть руки, случись под руками умывальник, — если позывы по нужде оказались ложными или неосуществимыми. Преимущество туалета в сравнении с другими помещениями — никто не видит, чем вы там занимаетесь. На

свете попросту нет столь многофункционального помещения, которое, будучи предназначено для одной цели, используется так многообразно, а иногда и с удовольствием, но чаще всего — с облегчением, а иногда и с радостью.

Туалет появился на свет вместе с человеком, вместе с человеком он и умрет, ибо один без другого никак не может*. У каждого народа он имеет свои особенности, отвечающие нуждам пользователей. Туалеты бывают общественные (публичные), привилегированные (ведомственные, фирменные и пр., где нет места посторонним), личные (сугубо частные, хозяйские, хозяйина, хозяйки, любимой собачки), гостевые, стихийные (подворотни, кусты и пр.), стационарные, ветхие, мобильные (не лифты!), плавающие, вонючие, благоухающие, запираемые и без дверей, со стеклянными дверями как в Японии, шитые горбылем или вагонкой, оклеенные обоями или портретами поп-звезд, покосившиеся и твердо стоящие на ногах, дамские и мужские, наконец. Цитируя Кибилова — «вот, примерно, его размеры — два на полтора // в обоих отделеньях. И, наверно, // два с половиной высота». Это примерно. Действительность вносит в жизнь свои коррективы. Истории известны туалеты на 50 персон, о чем далее.

В случае самой крайней необходимости, отчаянной безысходности даже, туалетом может служить и мавританская ваза, как это произошло в рассказе Михаила Веллера «Танец с саблями». Речь в нем идет о том, как А. И. Хачатурян, будучи в Испании, оказался в два часа дня (за-

* Вот самое убедительное доказательство сказанного. В 2000 году в Китае археологи во время раскопок обнаружили туалет — креслообразное каменное сооружение с подлокотниками, относящееся ко II—III векам до н. э. Что интересно, туалет был обнаружен в погребальном комплексе, а значит, планировался для использования в загробной жизни.

помните время, это важно!) в доме Сальвадора Дали по приглашению последнего. Безуспешно прождав великого художника около часа, выдающийся композитор, выпив несколько рюмок коньяку, поел фруктов и — «в туалет надобно выйти Араму Ильичу! А двери заперты!!!

...А на подиуме меж окон стоит какая-то коллекционная ваза, мавританская древность. Красивой формы и изрядной, однако, емкости. И эта ваза все более завладевает его мыслями.

И в четыре он, мелко подпрыгивая и отдуваясь, с мстительным облегчением писает в эту вазу и думает, что жизнь не так уж и плоха: замок, вино, павлин... и высота у вазы удобная».

Согласитесь — только крайние обстоятельства, очень хороший коньяк и фантазия писателя (или композитора, не знаю) могут подвигнуть человека на использование антиквариата не по назначению (хотя, какое у антиквариата назначение, не всякому и понятно, включая многих его нынешних обладателей). Чаще бывает, что после употребления более скромных напитков, пива, например, но в больших количествах, безвестные лица самым реальным образом регулярно, но анонимно орошают целые помещения - лифты, например. Бывает, напротив, - в туалете (правда, бывшем) устраивают ресторан (в Питере есть несколько примеров, я их далее приведу), в котором отводят малюсенькое место туалету же. Бывает, идешь-идешь, и вообще ни одного туалета, и ни одного лифта (мавританскую вазу большинство из нас и в глаза не видели). Или, случается, смотришь, подняв голову, несколько часов на крановщицу и изумляешься ее долготерпению. И изумляешься до тех пор, пока самому не приспичит. Как видим, туалетная тема поистине неисчерпаема, как выгребная яма, принадлежащая воинскому соединению,

развернувшему свои боевые порядки в чистом поле на два года службы всего личного состава.

Далее я ни один вид, подвид, категорию или разновидность туалетов постараюсь не оставить без внимания, от стихийных до мобильных (нет-нет, не телефонов), но сосредоточусь главным образом на истории и многообразии петербургского (ленинградского) туалета, ибо мне ближе то, что связано с моим родным городом и со мною лично.

На том сидел и сидеть буду!

При написании этой книги я пользовался разнообразными источниками, список которых привожу в конце, а также наблюдениями, соображениями и размышлениями многочисленных посетителей туалетов. Особую благодарность выражаю Ю. Н. Кружнову за ценные рекомендации и замечания. Моя признательность также Л. И. Амирханову, Т. Б. Забозлаевой, Д. Зитсман (Германия), Б. Мойнехену (Англия).

*Игорь Богданов
Сентябрь 2006*

1. ЛАТРИНЫ, ФОРИКИ, КЛОАКИ

**...водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.**

**В. В. Маяковский.
«Во весь голос»**

Сведений о том, в каких условиях, в каких местах и сооружениях отправлялись естественные надобности в древних цивилизациях — в Египте, странах Междуречья или Месопотамии, расположившейся в долине, образованной реками Тигр и Ефрат (Шумер, Аккад, Ассирия, Вавилон и др.), какие при этом соблюдались поведенческие нормы и приемы, до обидного мало. Впрочем, некоторые пассажи из шумерского «Эпоса о Гильгамеше» (XXVII век до н. э.) или документы и иконография Древнего Египта эпохи Среднего царства (XXII—XVIII века до н. э.), особенно изображения, позволяют говорить об отсутствии у живших тогда людей стыда в нашем понимании. Отсюда следует, что человек, дабы справить нужду, не испытывал в те далекие времена потребности уединиться, тем более в специально отведенном для этой цели месте или помещении. Одно можно сказать определенно — пока у человека не появилось жилища, у него не было стационарного туалета.

Что касается доисторического человека, то, как можно догадаться, он селился близ рек, чтобы под рукой имела свежая вода. Реки еще и тем были хороши, что уносили все отбросы и нечистоты, и первобытные люди пользовались природным туалетом со смывом — отнюдь, надо полагать, не к радости тех, кто обитал ниже по течению.

По мере развития общества (ив особенности с распространением оседлости) наши предки все дальше уходили от стихийного использования окружающей природы для отправления своих естественных потребностей, что в конце концов неизбежно должно было привести к появлению того, что мы сегодня называем туалетами. И в конце концов привело.

В ходе археологических раскопок на Оркнейских островах у побережья Шотландии, ученые обнаружили в каменных стенах домов углубления, соединявшиеся со сточными канавами. Археологи решили, что это - отхожие места, возраст которых - около пяти тысяч лет, и относятся они к эпохе неолита.

Около четырех с половиной тысяч лет назад существовало нечто вроде канализационной системы в Мохенджо-Даро (на берегу реки Инд): нечистоты из уборных, устроенных у внешних стен домов, стекали в уличные канавы, по которым уходили за пределы города. Отхожее место представляло собою ящик из камней с деревянным сиденьем.

Утверждают, с известной степенью неуверенности, будто нечто похожее на туалет появилось около четырех с половиной тысяч лет назад. Народ Восточной Индии эпохи Хараппи устраивал водные туалеты в домах. Эти туалеты были объединены сетью канав, выложенных обожженными глиняными кирпичами. Но когда хараппская культура исчезла по непонятным причинам во II тысячелетии до н. э., потомки обладателей туалетов и совершенных водопроводной и канализационной сетей постепенно вернулись к обычаям своих предков — справлять нужду на открытом воздухе.

Около трех тысяч лет до н. э. в Месопотамии существовала каменная конструкция для отправления нужд. Она принадлежала правительнице Шумера царице ТПУ-

бад. Прочие шумеры пользовались прообразом биотуалета, открытым первобытным человеком, — кустами с протекавшим поблизости ручейком.

В сентябре 2006 года я предпринял путешествие на остров Крит, чтобы, в частности, осмотреть уборную царицы во дворце Кносс. Англичанин Артур Эванс, живший на Крите почти за сто лет до того, как я туда отправился, в начале 1900-х начал раскопки на месте этого дворца, продолжавшиеся четверть века. Канализации на Крите тогда не было, и каково же было изумление сэра Эванса, когда он обнаружил уборную со смывной системой, относящуюся примерно ко второму тысячелетию до н. э.! Сделав такое открытие, Эванс будто бы воскликнул: «Теперь я единственный человек на Крите, у кого есть настоящий туалет!» Увы! я во время своего пребывания на Крите эту уборную обнаружить не смог, поскольку она была закрыта для обзора, однако под идущим в северном направлении коридором разглядел часть водопровода с керамическими трубами, по которым во дворец доставлялась питьевая вода, так что общее представление о системе кносского водоснабжения составил. На Крит я летел, вооружившись' знанием того, что еще около 1450 года до н. э. там появились уборные, которые промывались дождевой водой.

Другие обнаруженные археологами древние уборные разбросаны по всему миру, и, для того чтобы осмотреть их, пришлось бы совершить немало путешествий по странам и континентам. Близ древнего Тель-эл-Амарна в Египте, городе фараона Эхнатона, Ахетатоне (ныне Амарна), в наше время был найден стульчак из известняка, который Датируют примерно 1350 годом до н. э. На северо-западе Индии были обнаружены остатки смывных туалетов, которые археологи относят ко второму тысячелетию до н. э. В богатых домах позади ванной комнаты устраивалась

уборная, выбеленная известью. В ней находилась известняковая плита, положенная на кирпичный ящик с песком, который время от времени вычищали. В одном из древнеегипетских погребений в Фивах, относящемся к тому же веку, что и город знаменитого фараона, археологами был обнаружен туалет из дерева, под который ставился глиняный горшок.

В Древней Греции в богатых домах уборные помещались на втором этаже, нечистоты сливались при помощи специальных сосудов в канализационные стоки. В более бедных жилищах пользовались горшками.

В провинции Хунань китайские археологи несколько лет назад наткнулись на туалет в гробнице одного из китайских императоров, жившего около двух тысяч лет назад. Это каменное сидение с подлокотником и примитивным устройством для спуска воды.

Все это части туалета как помещения, и тем не менее у нас есть основания предположить, что туалеты на нашей планете появились не раньше второго тысячелетия до нашей эры, притом сидячие, хотя, быть может, в более древние времена существовали их прообразы, не дожившие до наших дней.

Стимулом к появлению туалетов в немалой степени послужили и начавшие формироваться в цивилизованной Европе понятия «стыд», «стеснение», «общественная мораль». Понадобились тысячелетия, чтобы человек пришел к убеждению — не все можно делать на людях, существуют соображения гигиенического, интимного порядка, требующие уединения, специального помещения. И потом — представьте себе большой город, особенно южный (я имею в виду жаркий климат, а не темперамент жителей), без единого помещения для отправления надобностей. Представить такой город можно, но только... без обитателей. Как трудно с высоты третьего тысячелетия

представить себе римскую знать, предпочитавшую во время пиров пользоваться горшками, которые приносили и уносили рабы. А вот удалиться для отправления нужды куда бы то ни было считалось излишним. Впрочем, времена и нравы менялись.

Общественные туалеты появились и начали распространяться в эпоху эллинизма, и главным образом в гимназиях (школах для физического воспитания, отсюда «гимнастика»), и устраивались с целью соблюдения норм санитарии (по части «стыда» у римлян были своеобразные представления). Римские туалеты (по-латински они назывались *«latrina»*, *«forica»*) были вполне комфортны, оборудовались мраморными сиденьями и подключались к довольно развитой системе водоснабжения. Вода уносила нечистоты в Тибр, а потом — в Средиземное море.

За пользование латринами взималась определенная плата. В книге, описывающей деяния римского императора Веспасиана, римский же историк Светоний рассказывает, что император повелел взимать налоги за посещение туалетов в новом амфитеатре, который из-за его размеров называли Колизеем* (шел 69-й год нашей эры, первый год правления Веспасиана): «Тит (сын Веспасиана. - И. Б.) упрекал отца, что и нужники он обложил налогом; тот взял монету из первой прибыли, поднес к его носу и спросил: воняет ли она. "Нет", — ответил Тит. "А ведь это деньги с мочи", — сказал Веспасиан». Отсюда выражение — «деньги не пахнут» (*«non okt peccunia»*). Собранная моча продавалась в мастерские по шитью одежды — швейники использовали ее для очистки шерсти от грязи, а иногда даже вымачивали ткань в моче перед окраской.

Веспасиан и умер на горшке. Почувствовав приближение кончины, он, сидя на нем, произнес: *«Vae, puto, deus»*

* По одной из версий «Колизей» — от лат. слова *«colosseus»* — «Громадный».

Lio («Кажется, я становлюсь богом»). То были его последние слова.

В Париже общественные туалеты до сих пор называются в честь этого выдающегося императора — «*vespassiennes*». Но не потому, что Веспасиан умер на горшке, а потому, что первым предложил миру стационарные места для отправления естественных надобностей.

Жесток и развратен был император Нерон (начало первого тысячелетия), однако и при нем в Риме было около 150 общественных туалетов. Реформатором слыл император Диоклетиан (ГУ век н. э.), а ведь только в Риме в годы его правления существовало как минимум 144 туалета — это при пересчете на число жителей больше, чем в большинстве современных городов. В некоторых своих ваннах и туалетах римляне использовали около 1300 литров воды в день — почти в шесть раз больше, чем расходует современный житель Лондона.

Поначалу римляне строили преимущественно общественные туалеты, которые они посещали не только по прямому назначению, но и с целью общения. Некоторые туалеты (если их можно так назвать) были весьма вместительны: в них собиралось до пятидесяти человек, пол был выложен мозаикой, вокруг били фонтаны (наверное, римлянам показалась бы диковатой наша привычка записываться в туалетах, в которых к тому же ни тебе фонтанов, ни мозаики, ни собеседников). Собравшиеся вели беседы, обменивались новостями из богатой на разнообразные события древней жизни под журчание сливных вод — бизнес-клуб, да и только! «Я тут недавно в форики с Парвусом общался...» — обыкновенная для того необыкновенного времени фраза, которую сегодня в Риме уже не услышишь. В латрине, в кругу друзей, можно было под одобрительный хохот собравшихся громогласно процитировать и язвительные стихи современника, выдающе-

гося лирика Гая Валерия Катулла, отнюдь не предназначенные для нежных ушей:

**К чистоплотности сей прибавить нужно
То, что ж... твоя солонки чище.
За год ходишь ты с...ь раз десять
Чем-то тверже гальки и гороха;
Если это в руках помнешь-повертишь.
То и пальца-то вымазать не сможешь*.**

Подобный, с позволения сказать, туалет размещался над коллектором сточных вод, перед ним были устроены желобки со свежей водой для подмывания и мытья рук. В Ливии до сих пор сохранились «ванны Адриана» с туалетом на пятьдесят человек. Когда-то в них были мозаичные полы и фонтаны. Обычно мозаикой в древнеримских туалетах выкладывались фигуры дельфинов.

Отчасти еще и потому был велик древний Рим, что там придавалось большое значение санитарно-гигиеническим нормам, и древнеримские термы, форики, рациональная система водопровода и канализации служат свидетельствами того, каким высоким уровнем культуры обладала эта столица мира. Надо думать, нелегко, в смысле отправления нужды, приходилось тем римлянам, которым приходилось выезжать за пределы родного Отечества. Походный туалет человек не изобрел до сих пор. Хотя для родимого чада и нынче берут в долгую поездку горшок, тогда как то, что возили за монархами, и горшком назвать трудно — этому просто нет названия, один вздох восхищения. Можно было бы назвать походным горшком и нынешние «памперсы», но это, так сказать, индивидуальное одноразовое приспособление, использу-

* Пер. с латинского М. Амелина.

емое теми, кто не может донести до нас слов восхищения или недовольства им.

Между тем далеко не все города Европы могли похвастаться такой же налаженной системой водоснабжения, как Рим. Подавляющее большинство европейских городов средневекового происхождения строились как крепости для защиты от врагов, были окружены высокими стенами и глубокими рвами. Обширные области Европы время от времени превращались в военные лагеря перед лицом очередной угрозы. Отсюда множество неудобств санитарно-гигиенического плана — узкие улицы, тесные дворы, отсутствие специальных мест для отправления естественных надобностей, порождающее большую проблему — загрязнение почвы и колодезной воды нечистотами. Первая канализация — это рвы и канавы, которые со временем расширялись, потом углублялись, уходили под землю, соединялись с другими рвами, образуя систему искусственного водостока.

Римскую империю погубили роскошь и разврат. Наверное, памятуя об этом, строители средневековых городов долгое время не обременяли себя заботой о канализации.

В Средние века (примерно с 500 до 1500 года н. э.), когда канализации еще не было, городские жители и даже обитатели замков сбрасывали испражнения не только по специальному наклонному желобу, выступавшему из стены, но и на головы прохожих. Содержимое ночных горшков, которое жители, недолго думая, имели обыкновение выплескивать на улицу, служило весомым дополнением к нечистотам, вырывающимся из переполненных отхожих мест. Ходить по улицам нужно было крайне осторожно, поскольку в любой момент могло распахнуться окно со всеми *вытекающими* последствиями. В некоторых городах

даже раскладывали камни для пешеходов, чтобы тем не приходилось брести в зловонной жиже. В Париже в 1270 году был издан закон, запрещающий «выливать помой и нечистоты из верхних окон домов, дабы не облить оным проходящих внизу людей». Спустя сто лет этот закон снова был издан, правда, если крикнуть: «Осторожно, вода!» (*«Gardez Veam**), то опорожнять горшок дозволялось (при этом выливать можно было не только, надо полагать, воду). Еще спустя какое-то время был издан закон о запрете на «опорожнение в общественных местах» — значит, средневековые французы не отличались разборчивостью в выборе места, где справить нужду. В 1364 году некий Томас Дебюссон (надо полагать, художник) получил предписание «нарисовать ярко-красные кресты в саду и коридорах Лувра, чтобы предостеречь людей мочиться там и гадить, чтобы люди считали подобное в данных местах святотатством». Прошли годы, миновали столетия, и вот в конце уже XVII века, в 1670 году, современник писал, что «в Лувре и вокруг него, внутри двора и в его окрестностях, в аллеях, за дверьми — практически везде можно увидеть тысячи кучек и понюхать самые разные запахи одного и того же — продукта естественного отправления живущих здесь и проходящих сюда ежедневно».

Да что там простые люди! Людовик XIV, при котором были основаны военный флот, сильная армия и за-

* Некоторые англичане полагают, что из части этого выражения («Геам») произошло английское слово «*toilet*». Другие, впрочем, считают, что слово «*toilet*» придумал Дж. Джойс в «Уллисе» в 1922 г. Как бы там ни было, слово «*toilet*» («туалет») весьма употребительно ныне в англоговорящих странах. Споры о его происхождении продолжают в интернете, в пабах и на светских раутах, когда другие темы Исчерпаны.

ложены основы французской колониальной империи (правил с 1643 по 1715 год), когда доходило дело до отправления естественных надобностей, усаживался на стульчак в присутствии приближенных, которые почитали за честь присутствовать при этом. У Людовика в Версале было 264 специальных горшка! Простые французы пользовались дома простыми горшками — и далеко не в таком количестве. Горшки прятали под стул, в котором сделано отверстие («*chaisepegee*» — «стул с дырками»).

Около XIII века на смену Средневековью во Францию из Италии пришла новая эпоха, и стали появляться давно забытые правила гигиены, заведенные еще в Древнем Риме. Некоторые парижанки в то время мылись в нижнем белье, да и то нечасто, но вот пришло время позаботиться о чистоте своего тела, и тогда в их спальнях появилось то, что теперь увидишь только в санузле (правда, не во всяком) — небольшая ванночка, суженная посередине, чтобы было удобнее на нее присесть, в деревянном каркасе, на ножках. Воду лили из кувшина. Впрочем, распространенным *bidet* тогда еще не стало — пройдут века, появится слив в канализацию, слив-перелив, то да се, подвод горячей и холодной воды, инструкция по использованию на немецком языке для новых русских (демонстрируя новую квартиру или загородный дом, новый русский непременно покажет гостям биде), но классическая форма ванночки на цоколе останется неизменной по сей день.

Неизвестно, было ли *bidety* герцогини Орлеанской — она не упоминает об этом в своих письмах, но вот пассаж из одного из ее посланий, более для нас интересный, нежели известие о том, что в будуаре у герцогини заве-

* Заглянем во французско-русский словарь: «*bidet*» — «1) лошадка, 2) биде».

лась новомодная диковина, без которой прекрасно обходились предки:

«Париж — ужасное место. На улицах стоит такой смрад, что выйти из дому просто невозможно. Множество людей ... (глагол пропущен возмущенной, а может, — кто знает? — несведущей герцогиней, которая не знала этого слова. — И. Б.) прямо на улицах, отчего происходит запах настолько отвратительный, что выносить его нет сил».

Некоторые дамы во Франции XVII века носили под широкими юбками подвязанные сосуды, в которые и справляли нужду. Эти сосуды назывались «*bourdahu*» («подкладное судно») — так будто бы звали священника, затягивавшего свои проповеди.

Нет, не напрасно в 1668 году полицейский комиссар Парижа издал специальное постановление, обязывавшее горожан устраивать туалет в каждом строившемся доме (в Нормандии еще в 1519 году местные власти пытались заставить жителей заводить туалеты в своих домах, но те с мнением властей не согласились). Но вот еще один интересный факт из французской же истории: только в 1739 году на балу в Париже были впервые предложены собравшимся два вида туалета — мужской и женский. Однако и это еще не все. Лишь спустя почти сто лет, в 1824 году, в Париже появился первый общественный туалет*.

Первые писсуары (французское слово — «*pissoir*», от «*pisser*» — «мочиться») появились, как полагают, в Париже. Мужчину, справлявшего публично малую нужду, окружало лишь легкое ограждение, доходившее ему до пояса. Некоторые туристки, прибывавшие во Францию из стран, где вообще не было публичных туалетов, при виде такой караны ахали и едва не падали в обморок. С годами поло-

* Вот французские наименования туалета: «*la latrine*», «*la salle &au*», «*ks chiottes*» (жаргонное название), «*ks sanitaires*».

жение изменилось, и писсуары, как и все французское, стали не только *нужными*, но и модными.

В Лондоне в 1358 году¹ было всего четыре общественных туалета (*«common privies»*). Самый большой из них находился на Лондонском мосту, и нечистоты попадали прямо в Темзу. Во многих английских городах все лишнее и переработанное человеческими организмами оказывалось в тех же реках, из которых люди пили воду. Туалеты, устроенные в средневековых английских замках, назывались французским словом *«garderobe»*, что тогда означало отнюдь не «гардероб», а «уборная». Они представляли собою углубление в стене, где имелся наклонный желоб, по которому экскременты стекали за пределы замка, чаще — в ров, которым замок был окружен. В замке Лэнгли в Нортумберленде, построенном в конце XIV века, имелось по четыре таких углубления с сидениями на каждом из трех этажей. Для осаждавших подобный замок требовалось не только мужество и сила, чтобы взять приступом толстые стены, но и готовность, если мост поднят, преодолеть глубокую, ни разу не чистившуюся выгребную яму. Нелегко приходилось и тем, кто оставался в замке: хотя желоба и были наклонные, не все стекало вниз, и зловоние распространялось по всему замку, особенно в теплую погоду. Системы смыва не было, чем и пользовались бесстрашные нападающие, которые, преодолев выгребную яму, пробирались в замок по гардеробным желобам. Восседавшие в гардеробах никак не могли их увидеть, заглядывать же в желоб постоянно в поисках неприятеля — неблагоприятное занятие. Да и вообще английские «гардеробы» того времени — кошмарное место. Там и убить могли. Как это сделали, например, с королем англосаксов Эдмундом II Железнобоким, сыном Этельреда II. В течение нескольких месяцев Эдмунд храбро дрался с датчанами, но силы его были подорваны бесконечной враж-

дой. В 1016 году Эдмунд был убит в «гардеробе» Канутом, который был провозглашен королем Севера и Юга, да вдобавок стал и опекуном осиротевших сыновей Эдмунда. Вот и ходи после этого в «гардероб»!*

Лет сто сколько-нибудь заметных событий в туалетной истории Англии не происходило, но вот в 1189 году там был принят закон, согласно которому выгребную яму можно было устраивать не ближе, чем на расстоянии 80 сантиметров от стены дома соседа. Закон — как и всякий закон — не всегда соблюдался, и известен случай, когда некий Уильям Спрот жаловался на соседей, выгребная яма у которых переполнилась, и нечистоты стали проникать в его дом сквозь стены. Другого англичанина до того изморил жуткий запах выгребной ямы под домом, что он пригласил того, кого мы сегодня называем водопроводчиком, и был поражен тем, что обнаружилось, когда тот вскрыл пол. Под полом оказалось около пятидесяти крысиных гнезд, а также множество серебряных ложек, ножницы и какое-то число штопоров, не считая огромного количества неопознанных, перепачканных предметов. Послали за котом, но бедное животное, увидев такую картину, тотчас сдохло на месте. Да любой бы сдох на месте этого кота.

Английский король Генрих VIII (1491—1547) восседал не только на троне, но — иногда — и на специально для него сделанном ящике с отверстием, с бархатным сидень-

* В «гардеробе» спустя двести лет — прямо напасть какая-то! — был убит и король Англии Эдуард II. Против Эдуарда составилась заговор, во главе которого встала его жена Изабелла. К ней примкнули бароны, епископы, даже братья короля. Эдуард был схвачен, заключен в замок Беркли, в одном из «гардеробов» которого и был убит спустя восемь месяцев. Шел 1327 год. Сгушался мрак Средневековья. До Великой Октябрьской социалистической революции, объявившей буржуазные клозеты и всякие там гардеробы пережитком прошлого, оставалось 590 лет.

ем, обитым золотыми гвоздями. Этот ящик с ведром внутри возили за королем в ходе его путешествий. Простые же англичане пользовались дома горшками, которые назывались «*gozunder*» (сокращенная и упрощенная форма выражения «*goes under the bed*» — «то, что под кроватью»). Со временем горшки сделали предметами искусства, до того они были хороши — особенно с портретом Наполеона Бонапарта на дне или с человеческим глазом, вокруг которого было написано: «*Use me well, and keep me clean, and I'll not tell what I have seem.*» («Пользуйся мною правильно, держи в чистоте, и я никому не скажу, что видел».)

А теперь заглянем на Апеннины. Вот как описывает Джованни Боккаччо туалет в итальянском городе XIV века: «В узком проходе на двух перекладинах, шедших от одного дома к другому, прибито было, как то мы часто видим между двумя домами, несколько досок, и на них устроено сиденье». А случись внизу оказаться прохожему... (могущие возникнуть при этом восклицания пропущены мною).

Леонардо да Винчи, приглашенный ко двору Франциска I (правил с 1515-го по 1547 год), с именем которого тесно связано Возрождение во Франции, был до такой степени изумлен парижским зловонием, что спроектировал для короля туалет со смывом, отводными трубами и даже вентиляционной шахтой. Увы! Как и прочие изобретения великого итальянца (подводная лодка и танк, летательный аппарат и парашют), проект королевского санузла остался на бумаге, будучи не востребован. Видимо, еще не пришло время. Пионером в области туалетостроения да Винчи так и не стал. А между тем техническое описание туалета да Винчи читается как стихи: «Сидению нужника дай поворачиваться, как окошечку монархов, и возвращаться в свое первое положение противовесом. Крышка над ним должна быть полна отверстий, чтоб-воздух мог выходить».

В Азии, в частности, в Японии, первые туалеты, согласно документальным археологическим сведениям, появились в VII—VIII веках. Они стояли на прямоугольных ямах, и неизвестно, имели ли крыши. Японским туалетам посвящено специальное исследование в книге «Сосуды тайн», к которому отсылаю интересующегося читателя (см. список использованной литературы в конце книги), здесь лишь приведу любопытный документ из него — наставление одного из патриархов дзен-буддизма Догэна (1201—1253) своим соотечественникам:

«Отправляясь в отхожее место, бери с собой полотенце. Повесь его на вешалку перед входом. Если на тебе длинная ряса окажется, повесь ее туда же. Повесив, налей в таз воды до девятой риски и таз держи в правой руке. Перед тем как войти, переобуйся. Дверь закрывай левой рукой. Слегка сполоснув из таза судно, поставь таз перед входом (наверное, затем, чтобы было видно, что туалет занят. — И. Б.). Встань обеими ногами на настил, нужду справляй на корточках. Вокруг не гадить! Не смеяться, песен не распевать. Не плевать, на стенах не писать. Справив нужду, подтираться либо бумагой, либо бамбуковой дощечкой. Потом возьми таз в правую руку и лей в левую, коей хорошенько вымой судно. После этого по-ишь отхожее место и вымой руки. Мыть в семи водах: три раза с золой, три раза с землей, один раз со стручками. После чего еще раз сполосни руки».

С некоторыми сокращениями эти рекомендации не грех бы вывешивать и в современных общественных туалетах. К тому же многие любят читать, справляя нужду. Притом читать одно и то же. (У меня дома в туалете несколько лет лежало в специальном мешочке, прибитом к стене, выдающееся, правда, слишком уж тощее сочинение Л. И. Брежнева «Малая земля», пользовавшееся, несмотря на краткость изложения, недюжинным успехом у

всех посетителей клозета из числа гостей." Стоило мне изъять бестселлер — пропали некоторые страницы, — как гости потребовали, чтобы книга — причем та же! — вернулась на место.)

Но вернемся в Страну Восходящего Солнца. Главное отличие японских туалетов от европейских подметил португальский миссионер Луис Фройш в середине XVI века:

«Тогда как европейцы стараются по возможности размещать уборные позади своих домов, уборные японцев расположены перед домом и доступны каждому».

Японцы радовались, если случайный прохожий пополнит их запасы удобрений — ведь их можно использовать в сельхозработах. Европейцев меж тем занимали весьма серьезные вопросы. В средневековых европейских городах продолжали рыть ямы для нечистот под домами, а это было чревато самыми печальными последствиями. В 1183 году в Эрфуртском замке под германским императором Фридрихом I Барбароссой и его рыцарями проломился пол Большого зала, и все попадали с 12-метровой высоты в выгребную яму. Император ухватился за железную решетку и спасся, но многие погибли ужасной смертью*.

* В современной Германии проблема с туалетами, сколько мне известно по личным впечатлениям, решена. Как и с названиями. На дверях туалетов гостиниц и ресторанов имеется надпись: «*Toilette*» (или *OO*, что произносится как «ям/ nub»), в разговорной речи чаще употребляется «*КБ*» — вероятно, сокращение от «*Klosett*», что существенно упрощает пребывание в Германии иностранцам. Немецкие бабушки еще говорят «*Stilles Orichen*» («тихое местечко»). Знакомый нам дачный сортир называется так: «*Donnerbalken*» («гром»+«бревно») или, если он с ямой, — «*Plumsklo*» (от «*plumpsen*» — «плюхаться»). Еще можно сказать: *OO* («им/ nub»), «*Lokus*», «*Latrine*». Есть и грубые названия — «*Scheishans*», «*Kachstuhl*» (оставляю без перевода). Мужчины и мальчики могут сказать: «/ей *geh fur kleineJungs*» — «Я иду к маленьким мальчикам».

Это печальное событие не послужило, прошу прощения за вульгаризм, толчком к тому, чтобы в других странах Европы вплотную приблизились к решению насущной Проблемы, могущей в одночасье похоронить лучших Представителей нации. (Сколько рядовых граждан разных стран в разные исторические эпохи рухнуло в выгребную яму и закончило там жизненный путь или хотя бы перепачкалось до ушей — о том история не ведает. Да вот взять моего соседа по даче... Впрочем, я твердо пообещал ему, что не буду об этом рассказывать.)

В XVI веке в истории туалета произошло первое событие, которое стоит быть отмеченным особо, — был изобретен смывной туалет. Придумал его англичанин, сэр Джон Харингтон (/ *Harington*, 1560—1612), придворный при Елизавете I (был ее крестником), переводчик, писатель и остроумец. Харингтон писал: «Чтобы в доме было приятно, вычистите туалет; чтобы на душе было приятно, почините туалет, если он не работает». Похоже, таков был его жизненный принцип.

Незаурядным человеком был и отец Харингтона, который обогатил свою семью, женившись на незаконной дочери Генриха VIII. Его вторая жена, ставшая крестной матерью сэру Джону, была служанкой у принцессы Елизаветы. Образование будущий изобретатель получил в Итоне и Кембридже, но потом взял да и перевел легкомысленную (по меркам того времени) поэму итальянского поэта Лудовико Ариосто «Неистовый Роланд», проповедовавшую чувственную любовь и всяческие наслаждения, После чего стал распространять ее среди барышень, за что был отлучен от двора. Пока Харингтон переводил Поэму, он в 1596 году попутно изобрел свой вариант туалета со смывом (до него были и другие варианты, авторство которых не выяснено) и установил его в Ричмонде,

во дворце королевы, и в результате был снова приближен к ней. В 1599 году в своем сочинении «Метаморфозы Аякса», посвященном туалету с бачком («*ajax*» — шутка, автор имел в виду «*jakes*» — «туалет»), Харингтон столь витиевато, в стиле Франсуа Рабле, живописал свое изобретение, что вновь был отлучен от двора.

Изобретение Харингтона стоил всего 6 шиллингов 8 пенсов, но широкого применения не находило целых 182 года.

Поистине, туалет со смывом должен был изобрести только остроумный человек (особенно такой туалет, который не предназначен для массового производства), а Англия, отдадим ей должное, подарила миру немало выдающихся остряков. И - будем справедливы — изобретателей. История их не забыла. Наверное, в честь Джона Харингтона в англоговорящих странах туалет (преимущественно мужской) и поныне называется просто *John**.

Прошло почти два века без сколько-нибудь заметных событий в истории туалета, и вот другой англичанин — математик, механик и часовщик Александр Каммингс (*A. Cummings*, 1733 — ?) в 1775 году первым в мире догадался изогнуть отводную трубу унитаза в виде буквы V, чтобы имелось небольшое количество воды, которая никуда

* Вот современные синонимы этого нужного слова, существующие в английском языке: «*bog*», «*shithouse*», «*jakes*», «*nessy*» (от «*necessary*» — «отхожее место»), «*privy*» (от «*private*»), «*bog*», «*closet*», «*commode*», «*convenience*», «*khazi*», «*ladies*», «*latrine*», «*lavatory*», «*gens*», «*heads*», «*cloakroom*», «*smallest room*», «*place of easement*», «*powder room*». Австралийцы еще говорят «*dunny*», «*thunder-box*» — сочетание слов «гром» и «будка». Но лучше всего, в какой бы англоговорящей стране вы ни находились, употреблять не приведенные выше слова, большинство из которых жаргонные, а говорить «*Too*» (преимущественно женский туалет), «*restroom*», «*men's room*» или «*bathroom*». Вас поймут, даже если вы хотели сказать «*john*», но неожиданно забыли это слово.

ре уходила и тем самым не пропускала наружу запах. (В исторической литературе мелькает — но очень уж неназойливо — и имя француза Бронделя, который будто бы в 1738 году придумал сливной бачок и специальный клапан, но даже имени этого человека нам не удалось узнать, тогда как имя Харингтона произносят сегодня каждодневно во всех англоговорящих странах мира.)

Но мало что-то изобрести — надо еще и додуматься изобретение запатентовать. Еще один англичанин, инженер Джозеф Брама (*J. Bramah*, 1748—1814), спустя три года, в 1778 году, запатентовал туалетный бачок со сферическим клапаном и сифоном. Туалет Брама был близок к туалету Каммингса, но имел поворотный клапан, а не скользящий: Это означало, что он менее был подвержен коррозии, его не заедало, и он давал меньше течи. За 20 лет Брама, по его утверждению, продал более шести тысяч подобных устройств, которые более ста лет считались лучшими в Англии.

Брама замечателен еще и тем, что изобрел дверной замок, который никто не мог открыть 67 лет, а также придумал гидравлический пресс и аппарат для считания банкнот, но мы его запоем прежде всего как изобретателя бачка, без которого до сих пор обойтись не можем, тогда как без аппарата для считания банкнот обходимся запросто, а если и сталкиваемся с этим аппаратом, то потом все равно пересчитываем вручную.

И в конце XVIII века в некоторых странах Европы продолжали благополучно жить незамысловатые старинные обычаи. С одним из них столкнулся И.-В. Гете, путешествовавший в 1786 году по Италии. Будучи 12 сентября в Торболе, он отметил в своем дневнике: здесь «...отсутствует весьма необходимое удобство, так что живешь почти в первобытных условиях. Когда я спросил коридорного,

где же все-таки это удобство находится, он показал рукою вниз, на двор. *"Qui abbassopuo servirsi!"* Я удивился. *"Dove?"* - *"Daper tutto, dove vuou"**— гостеприимно отвечал он».

Только в 1840-1850-х годах в Европе все более решительно стали проводить мероприятия по санитарному оздоровлению городов. Инициатива в этом деле опять же принадлежит Англии. Антисанитарное положение в английских городах подробно описано в серии официальных докладов, опубликованных в 1840-х годах. Вот впечатляющая выдержка из одного из них:

«Отсутствие коммунальных удобств в некоторых наших городах доходит до такой степени, что в отношении чистоты они напоминают становища дикой орды или лагеря недисциплинированной солдатни [...]. В городах с постоянным населением не проявляют элементарной заботы о гигиене жилищ. Дома, улицы, площади, переулки, сточные канавы загрязнены, источают зловоние, а самодовольные гражданские власти сидят среди этой варварской грязи, прикрываясь незнанием того, что творится вокруг них».

В середине XIX века в Англии все отбросы попадали в выгребные ямы (в одном только Виндзорском замке их было 250), а человеческие экскременты собирались для продажи на удобрения, хотя и нерегулярно и, в общем-то, без особого энтузиазма, даже если предлагались большие деньги.

Именно в английских городах впервые стали всерьез заботиться о том, чтобы в дома в достаточном количестве поступала чистая вода, чтобы вовремя удалялись нечистоты. А началось все с того, что в 1842 году в Букингемском дворце впервые был устроен туалет сливного типа.

* «Вон там можно расположиться», «Где-где?», «Да везде, где угодно» (мигал).

Задумались англичане и о сооружении целесообразно устроенных водостоков и дренаже городского грунта. Весьма скоро обнаружилось благотворное влияние их размышлений на санитарное состояние городского населения: статистические исследования, произведенные в 1860-х годах во многих английских городах, показали, что общая средняя смертность в них вследствие ассенизационных работ снизилась весьма значительно.

Человека издавна занимал вопрос — что делать с нечистотами, как от них избавляться? В древности проблема канализации решалась крайне просто: все лишнее сваливали рядом с жилищами. Вариантов уничтожения нечистот за тысячелетия человеческого существования было немало, к тому же речь, по мере роста городов, шла о весьма значительных объемах. В XIX веке специалисты рассчитали, что в среднем на каждого человека в день, без различия возраста, пола, вероисповедания и рода профессиональных занятий, приходится около 90 граммов плотных и 1200 граммов жидких испражнений, а в год человек, живший в позапрошлом веке, выдавал на гора 34 килограмма кала и 438 килограммов (почти полтонны!) мочи*. Умножьте все это на десятки, сотни тысяч жителей города, миллионы и...

И это еще не все. Плотные извержения состоят на 75% из воды и содержат 1,2-2,0% азота; моча же состоит

* Мочу с удовольствием и не без успеха во все времена и почти во всех странах использовали знахари в лечебных целях, но далеко не в таких объемах. У одного фараона вылечили глаз мочой какой-то женщины, на которой он впоследствии женился, а один мой знакомый, россиянин, в отрочестве избавлялся от прыщей, увлажняя лицо собственной мочой. В мрачное Средневековье многие полоскали рот утренней мочой. Говорят, помогало, не говорят от чего. В наши дни Уриротерапия успешно возрождается. Грядет эпоха Возрождения.

на 93—96% из воды и содержит 1,3—2,6% азота (тут все зависит от характера, качества и количества пищи). Таким образом, средний человек в течение года выделяет азота в кале 0,4—0,65 килограммов, а в моче 5—6 килограммов. Если содержание азота в извержениях принять за мерило напряженности процессов разложения, которым они подвергались, и их способности заражать среды, с которыми они соприкасались (воздух, почва, вода, обувь), то в санитарном отношении моче не зря приписывали гораздо большую зловредность, чем плотным извержениям, и потому с еще большей, особой остротой вставал вопрос о своевременном и полном ее удалении, подальше от населенных мест.

Задача удаления нечистот становилась поистине глобальной и некоторыми экспертами приравнивалась к проблемам неграмотности, нищеты, безработицы, эпидемиям, сопровождающим историю человечества, притом проблема избавления от продуктов жизнедеятельности человеческого организма гораздо более важная, потому что касается всех, тогда как другие в той или иной мере затрагивают только тех, кто страдает от голода или бесправия. Весной 1885 года в американском городе Плимут (штат Пенсильвания) переболели брюшным тифом 1200 человек (из общего населения 8000), при этом каждый десятый умер (в скобках замечу, что первые поселенцы в Америке пользовались исключительно «скворечниками»*, которые и сегодня можно увидеть на наших дачных участках; внутри эти отхожие места американцы оклеивали

* Одним из первых американцев, который установил туалет в доме, был знаменитый поэт Г. У. Лонгфелло (1807—1882). Побывав в 1840-х годах в Европе, он по возвращении домой, в Кембридж, штат Массачусетс, установил подобный туалет и в своем доме, а «скворечник» разрушил. Туалет он показывал своим гостям, и поскольку был знаменитостью, то люди поверили ему и стали устраивать подобные помещения у себя дома.

обоями или вырезками из газет). Выяснилось, что рядом с канавой, сообщавшейся с городским водопроводом, ясил больной брюшным тифом. По ночам жена больного выбрасывала его экскременты на мерзлую землю. Весной, во время половодья, инфекция попала в канаву, а из нее в водопровод.

С появлением канализации жить горожанам стало легче и безопаснее, однако строительство и эксплуатация ее обходились (да и обходятся до сих пор) дорого. Если иод канализацией понимать искусственные устройства для удаления нечистот из населенных мест, то люди еще в глубокой древности осознавали необходимость в чем-то подобном. Вавилон, Карфаген, Иерусалим и многие города Египта были снабжены водостоками. В Вавилоне под улицами были вырыты большие каналы, к которым примыкали боковые трубы для отвода из домов нечистот и помоев. В Иерусалиме сточные воды направлялись в большие пруды при помощи целой сети каналов. Осадки, скапливавшиеся в прудах, продавались на удобрение, а их водой пользовались для поливки садов долины Кидрона.

Наиболее значительная в древности канализация была устроена в Риме. Это одно из наивысших достижений римской инженерной мысли. *Cloaca maxima* (от лат. «*cluo*» - «чистить»/), построенная Л. Тарквинием Приском за 600 лет до н. э., многие века оставалась самой совершенной канализационной системой в мире (вплоть до XIX века) и существует и в настоящее время. Высота этого главного отводного канала 5,3 метра, а ширина — 4,4 метра. Он проведен в Тибр от форума между Капитолийским и Палатинским холмами. Сначала он служил для того, чтобы принимать в себя лишь почвенные воды бо-

* Покровительницей канализации *Cloaca maxima* была Клоакина («очистительница» — эпитет Венеры), богиня подземных вод, и был еще бог туалетов — Крепит.

лотистой части города, но затем в него стали отводить и грязные воды из домов. Лишь спустя семьсот (!) лет после сооружения этого канала его пришлось очистить, да и то по причине недостаточного уклона и плохой промывки, а потом и расширить до семи метров. В 184 году до н. э. на строительство других каналов для отвода сточных вод была потрачена огромная сумма в 24 миллиона сестерциев. При императоре Августе, на рубеже тысячелетий, в Риме была введена правильная промывка каналов водой из водопроводов. К концу I века в Риме действовали одиннадцать водопроводов, проведенных из окрестных водоемов и подземных источников.

В Афинах уже в V веке до н. э. воду и нечистоты отводили при помощи канала глубиной и шириной один метр. (В Греции, замечу в скобках, зарегистрирован едва ли не первый в истории случай использования воды для смыва нечистот — и первое упоминание ассенизатора, да еще какого! Вспомним шестой подвиг Геракла — очистку авгиевых конюшен. Геракл сломал с двух противоположных сторон стену, окружавшую скотный двор, - а там, между прочим, находилось триста быков — и отвел в него воду двух рек. Вода этих рек в один день унесла весь навоз со скотного двора, а Геракл опять сложил стены. «Авгиевы конюшни» стали нарицательным выражением. И в наши дни для того, чтобы вычистить какой-нибудь туалет, нередко требуются усилия Геракла.)

В других городах проводились открытые уличные каналы или водостоки, перекрытые плитами. В Пергаме (древний город в Малой Азии, основан в XII веке до н. э.) с III века до н. э. функционировала система подземных клоак, с которой были связаны общественные уборные. В Хиерополисе (Турция) в III веке до н. э. экскременты смывались водой, пущенной по полу вдоль одной из стен.

В Средние века дождевые и домашние воды спускались по естественным стокам, а нередко и по открытым канавам. Во многих европейских городах столетиями подобным образом отводили грязные воды. Лишь во второй половине XVI века в некоторых городах Европы стали предприниматься попытки к устройству правильной канализации. В Праге в XVII веке были построены подземные сточные каналы, перекрытые сводами. Более совершенным устройством отличались водостоки английских городов. По примеру Англии, где в 1852 году были изданы правила об отводе грязных вод жилых домов и общественных зданий, об устройстве водостоков, в крупных европейских городах приступили к устройству рациональной канализации.

История унитаза - перейдем теперь непосредственно к нему - проста, как сам унитаз (только не говорите это изобретателю унитаза). В 1859 году для английской королевы Виктории был сделан золотой унитаз, в 1883-м для нее же — первый в мире керамический унитаз (автор — Томас Тьюриферд, *Thomas Turiferd*). С 1885 года стали производить унитазы знакомой нам формы.

Людей издавна занимал и такой вопрос - как устранить зловоние в местах отправления естественных надобностей? Лучшие умы бились над этой проблемой, пока не явился еще один англичанин, священник Г. Муль (Я *Мтк*, 1801-1880), который в 1859 году и предложил средство для устранения дурного запаха. Он опытным путем выяснил, что сама природа создала превосходные дезинфицирующие средства. Это — земля и торф. Муль предложил подмешивать к свежим человеческим извержениям сухую землю в определенном соотношении. В известных обстоятельствах этот вопрос и поныне решают по методу Муля.

Человечество в своей истории задумывалось и над еще одной капитальной проблемой, так хорошо знако-

мой современным российским дачникам, — речь об опорожнении выгребных ям. В XIX веке жидкие нечистоты удалялись из ям путем выкачивания (ручными или паровыми насосами, при помощи герметических безвоздушных бочек, паровых инжекторов и т. д.). Между тем в больших выгребных ямах на дне оставался твердый осадок нечистот, который приходилось удалять лопатами в атмосфере, содержащей не только большие количества углекислоты, но и ядовитые газы (по преимуществу аммиачные соединения и сероводород). Пребывание на дне ямы нередко становилось для рабочих делом весьма опасным. Известны случаи, когда рабочие погибали, пытаясь спасти потерявшего сознание товарища.

Современные российские дачники не ведают того, какую сложную эволюцию претерпел туалет, и весьма широко пользуются так называемыми «пудр-клозетами». Это стульчаки с ведром для приема извержений и с приспособлениями, дающими возможность, после каждого пользования клозетом, покрывать содержимое ведра надлежащим количеством сухой земли или торфяного порошка. Но дальше в этой книге мы расскажем не только об этих примитивных, хотя подчас и незаменимых устройствах (не все ведь дачники). Туалет — не только детище мировой цивилизации и результат общегуманистических процессов, объединяющих всех людей на Земле в стремлении справить нужду как можно комфортнее и гигиеничнее. Туалет в известной степени — микромодель отношения цивилизации к отходам своей жизнедеятельности. Это продукт технического прогресса. Так вспомним же некоторые этапы его истории.

2. ОТХОЖИЕ МЕСТА, НУЖНИКИ, РЕТИРАДНИКИ

Переходя к рассказу непосредственно о питерском туалете (но не забудем и про московский, ибо он много старше), для начала определимся с терминами. По сути, редко встретишь столько понятных синонимов одного и того же, однако это место, а подчас и сооружение в разные эпохи, в разных слоях общества именовалось по-разному. Например, в Библии встречаем и такое определение: «Когда он вышел, рабы Еглона пришли и видят, вот, двери горницы замкнуты, и говорят: верно, он для нужды в прохладной комнате» (Книга судей израилевых, 3, 24). В Питере эти комнаты останутся «прохладными» аж до конца XIX века, когда будут предприняты первые попытки устраивать и обогреваемые нужники.

В XVIII веке то, что сегодня мы называем «туалетом», называлось «отхожим местом» или «нужником» (в Москве говорили «зануждой»). «Отхожим» это место называлось не потому, что в него «ходили»; «отхожий» — это «отдельный», «отделенный», «особый» (в юридической практике «отхожие земли» — такие, с которых не взимался налог). Располагалось это место либо в пристройке к дому, либо в отдельных сооружениях на улице.

В Петербурге общественные туалеты, примитивные «отхожие места» устраивались с самого основания города в начале XVIII века во всех местах, где жили, торговали, отдыхали люди, — при гостинных дворах, мануфакту-

рах, на рынках, в портах. Сооружали их при домах, ставили на берегах рек и каналов. Где ни попадя не ставили, но и плана особого не было. Руководствовались лишь практическими соображениями, в меньшей степени — санитарно-гигиеническими, в крайнем случае — распоряжениями властей.

9 апреля 1699 года (когда Петербурга еще не было) Петр I издал указ «о соблюдении чистоты в Москве и о наказании за выбрасывание сору и всякого помету на улицы и переулки»*. Видимо, горожане не церемонились с «выбрасыванием помету». В целом сведения о быте россиян того времени, и в особенности по интересующей нас части, весьма скудны. Тех, кто вел записи, мало интересовала жизнь «подлого народа», иностранцы же вообще (за единственным исключением, о котором дальше) не уделяли внимания в своих заметках о России XVIII века такому важному (для нас) аспекту, как нужные места. Можно встретить описание мануфактуры петровского времени, подробный рассказ о климате, «нравах», торговле, архитектуре, религии, но повседневная жизнь человека этим далеко не исчерпывается. Вот и приходится ограничиваться скудными сведениями, из которых, впрочем, складывается определенная картина.

Общие отхожие места, расположенные за пределами дома, во дворах, назывались «ретирадниками». Это были

* Даже в Кремле дела были плохи с точки зрения гигиены. Вот запись в журнале Оружейной палаты, сделанная 25 октября 1727 года начальством Казенного двора: «От старого и доимочного приказов всякой пометной и непотребной сор от нужников и от постюю лошадей подвергает царскую казну немалой опасности, ибо от тоего является смрадный дух. а от тоего духа Его Императорского Величества золотой и серебряной посуде и иной казне ожидать опасной вреды, отчего б не почернела».

небольшие деревянные домики с дырой в полу над выгребной ямой, очень похожие на современные дачные «удобства» (от французского «retirer» — «удаляться»). Название «ретирадники», или «ретирадные места» (а то и «ретирады»), как и сами эти туалеты, существовало в петербургских дворах до конца XIX века. Ими пользовались дворники, швейцары, уличные торговцы и жильцы подвальных этажей.

Первый домашний «ретирадник», о котором нам известно, появился в Петербурге в 1710 году в двухэтажном каменном Летнем дворце Петра I (сохранился до сих пор). Второй такой же туалет, «кабинетец нужный», но уже с проточно-промывной канализацией, Петр велел соорудить во дворце Монплеизир в Петергофе близ Петербурга. Вода в «нужное место» поступала от фонтанов Монплеизирского сада. Все «лишнее» из этого домика сносилось в Финский залив. Старинный нужник в Петергофе был несколько лет назад восстановлен архитектором А. Э. Гессеном (1917—2001), много лет посвятившего реставрации петергофских построек.

Большинство же общественных ретирадников, располагавшихся на рынках, в парках и тому подобных местах, были деревянными и ничем не отличались от обыкновенных дворовых ретирадников. Во время гуляний ставились временные общественные ретирадники — места, огороженные дощатым забором, без крыши. Внутри забора настилался дощатый, с широкими щелями, пол. Иногда снаружи, «для красоты» (не для маскировки же), стены украшали ветками, втыкая их в щели стен. Крутом стояло страшное зловоние, по которому ретирадник и находили (или обходили).

«Уборной», или «дамской», в XVIII веке называли будуар или артистическую комнату. Екатерина II в своих воспоминаниях, написанных, когда она была еще вели-

кой княгиней, употребляет это слово именно в таком смысле. Приведу этот отрывок полностью, поскольку из него видно, с какими неудобствами было сопряжено даже для сановных особ пребывание в доме без соответствующих, почти повторяюсь, удобств (т. е. без уборной — уже в современном нам смысле):

«Нас поместили в деревянном флигеле, только что выстроенном прошедшею осенью: вода текла по стенам, и все комнаты были чрезвычайно сыры. В этом флигеле было два ряда больших комнат, по 5 или по 6 в каждом ряду; выходившие на улицу занимала я, а противоположные Великий Князь. В той комнате, которая должна была служить мне уборною, поместили моих девушек и камер-фрау с их служанками. Таким образом 17 человек должны были жить в одной комнате, в которой, правда, было три больших окна, но из которой не было другого выхода как чрез мою спальню, и женщины за всякою нуждою проходили мимо меня, что вовсе не было удобно ни для них, ни для меня. Я никогда не видала такого нелепого расположения комнат; но мы обязаны были терпеть эти неудобства. Вдобавок они обедали в одной из моих передних комнат. Я приехала в Москву больная и, чтобы как-нибудь устроиться получше, велела достать большие ширмы и разделила спальню свою натрое; но от этого почти не было никакой пользы, потому что двери непрерывно растворялись и затворялись, и этого избежать было невозможно. Наконец на десятый день меня навестила Императрица. Заметив беспрестанную беготню, она вышла в другую комнату и сказала моим женщинам: "Я прикажу сделать другой выход, чтобы Вы перестали таскаться через спальню В[еликой] Княгини". Но что же она сделала? Приказала прорубить наружную стену и таким образом уничтожила одно из окон этой комнаты, где и без того 17 человек с трудом помещались. В комнате устроил-

ся коридор, окно, выходившее на улицу, обратилось в дверь, к которой приделали лестницу, и женщины мои должны были ходить улицею. Под их окнами устроили для них отхожие места; обедать они опять должны были идти улицею. Одним словом, распоряжение это было никуда не годно, так что я не понимаю, как эти 17 женщин, из которых иные были нездоровы, могли жить в такой тесноте и не занемогли гнилою горячкою, и все это возле самой моей спальни».

В подобных обстоятельствах и рождались выражения вроде «отдать долг природе».

Про Екатерину II говорили, будто она в определенных обстоятельствах не очень-то церемонилась и нередко принимала посетителей, выглядывая из-за шторы и сидя при этом на «нужном» месте. Якобы она и умерла на нужнике, о чем было известно А. С. Пушкину:

**Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.**

Уборной уже ближе к концу века называли и комнату, в которой приводили себя в порядок мужчины. Вот цитата из книги В. Ф. Ходасевича «Державин»: «Утром 11 июля граф (Г. А. Потемкин. — *И. Б.*) сидел у себя в уборной: его причесывали». Туалетной же называли комнату отдыха, где встречались в узком кругу друзей. Вот еще одна цитата из той же книги: «Там, в небольшой туалетной комнате, за чашкою кофе обсуждались проекты благодетельных и просвещенных реформ».

Подробное описание питерских отхожих мест XVIII века нам оставил отнюдь не соотечественник, а капитан

японской шхуны Дайкокуя Кодаю. Потерпев кораблекрушение близ берегов России в 1791 году, он был привезен в Петербург. После возвращения на родину Кодаю был подвергнут тщательному допросу и дал письменные свидетельства о разнообразных сторонах русской действительности. Книга показаний Кодаю, составленная Кацурагавой Хосю, долго хранилась за семью печатями. Вот отрывок из этой книги:

«Уборные называются [по-русски] нудзуне или нудзунти [нужник]. Даже в 4—5-этажных домах нужники имеются на каждом этаже. Они устраиваются в углу дома, снаружи огораживаются двух-трехслойной [стенкой], чтобы оттуда не проникал дурной запах. Вверху устраивается труба вроде дымовой, в середине она обложена медью, конец [трубы] выступает высоко над крышей, и через нее выходит плохой запах. В отличие от дымовой трубы в ней посередине нет заслонки, и поэтому для защиты от дождя над трубой делается медный навес вроде зонтика. Над полом в нужнике имеется сиденье вроде ящика высотой 1 сяку 4—5 сунов (сяку = 30,3 см или 37,8 см; 1 сун — 3,03 см, т. е. высота «ящика» была 45—50 см. — *И. Б.*). В этом [сиденье] вверху прорезано отверстие овальной формы, края которого закругляются и выстругиваются до полной гладкости. При нужде усаживаются поудобнее на это отверстие, так чтобы в него попадали и заднее и переднее гайное место, и так отправляют нужду. Такое [устройство] объясняется тем, что [в России] штаны надеваются очень туго, так что сидеть на корточках, как делают у нас, неудобно. Для детей устраиваются специальные сиденья пониже. Нужники бывают большие с четырьмя и пятью отверстиями, так что одновременно могут пользоваться три-четыре человека. У благородных людей даже в уборных бывают печи, чтобы не мерзнуть (...) Под отверстиями сделаны большие воронки из меди,

[а дальше] имеется большая вертикальная труба, в которую все стекает из этих воронок, а оттуда идет в большую выгребную яму, которая выкопана глубоко под домом и обложена камнем. Испражнения выгребают самые подлые люди за плату. Плата с людей среднего сословия и выше — по 25 рублей серебром с человека в год. Очистка производится один раз в месяц после полуночи, когда на улицах мало народа. Все это затем погружается на суда, отвозится в море на 2—3 версты и там выбрасывается».

Это весьма точное описание распространенного в XVIII веке питерского нужника, но японец побывал и в деревне:

«Конечно, так делается только в столице. Люди ниже среднего сословия платят за очистку [нужников] по-разному. В захолустных местах, где не людно, очистка иногда производится и с вечера, но до заката солнца этого нигде не делают (...) В деревнях под уборными ничего не устраивается и испражнения скармливаются свиньям. А зимой кал смерзается, как камень, целый кучами. Его раскалывают на куски и выбрасывают в реку».

Пройдет ровно двести лет, и в 1991 году Тимур Кибиров опишет то же самое, происходившее в наше время:

**Он приходил с киркой и открывал
дверь небольшую под крыльцом, и долго
стучал, и бормотал, и напевал.
А после желто-бурые осколки
На санки из дюрала нагужал
И увозил куда-то, глядя волком
Из-под солдатской шапки...**

Отхожие места для представителей императорской фамилии были сродни дворцам. Между левой частью возведенного Джакомо Кваренги в Царском Селе в 1800 году Александровского дворца и Кухонным корпусом при-

ютился небольшой павильон в стиле классицизма с куполом и двухколонным портиком. Этот элегантный нужник, шедевр архитектуры, оказался прямо под окном будуара Александры Федоровны, которая перебралась в левое крыло, где были устроены ее покои. Императрица не потерпела под окнами отхожее место, пусть и выстроенное выдающимся зодчим, и павильон был снесен.

При царях и царицах родилось и такое выражение: «место, куда царь пешком ходит». И при них же появилась и одна из первых классических настенных надписей:

**Для царя здесь кабинет,
Для царицы спальня,
Для сохатого буфет,
Для Ивана ...альня.**

Строки об уборной как спальне царицы и кормушке лося уходят корнями в эпоху ритуальных песен. Понадобились же «сочинителю» три первые строки только для того, чтобы подчеркнуть, что Иван время от времени делает то же, что и царь, который на троне принимает ту же позу, что и в нужнике.

Другое дело, что никак царь с Иваном не могли встретиться в одном и том же «кабинете», а Иван должен был радоваться еще и тому, что царю не случилось прочесть вышеприведенные строки.

3. КЛОЗЕТЫ, ВАТЕРКЛОЗЕТЫ, СОРТИРЫ

**Цивилизация начинается
с канализации.**

Сантехник-аноним

В XIX веке появились новые слова для обозначения туалета. Слово «уборная», перекочевавшее из XVIII столетия, по-прежнему обозначало помещение для одевания. («Уборная — комната, в которой одеваются, убираются, наряжаются, моются, притираются», — читаем у В. И. Даля.) Император Александр III жил в Петергофе в маленьком дворце, занимая наверху две очень маленькие комнаты, воспоминаниям современника, «лица, являвшиеся с вкладом к императору, для того чтобы пройти в его капнет, должны были проходить через его уборную, где юдились костюмы государя и вообще все принадлежности уборной». Современники А. С. Пушкина правильно понимали следующие строки, которые по причине употребленного в них вышеприведенного слова у современного человека могли бы вызвать недоумение:

**Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере.**

А вот слово «туалет» имело несколько значений, только не то, которое известно нам сегодня: женский ряд, или приведение в порядок своего внешнего вида

(«совершать туалет»), или столик с зеркалом, за которым причесываются и наводят красоту. Тот же Пушкин в том же «Евгении Онегине» пишет о своем герое:

**В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд.**

Сослуживец И. А. Крылова М. Е. Лобанов отмечал в своих воспоминаниях: «Крылов не был охотник до туалета», и тогдашнему читателю было ясно, о чем речь, тем более что последующие слова развеивали сомнения, могущие возникнуть у несведущего человека: "...чаще бывал он немытый и нечесаный"».

К середине XIX века, после того как в петербургских городских квартирах поселился металлический воронкообразный горшок, помещение для отправления естественных надобностей стало называться «клозетом». Заимствовано оно, разумеется, у англичан (*«closet»*), пионеров по части многих аспектов туалетного дела, и означало (у них) «чулан», «кабинет», а у нас заменило выходявшее из употребления выражение «отхожее место». Впрочем, что «кабинет», что «клозет» — суть места для уединения. И там, и там человек предоставлен самому себе, и там, и там он всегда найдет себе дело или занятие. Туалет вообще заменяет многим кабинет, ибо другого места побыть в одиночестве у некоторых наших современников попросту нет.

Еще в первой половине XIX века, по мере увеличения этажности доходных домов, на черных лестницах для жильцов квартир, не имевших ватерклозета, стали появляться отхожие места так называемой «пролетной» сис-

темы, которые, по словам современника, «распространяли жуткую вонь». Литератор А. П. Башуцкий писал: «Часто, входя в переднюю хорошего дома, вы находите ее грязною, безобразною, в беспорядке, и здесь уже запах ламп, кухни или ... неприятно "поражает ваше обоняние».

Не названные Башуцким отхожие места располагались на лестничной площадке рядом с окном в неглубокой нише без двери. Выводные рукава очищались редко (зимой нечистоты замерзали на всем протяжении пролета), и в наружный выгреб попадали преимущественно жидкие нечистоты. Специфический запах распространялся не только на лестницах, на которых находились отхожие места, но и в квартирах и во дворах.

В старых питерских домах, избежавших капитального ремонта, эти ниши и каменные стульчаки с заложенными дырками сохранились до сих пор. Когда в квартирах «тали появляться «клозеты», а потом «ватерклозеты», отхожими местами на лестницах продолжали пользоваться жильцы квартир верхних этажей и мансард, не имевших этих удобств, а также прислуга из квартир, где эти удобства были.

Отхожими местами «пролетной» системы служили и отдельно стоявшие во дворах места общего пользования («общие ретирадники») — ими пользовались дворники, Швейцары, работники некоторых торговых заведений и отчасти обитатели подвальных квартир. К 1900 году общие Клозеты во дворе имелись в 22% петербургских домов.

«Клозеты» были вытеснены «ватерклозетами» — в этих последних горшок омывался водой (*«water»*, как известно, по-английски «вода»^{*}). Самым первым ватеркло-

^{*} Отсюда всемирно распространенная и в наши дни аббревиатура — WC, что означает *«water closet»*, т. е. ватер-клозет, или уборная, если хотите. Или туалет.

зетом было сантехническое приспособление системы «Монитор» (стоил немало — 6 рублей), не имевшее верхнего бака с водой (т. е. сливного бачка), и при нажатии специальной ручки (реже — педали) вода из водопроводной трубы поступала прямо в приемную чашу (или «горшок»), а затем уже и в открывавшееся отверстие. Когда ручку отпускали, вода переставала поступать, и клапан, или «сковородка», закрывался, почти не пропуская в квартиру канализационных газов. Аналогичным устройством до сих пор пользуются пассажиры в поездах дальнего следования. Однако уже к концу XIX века ватерклозеты системы «Монитор» считались устаревшими.

К 1900 году до 60 процентов петербургских квартир имели ватерклозеты, хотя к концу XIX века простые сортиры были во всех домах Александро-Невской части Петербурга, за исключением Невского проспекта от Николаевского (Московского) вокзала до д. 173. В домах на Полтавской, Харьковской и Гончарной улицах были смешанные системы, т. е. и ватерклозеты, и простые отхожие места. Лицевые флигеля обыкновенно имели ватерклозеты, а надворные — простые отхожие места на лестницах. Это типичная картина для всего тогдашнего Петербурга.

«Монитору» постепенно пришла на смену так называемая «русская система», или «русский горшок» (дороже «Монитора» — 6 рублей 73 копейки), состоявший из чугунного воронкообразного горшка («воронки»), соединенного трубой с накопительным бачком для воды. Это нововведение современники сравнивали с Ниагарой — по-видимому, вода низвергалась с грохотом знаменитого водопада.

Затем последовало изобретение колена (сифона) фановой трубы, остававшаяся часть воды в котором не допускала распространения по квартире неприятных запахов.

«Теперь в туалетных комнатах благоухают только розы», — заметил безвестный современник, выражая точку зрения некоторых своих столь же восторженно настроенных соотечественников, приобщившихся к новинке.

Подобной системой, правда, без благоухания роз, мы пользуемся до сих пор, и за последнюю сотню лет ничего принципиально нового не придумано. Дизайнерские же разработки начались еще в конце XIX века, примерно с 1880-х годов. Особой изобретательностью отличались трое англичан (кто же еще?) — Джордж Дженнингс, Томас Твифорд и Томас Крэппер (G. Jennings, T. Twyford, T. Crapper). Именно они явились инициаторами нововведений, призванных сделать пребывание в туалете подобным посещению музея. Лепнина, роспись унитазов, изящество Сделки — до чего только не додумается творческий человек, чтобы скрасить вынужденное уединение себе и людям! Некоторые унитазы были столь хороши, что их впрямую было использовать как супницы. Твифорд первым в мире предложил ставить унитаз прямо на пол, без деревянной подставки. А Крэппер сделал «тихий» туалет, т. е. шум слива из бачка не стал раздражать чувствительных английских леди, которые весьма чутко и крайне неприятно воспринимали все звуки, доносившиеся из туалета. Крэппер стал королевским водопроводчиком и установил более тридцати туалетов в Сэндрингэмском замке для сына королевы Виктории принца Уэльского. О Крэппере написали книгу, автор которой, в частности, заметил: «Нет никакого сомнения в том, что сердце Крэппера находится в туалете».

Впрочем, истории известны случаи, когда только в туалете человека достигало вдохновение, притом дизайн или конструкция не имели никакого значения. Да взять великого китайского поэта Оуяна Сю (1007—1072), кото-

рый признавался: «И я чаще всего пишу свои произведения в трех местах — верхом на коне, лежа на изголовье и сидя в уборной. Ведь только в этих местах рождаются лучшие замыслы!»

Быть может, и для кого-то из отечественных мыслителей туалет превращался в творческую лабораторию, хотя и не все в этом признавались (в читальню — точно, причем для самых широких масс, что практикуется поныне, при этом все эти читальни сугубо индивидуальны). А туалеты меж тем становились все удобнее (и, замечу в скобках, все пригоднее и для отправления нужды, и для знакомства с прессой, а то и обстоятельного изучения оной).

Постепенно в Питере стали входить в обиход английские ватерклозеты «Торнадо», «Лауренс», «Унитас» и «Пьедестал» с «фаянсовыми чашками особой ладьеобразной формы» и «оригинальной каплевидной формы ручкой, свисающей с бачка на изящной цепочке», которая заменила ручку на самом ватерклозете. Эту ручку придумал Крэппер*. Фамилии английских изобретателей и промышленников (например, лондонской фирмы «*Royal Doulton Company*») долгое время красовались на унитазах

* Англичане частенько, посещая туалет или собираясь это сделать, невольно поминают Томаса Крэппера (1836—1910), некоторые при этом считают, что он-то сливной туалет и изобрел, а другие вообще о нем никогда не слышали, хотя невольно вспоминают часто. От его фамилии пошло выражение «*to take a crap*» — «испражняться»; как существительное «*crap*» означает нечто плохого качества (т. е. «дерьмо»), а как прилагательное звучит так: «*scarry*» («дерьмовый») — «*Scarry*» означает «туалет». Запомнить надо только одно: все производные от фамилии изобретателя принадлежат к разряду сленга. Эти слова изучающему английский язык надо знать, но лучше их не употреблять. Что же касается того, изобрел Крэппер сливной туалет или нет, то на этот счет у английских историков существуют большие сомнения.

и туалетных аксессуаров в петербургских домах. Впрочем, кассовое производство фаянсовых унитазов началось в Испании в 1909 году акционерным обществом под названием... ну конечно же, «*Unitas*».

Популярностью у более состоятельных петербуржцев пользовался клозет «*Valiant*», который состоял из фаянсового горшка с двойным сифоном, полированным сиденьем с крышкой, полированного бака на никелированных кронштейнах, фаянсовой ручки с цепью и сливной трубой. Красота да и только!

С 1910 по 1920 год бачок опускался все ниже, пока не стал вместе с унитазом одним целым. Но то в Англии. В других странах еще долгие десятилетия дергали за веревочку, чтобы спустить воду.

Однако хватит об англичанах. Спасибо им, конечно, за великие изобретения, но мы могли бы и сами додуматься (но не применить — с этим у нас сложнее). И ведь были люди. Вопросами ассенизации русских городов, в том числе и Петербурга, активно и успешно занимался выдающийся ученый, профессор Латвийского университета Арнольд Карлович Енш (1866—1928). Его перу принадлежат многочисленные труды на эту тему.

В 1879 году в туалетном деле произошло событие, созвучное изобретению радио, — то ли Маркони был первым, то ли Попов, но факт изобретения состоялся. 32-летний военный инженер Василий Блинов в Петербургском университете продемонстрировал научному сообществу устройство, ставшее будто бы прототипом современного унитаза. На глазах собравшихся ученых мужей он вывалил в ночную вазу полведра конского навоза, залил его ведром воды (в те времена все мерялось ведрами, даже водка) и предложил собравшимся заглянуть внутрь.

Заглянули.

Навоз бесследно исчез.

Далее Блинов с помощью чертежей и таблиц объяснил почтенной публике принцип действия своего «прибора». В горшок был вмонтирован так называемый водяной затвор — устройство, препятствующее обратному течению газов в трубопроводах. До этого водяной затвор использовался в паровых котлах военных кораблей. Блинову первому пришлось в голову совместить его с самым обыкновенным ночным горшком.

Первыми заказчиками технического новшества стали члены императорской фамилии. Для них изготовили десять фарфоровых изделий и установили в разных дворцах. Рядовые же граждане продолжали пользоваться английским устройством, изобретенным на двадцать лет раньше.

В лучших петербургских гостиницах было большее разнообразие мест и устройств для отправления нужды, чем в жилых домах. Так, в 1863 году архитектор Р. Б. Бернгард осмотрел здание «Европейской» гостиницы на Михайловской улице и отметил в отчете, что в отеле было «...12 отхожих мест с полами, перегородками, трубами и всеми принадлежностями... 14 ватерклозетов с приводом и отводом воды, 14 писсуаров с приводом и отводом воды».

В 1864 году в гостинице «Москва» (Невский пр., 49) было двадцать отхожих мест самого примитивного устройства. После того как гостиница в начале 1880-х годов была переоборудована П. Ю. Сюзором, которого по праву называют «мастером санитарного зодчества» (по его проектам в Петербурге построено больше 20 бань), в «Москве» появилось 36 ватерклозетов, 8 мочевики (то же, что писсуар), 32 раковины и две ванны. Всего в гостинице тогда было сто номеров, удобства были сгруппированы в трех местах, и идти к ним нужно было по коридору. Ныне это здание занимает отель «*Radisson SAS*»; оно

полностью перестроено, и гости определенно не испытывают неудобств с «удобствами» и уж точно не бродят в их поисках по коридорам.

В 1886 году была сделана опись четырехэтажного дома, стоявшего на месте нынешней гостиницы «Астория» (построена в 1912 году); из этого документа, в частности, следует, что на каждом этаже было по одному отхожему месту, но имелось еще и 55 ватерклозетов. Судя по количеству последних, все жильцы этого многоквартирного дома имели свои «удобства».

В 1897 году была отремонтирована гостиница «Гранд-Отель» (Малая Морская ул., 18), и в ней «даже завели усовершенствованные английской системы ватерклозеты "Лауренс"», что особо отметила в своем отчете медицинская полиция. В целом же, согласно этому отчету, во второклассных ресторанах и трактирах, портерных и меблированных комнатах из-за отсутствия постоянной прислуги для надзора за чистотой, из-за плохой вытяжки и из-за отсутствия Йезодорирующих и дезинфицирующих средств (использовались только серно-карболовая жидкость и хлорная известь) воздух был тяжелый и зловонный.

Со второй половины XIX века понятие «квартира» как жилье для одной семьи начинает претерпевать существенные изменения. Словосочетания «коммунальная квартира» тогда еще не существовало (это изобретение советского времени), зато квартиры, в которых проживало по несколько семей, стали далеко не редкостью в эпоху бурного строительства секционных доходных домов. Прежде всего этому способствовала система субаренды — сдача квартиры «от жильцов» (выражение придумал Ф. М. Достоевский в 1860-х годах), когда наниматель квартиры сдавал комнату или «угол» (или «койку») в нанимаемой им квартире третьему лицу. Согласия домовладель-

ца на это не требовалось. Подобная система была удобна для всех трех сторон. Бывало, таких «подселенцев» и «угловых жильцов» набиралось десяток-полтора, и трех- или пятикомнатная квартира с одной кухней и единственным клозетом (но чаще на лестничной площадке, «пролетной» системы, на несколько квартир) превращалась в «дикую коммуналку», которые расплодятся в невероятном количестве после 1917 года.

Замечу тут, что слово «клозет» не задержалось надолго в речевом обиходе петербуржцев. За несколько десятилетий до окончания века, очевидно, по прихоти некоторых женщин, стремившихся подыскать более благозвучное наименование клозету, тот получил название «сортир» (от французского глагола *sortir* — «выходить»). Со временем, однако, это наименование отхожего места превратилось в вульгаризм, каковым является и поныне. Некоторые из современных дам вздрагивают, услышав это слово. Другие же, загасив сигарету и допив рюмку, напротив, только его и употребляют, но, опять же, только среди друзей-приятелей, подружек и приятельниц.

В Петербурге долгое время вынуждены были вывозить за пределы города то, что тогда иногда называлось «людскими извержениями». Гигиенисты ломали голову над тем, как рациональнее вывозить нечистоты, да еще и организовать дело так, чтобы были смягчены присущие этому неэстетическому процессу недостатки. Соответствующие службы следили за тем, чтобы нечистоты по возможности не скапливались вблизи человеческих жилищ, не просачивались в почву под домами, на дворах и улицах и в меру сил, беспрестанно подвергаясь беспощадной, а частенько и справедливой критике, заботились о том, чтобы нечистоты не заражали воздух, почву и почвенную воду.

И морскую тоже. На кронштадтских фортах справляли нужду, присев на скалистом берегу и оборотившись спиной к морю. Начальство обратило на это внимание, и 15 января 1846 года командир кронштадтского артиллерийского гарнизона генерал-майор (фамилию установить не удалось) обратился к строителю кронштадтских укреплений генерал-майору Лебедеву со следующим письмом: «Командир форта "Император Александр I" господин подполковник Костромитинов рапортами своими от 8-го числа сего генваря за № 3 и 4 донес мне...: что необходимо нужно устроить в оном форте в отхожем месте для нижних чинов стольчак с отверстиями дыр, потому что весьма опасно нижним чинам становиться на край, отчего легко могут поскользнуться и упасть, а также без стольчаков в отхожем месте неопрятно». Как видим, это редкий случай отправления естественных надобностей с риском для жизни.

В летнее время нечистоты удалялись из Петербурга при помощи городских и частных ассенизационных лодок, стоявших по берегам рек Смоленки и Ждановки. Эти лодки имели особое устройство: наполнялась только средняя их часть, носовая же и кормовая оставались свободными. В носовой части нередко устраивалось временное жилье для рабочих. Каждая такая лодка вмещала до трехсот возов нечистот, с воза бралась плата — 30 копеек (триста умножить на тридцать... деньги ехали немалые). Увозились нечистоты ранним утром далеко за Лахту (примерно в пятнадцати километрах от Петербурга), где и спускались в море. Когда лодки возвращались, то запах был «самый ничтожный», но все равно узнаваемый. Французский путешественник маркиз де Кюстин отмечал в своих «Записках о России» в 1839 году: «Тележки, назначенные для вывоза городских нечистот, малы и неудобны; с таким снарядам один человек и одна лошадь не могут

много наработать в один день». Однако же ездили не по разу, но только ночью.

Художник-маринист, военный офицер, внук А. Н. Радищева, А. П. Боголюбов вспоминал в своих «Записках моряка-художника» (1847 г.):

«Натура моя была крепчайшая, я только бледнел, но ум пропил — много что раза три в жизни. Раз, возвращаясь зимой ночью с какой-то попойки, я был в хмелю. На парах начал буянить с братом и Эйлером, отстал от них. Вижу, тянется передо мной вереница говночистов. В пьяной башке мелькнула мысль, что они близко проедут около моего дома, я присел на полозья одного из ящиков и, несмотря на ароматы, сейчас же заснул. И каково было мое удивление, когда меня разбудили ночные деятели уже далеко за городом на кронштадтской косе, куда это добро сваливалось. Хмель прошел разом, и я побрел домой, проклиная судьбу, и притащился к себе, когда уже светало. Черт меня дернул нарисовать себя в этом плачевном виде, и тогда молва сделалась всеобщей, несмотря на то, что я показывал карикатуру только приятелям».

Другой художник, М. В. Нестеров, запомнил, как вывозили нечистоты в Москве:

«Мне нельзя было забираться далеко от Ордынки, от строящейся церкви, куда мне предстояло ездить ежедневно на работы. Квартира должна быть вместительная, не менее шести-семи комнат, причем необходима была одна большая под мастерскую. Начиная с утра я ежедневно отправлялся на поиски, но ничего подходящего не было... И вот однажды читаю: сдается квартира о семи комнатах на Донской. Еду на Донскую... Вот и дом № 28, богатый, не старый, трехэтажный, Вхожу, лестница чистая, удобная; квартира наверху... Светлая, с большим залом 14 на 10 аршин, что мне и нужно. Не откладывая в долгий ящик, стал оборудовать квартиру по своему вкусу... Серд-

це радовалось, так все было удобно, уютно, хорошо. Из окон перспектива по обе стороны: налево — к Калужским воротам, направо — к Донскому монастырю... Погода стоит жаркая — май месяц. Ложусь, на ночь открываю окна. Однако часу в первом просыпаюсь от какого-то неистового грохота, такого равномерного и бесконечного. Что бы это могло быть? А грохот на Донской несется неустанно. Совсем проснулся, не могу уснуть. И чувствую я, что, кроме грохота, чем-то смущено и обоняние мое. Встаю, подхожу к открытому настежь окну и вижу: от самой Калужской площади и туда — к Донскому монастырю, не спеша громыхают сотнями «зеленые бочки». Донская, моя прекрасная Донская, с липовыми аллеями по обе стороны широких панелей, входит в число тех улиц, по которым каждую ночь до рассвета, чуть не большую часть года, тянутся со всей Белокаменной к свалкам ассенизационные обозы. И так будет, пока отцы города не устроят канализацию».

А ведь дело-то происходило в 1910 году, совсем недавно, еще и ста лет не прошло. Но и для Петербурга это была типичная картина.

Удаление экскрементов из выгребных ям производилось вычерпыванием с помощью специального черпака (в редчайших случаях — насосами) в открытые бочки или ящики. Навоз вывозили нередко в простых телегах, непокрытых вовсе или прикрытых куском грязной рогожи.

Кроме городского ассенизационного обоза, размещавшегося на Васильевском острове (33 ящика и 21 бочка с герметическими затворами, 59 работников), было множество частных золотарей. Для открытия подобного промысла не требовалось особых разрешений. Чтобы стать золотарем, надо было иметь лошадь, телегу и до сорока рублей на покупку ящика. И еще желание работать со специфическим продуктом, готовность жить артелью,

в небольшой трудовой колонии, отдельно от других людей, не пользоваться почетом в обществе и не ждать ни наград от него, ни даже благодарности — одно презрение.

Ассенизационные обозы обычно располагались на отдаленных улицах на задних дворах или за городом. В Нарвской части Петербурга было три ассенизационных обоза. Обоз Юргенсона состоял из шести бочек и семи ящиков; и те и другие закрывались герметически, после свалки нечистот мылись водой и дезинфицировались сернокарболовым раствором. Обслуживали обоз 20 человек. Все они жили в двухкомнатной квартире, в подвальном этаже старого деревянного дома, с кухней. Комнаты служили, естественно, для ночлега, кухня была для них столовой. Все работники находились на полном содержании хозяина. Юргенсон платил им по 7—8 рублей, летом до десяти. В ассенизационном обозе Никитина служили 27 человек, которые размещались в двух квартирах при готовой пище. Некоторые из них работали долго, до 17 лет.

Домовладельцы обычно заключали годовые договоры на очистку выгребов отхожих мест (за вывоз помойных ям крестьяне пригородных деревень не только не брали денег с хозяина, но даже платили ему оптом за целый год). Иногда хозяин приглашал ассенизационный обоз в количестве, например, трех ящиков и двух бочек и платил за ящик $\frac{1}{2}$ рубля, за бочку — два. Регулятором цен служил городской обоз.

Был и еще один способ вывоза нечистот, самый распространенный по причине своей дешевизны. Нечистоты вывозили немцы-колонисты и крестьяне пригородных деревень (чухонцы) на своих лошадях в ящиках самого примитивного устройства. Зимой, считали городские власти, это было еще допустимо, но в остальное время года обозы, тянувшиеся по Невскому или Шлиссельбургскому проспекту в 2—3 часа ночи, по неровной булыжной

мостовой, насыщали воздух таким зловонием, которое еще долго продолжало висеть в воздухе, да еще и оставляли следы от пролитых экскрементов. Этих добровольных санитаров нередко привлекали к ответственности. Как и некоторых домовладельцев, которые годами не очищали люки своих домов.

Другой способ избавления от нечистот — устройство труб для их спуска. В Петербурге они были в основном (до 80 процентов) деревянные, реже — так называемые «каменные», т. е. кирпичные (20 процентов). Подземные трубы изготовлялись из барочных (не путать со стилем «барокко» — речь идет о барках) досок на городские средства, работы велись под руководством Комитета городских строений. Они выкладывались при строительстве дома и вели в выгребные ямы. Остатки кирпичных труб иногда можно увидеть и в наши дни — два параллельно торчащих ряда кирпичей, идущих сверху вниз вдоль лестничных окрн, внешняя стенка трубы обычно отбита. Крайне редко встречались гончарные трубы, и, как нечто удивительное, упоминаются железные трубы, внутри эмалированные. Эти трубы вели в выгребные ямы.

Лишь двадцать процентов выгребных ям делалось из непроницаемых материалов: из цемента, реже из керамики или железа, остальные выгребы сооружались из плохого барочного леса и за редким исключением даже не обмазывались глиной, как требовалось по Обязательному постановлению 1884 года. Деревянные крышки быстро разбухали и плохо закрывали выгреб. Снимать крышки нередко приходилось с помощью ломов и топоров, что приводило к порче крышек, образованию в них щелей, которые пропускали потом из выгребов зловонные газы. Зимой люки обыкновенно замерзали и покрывались льдом и снегом. Лишь в некоторых домах выгребы име-

ли чугунные крышки, а в трех домах — две металлические крышки (Фонарный пер., 7/8, Вознесенский пр., 20, Новый пер., 4). Некоторые выгребов часть находились внутри здания (в старых домах), часть выходили во двор. Нечистоты свободно впитывались в окружающую почву. При быстром росте населения и все более уплотняющейся застройке в последней трети XIX века положение становилось крайне опасным. Между тем всякий контроль за состоянием выгребных ям был крайне затруднителен.

Смешанные выгребов состояли из срубов без перегородок и принимали одновременно нечистоты простых отхожих мест и ватерклозетов, которые под напором ватерклозетной воды шли в городскую трубу. Некоторые выгребов были закрыты мостовой, а в некоторых домах вообще не было выгребов, и нечистоты спускались в городскую трубу, а то и прямо в Мойку. В редких случаях имелись выгребов с «дворовыми» фильтрами для задержки густых нечистот с гравием, углем или древесными прутьями, еще реже ставились решетки; правда, «фильтром» все эти препятствия назвать сложно, что понимали и современники.

В основном в XVIII — первой половине XIX века нечистоты, а также стоки промышленных предприятий спускались без очистки и в реки и каналы и, как уже говорилось, вывозились в Финский залив. Загрязнение городских водотоков и засорение уличных каналов вынудили правительство еще в 1845 году издать закон, запрещающий присоединять дворовые выгребов к уличным трубам.

Некоторые домовладельцы для избавления от нечистот использовали общегородскую дождевую канализацию, которая существовала в Петербурге с XVIII века. В 1834 году ее протяженность составляла 45 тысяч погонных сажен, а в 1849-м — около 50 тысяч сажен, охватывая все основные улицы города.

Использовать дождевую канализацию как бытовую было строжайше запрещено в конце 1860-х Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, однако массовость и неискоренимость этого явления была признана властями и даже законодательно закреплена в Обязательных постановлениях, принятых 2 августа 1884 года, когда было разрешено спускать туда нечистоты из клозетов и простых отхожих мест, но оговаривалось, что при присоединении к дождевой канализации должны устраиваться особые заградительные решетки для задержания твердых нечистот. Однако и это требование не принималось в расчет — осадочные колодцы дождевой канализации на перекрестках улиц превратились в выгребные ямы.

Деревянная дождевая канализация была головной болью городских властей. Она имела щели и неплотные стыки (в палец шириной), потому что делалась из самого простого материала — горбыля и барочного леса. Для проникновения в окружающую почву дождевой воды это нормально, но, когда по этим трубам пошли нечистоты, санитарные врачи обеспокоились — эпидемии стали распространяться на целые районы, причем нередко фиксировалось направление распространения инфекции с направлением дождевой канализации.

Разработка петербургской канализации была поручена еще в середине XIX века, конечно же, англичанину — инженеру Уильяму Линдлею (*W. Lindley*, 1808-1900). Пробурив на петербургских улицах 62 скважины, он изучил характер местных почв, высчитал, что на человека приходится 36 пудов экскрементов в год, после чего решил все питерские нечистоты отводить в Невскую губу: «К западу от Гутуевского острова тянутся песчаные мели, покрытые водою лишь от $1/2$ до 3 футов при среднем ее стоянии, и только против середины Канонерского острова один из глубоких и главных каналов Невы опять прибли-

жается к берегу... посредством короткой трубы можно достигнуть глубокой воды и сильного течения, которое обеспечивает размножение нечистот, делая их безвредными и уносит вдаль». Англичанин не учел, что ветры каждый год вызывают в Петербурге наводнения. Да и как он мог это учесть, если в Петербурге был короткое время, а в основном перемещался из одного европейского города в другой, давая консультации. Его проекты были в основном реализованы в Гамбурге, но там наводнений не бывает.

Питерские инженеры пришли в ужас от замысла англичанина: «Вода из залива и Ладоги ворвется в город, и он потонет в дерьме!» Возражали и земледельцы, так как «вдаль», осуществившись «проект» Линдлея, стало бы уноситься большое количество «удобрительного материала». Англичанин не учел еще и то обстоятельство, что в столице находилось в то время более 83 000 домашних животных, выделявших больше двухсот тонн экскрементов в год, и все это попадало в почву или уносилось с отступавшим наводнением в морскую пучину. Жуткая картина была в местах стоянок возов, каретных и ломовых бирж — возле павильонов на Сенной площади, по берегам Екатерининского канала (который современники называли «канавой»), на Горсткиной улице, на Никольской площади, на Фонтанке у Семеновского и Симеоновского мостов, около Малого театра и на многочисленных улицах и в скверах Петербурга, где жители выгуливали своих четвероногих друзей, — убирать за ними питерские собаководы не научились до сих пор.

А пока городские власти размышляли, что делать с нарастающим объемом нечистот, баржи с фекалиями стояли напротив Зимнего дворца, а его обитатели, фигурально выражаясь, выливали содержимое ночных горшков прямо в Неву (хотя к горшкам, разумеется, были пристав-

лены соответствующие лица). Горшками, или, культурно выражаясь, «ночными вазами», у представителей высших и средних городских слоев служили фарфоровые (нередко севрские) или фаянсовые, по форме похожие на вазы предметы, а у низших — просто жестянка или ведро (члены Политбюро в СССР во время прохождения демонстрантов мимо мавзолея тоже писали в ведро, о чем дальше).

Раз уж мы заглянули в Зимний дворец, то стоит вспомнить, что около него при любой погоде, будучи в Петербурге, по утрам совершал по тротуару прогулки император Александр II. Возвратившись во дворец, его величество пил кофе со своим доктором И. В. Енохиным, а потом отправлялся в ретирадное место. Государь, по воспоминаниям современника, наследовал от отца и деда «тугость на пищеварение и в бытность свою на Кавказе в 1850 году, попробовав курить кальян, заметил, что кальян много способствует его пищеварению. Итак, его величество, воссев где подобает, начинает курить кальян и курит, доколе занятие это не увенчается полным успехом. Перед государем поставлены огромные ширмы, и за этими ширмами собираются лица, удостоенные по особой царской милости высокой чести разговором своим забавлять государя во время куренья кальяна и совершения прочего... Лица эти получили в Петербурге прозвание "кальянщиков", и множество генерал-адъютантов, флигель-адъютантов и придворных добивается всевозможными интригами высокой чести поступить в почетный круг кальянщиков».

В 1881 году в 90% петербургских дворов были выгребы (из 9261 — в 8100). В среднем на двор приходилось шесть ретирадников.

В Петербурге, для предупреждения попадания густых нечистот в сточные трубы, жидкие нечистоты пред-

варительно должны были пройти через отверстия, сделанные во внутренних стенках выгреба, шириной не более одного дюйма. Выгреб размещали вне здания, на дворе, не ближе к фундаменту, чем на один аршин; труба из отхожего места в выгреб не должна давать течи и должна иметь достаточный уклон; верхний люк для чистки снабжали двойной крышкой. Такое отделение жидких нечистот от плотных, со спуском первых в городские водосточные трубы, был, конечно, полумерой, которая не могла заменить сплавную канализацию. Значительным шагом вперед послужило устройство вместо выгребных ям таких приемников нечистот, которые помещались над землей и не имели с ней никакого сообщения. Приемники имели вид простых деревянных или железных ящиков, с покатым дном, и устанавливались под нижним концом пролета или фановой трубы; содержимое их, по мере надобности, спускалось в подставленные ящики или бочки и вывозилось — опять же, в Финский залив; так решалась отчасти одна проблема, но возрастали масштабы другой. Попадая через городские сточные воды в реки и каналы, нечистоты возвращались обратно в эти же самые дома и квартиры через водопроводную сеть.

Отхожие места с выгребными ямами и во второй половине XIX века нередко устраивались у самых стен домов, а подчас даже под домами, с легко проницаемыми для «нечистой жижицы» деревянными стенками и проходным дном. Это порождало еще одну проблему. При распространенном в XIX веке устройстве отхожих мест, через пролеты или фановые трубы в туалет, а заодно подчас и в квартиры, из выгребных ям поднимались зловонные газы, содержащие большое количество углекислоты, аммиака, сероводорода, дурно пахнущих углеводородов и прочих гадостей. Эти газы устремлялись в верхние этажи многоэтажных домов с тем большей силой,

чем больше была температурная разница между воздухом в выгребной яме и воздухом в отхожем месте.

Размер территории, на которой распространялось загрязняющее действие выгребной ямы, зависел (и зависит до сих пор, в частности, в сельской местности эти ямы выкапывают и поныне) как от емкости последней, так и от способа ее устройства, а еще и от механического строения и химических свойств окружающей почвы. Кирпичные стены, да еще на цементе, разумеется, лучше предохраняли почву от загрязнения, нежели деревянные; но опыт показал, что и первые со временем разъедаются «нечистой жижицей».

Проблему решали по-разному — устройством вокруг ямы толстого, в пол-аршина, слоя глины, старались герметически закрывать люк, через который очищалась выгребная яма (железной крышкой, досками, покрытыми землей), проводили из ямы вверх вентиляционную трубу. Для устранения зловония выгребных ям нередко использовали различные вещества (минеральные кислоты, железный купорос, карболовую кислоту, хлорную известь, сухую землю, измельченный уголь, торф и т. п.), которые значительно уменьшали переход в атмосферу дурно пахнущих компонентов.

К концу XIX века в связи с развитием водопроводной сети и застройкой города многоэтажными домами, оборудованными уборными промывного действия, началось массовое присоединение дворовых выгребов к сети уличной канализации. Сложилась так называемая общесплавная система канализации, когда по одной сети отводились бытовые, промышленные и поверхностные сточные воды. Отсутствие систем очистки стоков привело к превращению рек и каналов Петербурга в открытые канализационные коллекторы.

Если с появлением в 1880-х годах водопровода и канализации часть городских квартир была оборудована ватерклозетами с водяным смывом, то к 1900 году уже 24% однокомнатных и 60% двухкомнатных квартир имели ватерклозеты. В остальных домах обитателям по-прежнему предлагались общие отхожие места на черных лестничных площадках или в дворовой пристройке.

В конце XIX века появились общие ватерклозеты во дворе. К 1900 году они имелись в 22% домов. Общие ватерклозеты были вымощены асфальтом или залиты цементом, «приемники» часто устраивались прямо в полу. С 1850-х и до появления водопровода и канализации отхожие места почти все были присоединены к системе городских сливных труб.

Первый общественный туалет из бревен, обшитый с обеих сторон досками, на каменном фундаменте, с железной кровлей да еще и с газовым освещением появился спустя полтора века после первого домашнего, летом 1871 года, близ Михайловского манежа, на Михайловской площади. В нем были устроены два писсуара, два ватерклозета и небольшая комната для сторожа; туалет обильно снабжался водой, «отапливался чугунной канеллюрованной печью».

Архитектор Городской управы И. А. Мерц, автор этой постройки, специалист по водопроводу, городскому благоустройству (самая известная его работа - башня Петербургского водопровода напротив Таврического дворца), писал в журнале «Зодчий» о трудностях, с которыми неизбежно столкнешься, замыслив соорудить уличный общественный туалет в северной столице:

«Отсутствие общественных, или так называемых публичных, ретирадников в таком громадном городе, как Санкт-Петербург, немало поражает всякого и в особенности тех, которые имели случай посетить большие города

Западной Европы и видели там эти учреждения почти повсеместно. Такое отступление Петербурга от общепринятых в западноевропейских городах порядков, конечно, зависело частью от суровости нашего климата, наших крепких морозов и, наконец, от неимения правильной подземной канализации для отвода нечистот из города вообще и из каждого дома в отдельности».

Рассудив, что из-за суровости климата в Петербурге невозможны дешевые открытые писсуары парижского или лондонского образца (не говоря уже об итальянском, где они представляли собою ширмы, в виде будки из железа или двух мраморных плиток, поставленных под углом), Мерц предложил строить небольшие домики, «неприменно с отоплением, для того чтобы вода в них и в самые сильные морозы не замерзала».

Перед архитектором стояла также задача «решить вопрос о спуске нечистот из таких ретирадников. Вывозить при помощи лошадей нечистоты из ретирадника, который обильно снабжен водою, не было никакой возможности; оставалось прибегнуть к отводу нечистот посредством труб, но для осуществления подобного устройства предварительно нужно было иметь разрешение на соединение отводных труб с подземного трубою, и, лишь когда оно последовало, подобная постройка сделалась возможною».

В мужском отделении туалета на Михайловской площади (впоследствии снесен, как и почти все остальные, поставленные в XIX веке) находились «мочевик и два клозета, в женском — лишь два клозета». Большая железная печь топилась коксом. Помимо этого, в комнате, предназначенной для постоянного проживания сторожа, «чтобы наблюдать за чистотою, опрятностью, теплотою и прочими необходимостями правильно устроенного

ретирадника», стояла небольшая русская печь и для обогрева места были устроены подвесные потолки.

В 1870-е годы по проекту Мерца было построено пять общественных туалетов. Один из них должен быть памятен старожилам — он находился в Летнем саду, и лишь несколько лет назад его заменили на кирпичный (пол в этом туалете был залит цементом, а стены обложены изразцами). Прочие туалеты, построенные по проектам Ивана Александровича, располагались у Александрийского театра, напротив Никольского рынка, неподалеку от Львиного моста и на Малой Конюшенной улице.

Туалет у Александровского театра, поставленный осенью 1871 года, был, по описанию Мерца, «прислонен заднюю стороною к забору — брандмауэру, выходящему на площадь, и состоит из отделения для женщин, отделения для мужчин и помещения для сторожа. Каждое отделение имеет особый ход, а сторож, не выходя на улицу, может пройти в любое помещение посредством имеющихся из его комнаты двух дверей...»

Этого ретирадника давно нет, поэтому продолжим его описание словами архитектора: «Строение — деревянное, оно срублено из бревен, оконпачено, обшито снаружи и внутри досками и поставлено на сплошном каменном фундаменте. Мочевик представляет наклонную плоскость, он вставлен в желоб и весь покрыт асфальтом. Все полы сделаны из этого же прекрасного материала, по плотно утрамбованному строевому мусору, перемешанному с тощим известковым раствором. Устройство ватерклозетов — обыкновенное, с тою лишь небольшой разницею, что в этом ретираднике нет баков, и промывание производится прямым напором воды из городского водопровода; трубы для этого проложены не свинцовые, но железные, цинкованные».

Вентиляцией «управлял» тот же сторож, который «отапливал и обметал» ретирадник. Поскольку предполагалось, что ретирадник будет часто посещаться «публикой» и «чрез беспрестанное открывание дверей приток воздуха будет постоянно значительный», то в окне, «в верхней раме, поставлена выдвигающая решетка» — как в вагонах железной дороги. Беспрестанный приток свежего воздуха должен был вытеснять испорченный в вентиляционные приемники — так ли это было, мы не знаем.

В середине ретирадника была поставлена голландская печь, однако морозы зимой 1871 года доходили до -30° и она не согревала помещение, поэтому пришлось поставить небольшую чугунную печь и растапливать ее коксом. В строившемся в августе 1872 года ретираднике на Малой Конюшенной улице был использован этот опыт: он отапливался металлическими печами, а в комнате сторожа с кухонным очагом «с оборотами» для скопления теплоты пол был деревянный, с одной стены были устроены полаты для установки кровати, а под ними — шкаф, в котором находились водомер и газомер. Все стены ретирадника были обшиты планшетами, «прокалеванными дощечками и, по загрузке, тщательно окрашены масляной краской». На фасаде были прикреплены рамки для наклеивания объявлений.

Мерц писал в заключение: «Входы огорожены тамбурами, которые приносят весьма существенную пользу. Устроенные дворники назначены для складки дров и прочих принадлежностей; в углах посажены деревья и кусты, но, несмотря даже и на то, что и они ограждены перилами, многие предпочитают останавливаться тут же, чем Заходить прямо в двери!.. Что делать — и на это нужно время, и на это нужны годы, чтобы приучиться».

Пройдет время, пройдут годы... дальнейшее, читать, вам известно.

Наш великий писатель И. А. Гончаров, сотрудничавший с петербургской газетой «Голос», не обошел в своих статьях эту злободневную тему. «Сколькими мелкими, приятными удобствами оживится и улучшится наружный вид наших улиц! Не будет, например, на каждом шагу грязных углов и уголков у ворот и стен домов: такие уголки скроются от глаз маленькими павильонами-будками, как в Париже и Лондоне...» — писал он 1 января 1865 года, когда еще только носились слухи о том, что на петербургских улицах вот-вот появятся писсуары.

А надобность в них, по мнению писателя, была острее, ибо многие петербуржцы даже и не искали «уголков у ворот и стен домов», а справляли нужду прилюдно. 22 февраля 1864 года Гончаров с возмущением отмечал:

«Проезжайте всю Западную Европу, и вы не увидите таких сцен, которые происходят в Петербурге ежедневно и на виду у всех. Мы не помним, чтоб несколько лет назад в нем было что-нибудь подобное. Господин становится посреди улицы и, на виду всех седоков в проезжающих экипажах, удовлетворяет своим нуждам. В Лондоне подобного господина отвели бы на полицейскую станцию, как совершившего неприличный поступок; но как поступить подобным образом с жителем города, в котором нет необходимой потребности городской жизни — уринала? Притом же мы наверно знаем, что если более понимающий приличия прохожий заходит на минуту или на две под домовые ворота, то дворник гонит его на улицу. Недавно мы также слышали очень оригинальный разговор между городовым и одним из прохожих на углу Невского проспекта и Знаменской улицы. "Эх, а еще барин! Ну, чего остановился тут у всех на глазах; разве не мог отойти на улицу?" — было замечание городского. Интересное воззрение на приличие! Остановиться на тротуаре у забора неприлично, а выйти на улицу и стать возле самых

проезжающих экипажей с тою же целью — ничего! Чем скорее явятся урины, тем лучше. Для изучения устройства их не надобно посылать комиссий за границу; каждый бывший, например, в Лондоне или Париже, где урины устроены во всех главных пунктах стечения публики, может дать совет, как их устроить, и кто знаком с западноевропейскими загородками этого рода, тот не скажет, чтобы устройство их могло обойтись дорого».

А из следующего замечания Гончарова в письме к Краевскому от 17 февраля 1864 года можно заключить, что и сам он, случалось, забегал в подворотню ввиду нестерпимой нужды: «...меня и некоторых моих сверстников (может быть, и Вас тоже) к старости моча одолевает, и часто приходится всенародно, на улицах, обнаруживать человеческую немочь».

Только к концу XIX века на некоторых петербургских улицах города появились писсуары, или «урины», по выражению Гончарова. Писсуары были холодные и обычно делались из волнистого железа. Чистота в них поддерживалась непрерывно лившейся водой.

Писсуары ставили главным образом у мостов, как по Неве, так и по Фонтанке, начиная от Симеоновского и кончая Калинкиным. Были писсуары внутри Гостиного и Апраксина дворов. По данным медицинской полиции, лучшие писсуары располагались в Александровском саду против Главного штаба и против Конногвардейского бульвара, в Исаакиевском сквере и в Летнем саду. Они представляли собой сооружения из толстого листового железа площадью 4х2 аршина и высотой 3 аршина. Окрасены были масляной краской как снаружи, так и внутри, что позволяло их мыть и поддерживать в относительной чистоте. По бокам были входы без дверей. Освещались они газовыми рожками, которые зажигались по вечерам.

«Писсуары, — свидетельствует современник, — сделаны исключительно только для мужчин, да и то для простонародья, тогда как для женщин нет подходящих мест. Даже городские скверы и сады не везде снабжены местами для известных нужд, что весьма неудобно, в особенности для детей, которыми они летом переполнены».

Писсуар против здания Главного штаба находился в ограде сада, но войти в него можно было только с улицы. В 1896 году он был разделен перегородками на четыре отделения, рассчитанные на одновременное посещение четырех человек. В асфальтовом полу в каждом отделении находилось большое отверстие, покрытое железной решеткой с широким щелями для стока мочи в колодец, — «развивалось страшное зловоние, плохо уступавшее громадным количествам дезинфекционных средств», а при промывке «сильный ток воды обдавал посетителей», поэтому вода для промывки едва сочилась. В 1897 году этот писсуар был отремонтирован — «труба, служащая для промывки писсуара, обложена жестяным футляром и дает больше воды. Прежние железные решетки в отверстиях пола заменены цинковыми с круглыми в них дырочками шириной в палец, но... зловоние ощущается вновь. Дезинфекция писсуара производится четыре раза в день большими количествами железного купороса и карболовой кислоты».

У Полицейского моста, на Казанской площади, в здании Казанской части (в надворном флигеле у ворот), в Никольском сквере (у Кашина моста в деревянной пристройке) находились еще четыре общественных писсуара, два из них металлические. Эти последние представляли собою чугунную коробку с крышей, выкрашенную в серый цвет, внутри у боковой или передней стенки устроены три металлические переборки; на полу в отделениях имелись решетки или просто большие отверстия с распо-

доженной под ними выводной трубой. Вдоль стен тянулись горизонтальные трубки, соединявшиеся с водопроводом и имевшие снизу много отверстий, из которых должна была постоянно литься вода, омывавшая стены и пол и уходившая через решетку в полу.

Писсуар в здании Казанской части был двухэтажный: в верхнем жил с семьей (!) сторож, в нижнем было два отделения — для мужчин и для женщин. К себе сторож поднимался по деревянной лестнице из мужского отделения.

Уличные писсуары решали одну проблему, но создавали другую, куда более серьезную. Вот как, с точки зрения санитарии, обстояло дело в Москве в 1871 году по описанию корреспондента газеты «Русская летопись»:

«... настоящая зараза от текущих по сторонам вонючих потоков. Около памятника (Минину и Пожарскому. — *И. Б.*) будки, на манер парижских писсуаров; к ним и подойти противно. Ручьи текут вниз по горе около самых лавок с фруктами... Москва завалена и залита нечистотами внутри и обложена ими снаружи... По этой части Москва — поистине золотое дно; это — русская Калифорния... Только копните ее поглубже даже простой лопатой, и драгоценная добыча превзойдет самые смелые ожидания».

В Петербурге во время народных гуляний на Марсовом поле ставили временные общественные ретирадники (или «ретирады»). Это было огороженное дощатым забором место, без крыши, но отличавшееся от других построек венками из зелени, натканными по верхнему краю забора. Внутри забора настилали дощатый пол, в котором Щели между досок были шире самих досок. Вдоль стены ставили ушаты и кадки «для приема экскрементов и мочи и прилаживались деревянные желоба для приема мочи». Поперек ушата прикреплялась узкая доска — и стульчак готов! Моча спускалась по канавке, вырытой в земле

вдоль Марсова поля к набережной. Попасты в этот ретирадик было непросто из-за большого стечения народа, и он снаружи был «обсажен» кучами экскрементов и залит мочой.

Насмотревшись на такие сцены в Петербурге, в других городах и деревнях, а потом и на Сахалине, А. П. Чехов писал в конце 1890-х годов о том, что увидел вдали от Петербурга:

«Как известно, это удобство у громадного большинства русских людей находится в полном презрении. В деревнях отхожих мест нет совсем. В монастырях, на ярмарках, в постоянных дворах и на всякого рода промыслах, где еще не установлен санитарный надзор, они отвратительны в высшей степени. Презрение к отхожему месту русский человек приносит с собой и в Сибирь. Из истории каторги видно, что отхожие места всюду в тюрьмах служили источником удушливого смрада и заразы и что население тюрем и администрация легко мирились с этим. В 1872 году на Каре при одной из казарм совсем не было отхожего места, и преступники приводились для естественной надобности на площадь, и это делалось не по желанию каждого из них, а в то время, когда собиралось несколько человек. И таких примеров я мог бы привести сотню. В Александровской тюрьме отхожее место, обыкновенная выгребная яма, помещается в тюремном дворе в отдельной пристройке между казармами. Видно, что при устройстве его прежде всего старались сделать, чтоб оно обошлось возможно дешевле, но все-таки сравнительно с прошлым замечается значительный прогресс. По крайней мере оно не возбуждает отвращения. Помещение холодное и вентилируется деревянными трубами. Стойчаки устроены вдоль стен; на них нельзя стоять, а можно только сидеть, и это главным образом спасает здесь отхожее место от грязи и сырости. Дурной запах

есть, но незначительный, маскируемый обычными снадобьями, вроде дегтя и карболки. Отперто отхожее место не только днем, но и ночью, и эта простая мера делает ненужными параши; последние ставятся теперь только в кандалной».

Цивилизация докатилась, кажется, до другой тюрьмы, Рыковской. Вот как, по описанию Чехова, обстояли там дела:

«Отхожее место устроено здесь тоже по системе выгребных ям, но содержится иначе, чем в других тюрьмах. Требование опрятности здесь доведено до степени, быть может, даже стеснительной для арестантов, в помещении тепло и дурной запах совершенно отсутствует. Последнее достигается особого рода вентиляцией, описанной в известном руководстве проф. Эрисмана, кажется, под названием обратной тяги.

В Рыковской тюрьме эта тяга устроена так: в помещении над выгребною ямою топят печи, и при этом дверцы закрываются вплотную, герметически, а ток воздуха, необходимый для горения, печи получают из ямы, так как соединены с нею трубою. Таким образом, все зловонные газы поступают из ямы в печь и по дымовой трубе выходят наружу. Помещение над ямой нагревается от печей, и воздух отсюда идет в яму через дыры и затем в дымовую трубу; пламя спички, поднесенной к дыре, заметно тянется вниз».

Американский путешественник и публицист Джордж Кеннан, обследовавший в 1885—1886 годах сибирские тюрьмы, писал в своей книге «Сибирь и ссылка»: «...мы прошли в женскую тюрьму... Воздух... был настолько насыщен зловонием, исходившим от нечищенного отхожего места, что выносить его было попросту невозможно». Побывав в одиночной камере народовольца, политкаторжанина Ф. О. Люстига в Иркутске, Кеннан обратил вни-

мание на обстановку, в которой заключенный жил уже четыре месяца: «Кроме небольшой деревянной кровати, покрытой тонким серым одеялом, да квадратного ящика, в котором стояло ведро для нечистот, в ней ничего не было». Подобные условия содержания безусловно еще более увеличивали страдания ссыльнопоселенцев.

Да что там тюрьмы, тем более находившиеся за тридевять земель от столицы! Совсем недалеко от Петербурга отъехал как-то литератор А. Н. Энгельгардт (дело было в 1870-е годы), а и то познал все прелести отсутствия цивилизации на первом же полустанке. Хорошо, что на Александре Николаевиче была тяжелая шуба и валенки до колен — как чувствовал. «Где?» — спросил он у сторожа, сойдя с поезда. «А вон там будочка», — был ответ. Энгельгардт в душе поблагодарил сторожа вокзала за то, что тот не сказал «везде, где угодно», а указал будочку. До будочки от поезда было меж тем двести шагов, «а мороз —30°. Вхожу — будочка из теса, все покрыто льдом. Что тут делать?»

Что делал в будочке Александр Николаевич, мы не узнаем никогда, хотя многие из нас и сами оказывались в подобных обстоятельствах, будучи вдали от шума городского (т. е. от шума сливных бачков).

Потом Энгельгардт приехал в губернский город и остановился в лучшей немецкой гостинице, где сделал следующую запись: «Переночевав, спрашиваю: "Где?" Показали — наверху. В одном пиджаке отправляюсь по холодной лестнице, после долгих поисков нахожу комнату с надписью "*Retirade*", вхожу — все покрыто льдом, хоть на коньках катайся». А шуба меж тем осталась в номере...

В Петербурге с общественными туалетами дело обстояло иначе. Начать с того, что их делили на две части — «для мужчин» и «для женщин». Ватерклозеты ставили в виде будок, и зимой они отапливались. В путеводителе по

городу начала прошлого века находим адреса некоторых общественных ватерклозетов: в Александровском саду, в здании Сената, в Гостином дворе, на Чернышевском переулке, у Мариинского рынка, на Загородном проспекте, у Технологического института, у клиники Виллие (ныне Военно-медицинская академия), в здании Почтамта (платный — 2—3 копейки «с персоны»), на Сенной площади, в Корпусном дворе, при всех полицейских частях и на всех вокзалах.

Домашние уборные к окончанию XIX века являли собою в Петербурге большое разнообразие: были и в высшей степени благоустроенные, утепленные, а были и прочие. Из популярного в то время среди петербуженок наставления «Хозяйка дома» узнаем, что «в уборной должен царствовать комфорт. В ней обязательно должны находиться все предметы, необходимые для содержания тела в совершенной чистоте», а именно: «полуванна, мешки с утиральниками, губочницы с губками, мыльницы с мылом, щетки, зубные стаканчики». Находились ли все эти и другие вещи «обязательно» в обычном петербургском доме? Едва ли...

Зато почти в каждом доме и трактире были общие туалеты. По причине малого количества общественных ватерклозетов петербуржцам приходилось пользоваться такими «общими отхожими местами». Но заходить туда можно было «только в самом крайнем случае», а дамам и вовсе нежелательно. Сколько было общественных туалетов в Питере в конце XIX века неведомо, зато известно, сколько их было в 1889 году в японском городе Осака — около полутора тысяч. Это число должно бы вызвать зависть и у нынешних петербургских властей.

4. ТУАЛЕТЫ, УБОРНЫЕ,
САНУЗЛЫ, ПАРАШИ,
или
ИЗ-ЗА ЧЕГО НАЧАЛАСЬ СОВЕТСКО-
ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА

...разруха не в клозетах, а в головах.

М. А. Булгаков. «Собачье сердце»

— Куда идешь?

— В уборную
иду.

В. В. Маяковский. «Хорошо!»

Слова «уборная» или «туалет» (от французского *«toilette»*, которое означает и «туалетный столик», и «туалетные принадлежности», и «манеру одеваться», и сам предмет одежды) для обозначения отхожего места стали употребляться лишь в XX веке.

А начнем историю туалета XX века со следующей замечательной истории, уникальной даже в мировой практике и более похожей на легенду.

В конце XIX — начале XX веков на Кронверкском проспекте, у Николаевского (так до 1918 года назывался мост Лейтенанта Шмидта) и Тучкова мостов по заказу богатого купца Александра, владевшего рынком на Кронверкской улице Петербургской стороны, по проекту архитектора А. И. Зазерского были построены три одинаковых туалета в виде небольших особняков с башенками, шпилями, узорной кладкой — словно миниатюрные сказочные замки. Именно замком назвал один из этих туа-

летов герой повести петербургского писателя М. Н. Кураева «Ночной дозор»: «...гальюн знаменитый, овейный легендой. Построен он был в виде виллы, с выкрутасами, с башенкой, кладочка узорчатая, черт знает что! Замок из немецкой сказки».

Легенда гласит, что этот самый купец влюбился в благородную даму, однако та не принимала его ухаживаний, но и не отвергала их. «Ты — мужик, а я баронесса», — будто бы говорила она ему и продолжала держать его на расстоянии. И тогда оскорбленный в своих чувствах купец решил отомстить своенравной даме.

Она жила на Каменноостровском проспекте. «Радея о народном здравии» (о чем же еще?), Александров неподалеку от дома капризной женщины поставил на свои деньги великолепный общественный туалет, точную копию загородной виллы баронессы, «неприступной для удачливых выходцев из простого народа». Намек был такой — вот, любуйся теперь, как жители города пользуются твоим гостеприимством.

Оскорбленная женщина переехала на другую квартиру возле Николаевского моста. Но и там неугомонный Александров поставил общественный туалет, ну, может, чуть скромнее предыдущего. Несчастливая дама перебралась к Тучкову мосту, но и здесь скоро появился туалет, напоминавший обликом ее загородный дом.

Один из этих замечательных туалетов просуществовал до 1965 года и был снесен при строительстве станции метро «Горьковская». По воспоминаниям старожил, в нем было четыре отделения — мужское, женское, для девочек и для мальчиков (на что указывали эмалевые таблички), а также имелась большая ниша-лоджия, куда могли спрятаться от непогоды те, кто ждал трамвая. В помещении аналогичного туалета у моста Лейтенанта Шмидта в конце прошлого века открылась «Пирожковая», а в нача-

ле 2000-х годов здесь разместилось кафе под названием «Таверна». Если раньше в этом сооружении освобождались от продуктов пищеварения, то теперь, напротив, пищу здесь стали принимать (можно было, впрочем, тут же от нее и освободиться, ибо туалет в «Таверне» все-таки был. Должен быть!).

Туалет у Тучкова моста был снесен, очевидно, еще до начала Великой Отечественной войны, и теперь мы, наверное, уже никогда не узнаем, сколько в этой истории с тремя туалетами правды, а сколько вымысла.

Зато сохранились не окруженные легендами еще два туалета, построенные по проекту того же Зазерского в 1902 году: в Александровском саду и на Театральной площади; этот последний в шутку иногда называют «малой Консерваторией» из-за его близости к зданию Консерватории.

Добавлю, что построить туалет там, где кому-то вздумалось, было практически невозможно. Нужно было обратиться в городскую управу с представлением о необходимости воздвигнуть общественный сортир, с просьбой о покупке участка земли для этого и обосновать такое необычное желание. Это предложение могло, будучи признанным обоснованным, перейти в Городскую думу, которая могла выдать деньги на строительство, а могла и не выдать. Александров построил туалет на свои деньги, что, быть может, и склонило Думу к принятию нестандартного решения, а вот купцу А. Кутузову, который в 1906 году пожелал передать в городскую казну 18 тысяч рублей на строительство туалета в Екатерининском саду, было решительно отказано. Идея поставить тут сортир пришла Кутузову в голову еще годом ранее. Целый год купец носился с идеей построить кроме туалета еще и павильон, где продавались бы закуски и напитки (вот в чем соль его замысла!). Наконец, дело сдвинулось с мертвой точки: в на-

чале лета 1906 года Кутузов поместил в газете объявления о поиске подрядчиков на возведение постройки. «Кутузов уже хозяйничает здесь, — писал журналист «Петербургского листка». — Он приказал, с разрешения городской управы, вырыть несколько деревьев и грозит уничтожить еще два дерева, украшающие сквер, — дуб и вяз. И их Кутузов покушался было вырыть, но был остановлен городским садовником».

Этот туалет простоял до 1960-х годов. Тогда он был окрашен в желтый цвет и был чрезвычайно востребован — по причине отсутствия других туалетов поблизости. Нередко в него с улицы стояли очереди.

О начале новой эпохи в истории туалета миру возвестил матрос в фильме С. М. Эйзенштейна «Октябрь» (1927 г.), разбив императорский унитаз. Этот художественный прием стал выражением практического отношения новых властей к теме санитарии в «государстве рабочих и крестьян». А «массы» свое отношение к этой самой буржуазной санитарии сразу после октябрьского переворота 1917 года стали выражать, по впечатлениям Максима Горького, так:

«Мне отвратительно памятен такой факт: в 19 году, в Петербурге, был съезд деревенской бедноты (речь идет о съезде комитетов «деревенской бедноты» Северной области, проходившем в ноябре 1918 года в Петрограде. — *И. Б.*). Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем Дворце Романовых. Когда съезд кончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших севрских, саксонских и восточных ваз загадили, употребили их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, — уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал.

Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это темное, мстительное стремление людей ломать, исказить, осмеивать, порочить прекрасное».

Большевики принялись глумиться над естественным желанием человека уединиться — даже если это была венценосная особа. Императрица Мария Федоровна писала 4 мая 1917 года из Крыма вдовствующей королеве Греции Ольге: «Ты не поверишь, каким грубейшим и подлым образом с нами и в особенности со мной поступили на прошлой неделе во время домашних обысков. В 5 часов утра меня разбудил некий морской офицер, вошедший ко мне прямо в спальню... Он поставил часового у моей постели и приказал мне вставать... Я была вне себя от ярости, ведь даже на горшок сходить не могла».

Петрограду суждено было пережить все трудности военного времени. Писатель В. Б. Шкловский оказался здесь в начале 1919 года:

«Время было грозное и первобытное... Город не подходил к новому быту... Лопнули водопроводы, замерзли клозеты. Страшно, когда человеку выйти некуда. Мой друг... говорил, что он завидует собакам, которым не стыдно...

В Москве было сытней, но холодней и тесней.

В одном московском доме жила военная часть; ей было отведено два этажа, но она их не использовала, а сперва поселилась в нижнем, выжгла этаж, потом переехала в верхний, пробила в полу дырку в нижнюю квартиру, нижнюю квартиру заперла, а дырку использовала как отверстие уборной.

Предприятие это работало год».

Советская власть заклеила ватерклозеты, отнеся их к числу буржуазных пережитков вместе с дамскими

шляпками, столовыми приборами, эполетами и разнообразной и здоровой пищей. Получавшие все большее распространение, сверкающие чистотой, отапливаемые, регулярно убираемые туалеты со всякими там писсуарами стали символом «прошлой жизни», достойной классовой ненависти и пролетарского презрения. Их надобно было уничтожить (как храмы, бани, усадьбы) и начать историю сызнова, т. е. с того времени, когда человек сидел в поле и отмахивался от волков колом, а поотмахивавшись несколько веков, перешел к «пролетной системе». Большевики вознамерились перескочить от одной исторической эпохи к другой за несколько лет. Не вышло и за несколько десятилетий.

Еще в 1921 году вождь большевиков В. И. Ленин обещал сделать «из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира». Правда, для этого нужно было победить «в мировом масштабе». Слава Богу, это бредовая идея не осуществилась и в отдельно взятой стране, и даже простых отхожих мест большевикам не удалось понастроить в достаточном количестве.

Что до общественных уборных, то за десять лет, с 1916 по 1927 год в Петрограде—Ленинграде их было построено всего 38, так что общее число достигло 71. Сортиры ставились кирпичные и железобетонные, один из них был воздвигнут на Марсовом поле, переименованном большевиками в Поле Жертв Революции.

В это число не входят туалеты, открытые большевиками в часовнях, например, в часовне церкви Введения во храм пресвятой Богородицы лейб-гвардии Семеновского полка, напротив Витебского вокзала. И, разумеется, в это число не входят сады и парки, дворы и лестничные площадки жилых домов, которые стихийным образом стали использоваться горожанами.

Под Петербургом вот уже несколько десятилетий существует своеобразный памятник Г. Е. Распутину. Как известно, Распутин вначале был погребен на окраине Александровского парка в Царском Селе. На похоронах 21 декабря 1916 года присутствовала вся царская семья и приближенные к императору лица. Могила была вырыта на том месте, где уже прошла закладка первого камня часовни в честь Серафима Саровского. Однако планам по увековечению памяти «старца» не суждено было осуществиться. Захоронение вызвало невероятные волнения среди жителей Царского Села, и кончилось дело тем, что в дни Февральской революции 1917 года гроб был извлечен из земли, и останки Распутина перевезли в Петроград, где их и сожгли в котельной Технологического института. В годы советской власти строители обратили внимание на готовый фундамент, и на месте планировавшейся часовни был воздвигнут общественный туалет. Таким образом, могила, в которой тело Распутина пролежало 79 дней, оказалась отмеченной нетленным памятником, поставленным по проекту безвестного зодчего (этот туалет не работает уже несколько десятилетий, будучи закрыт около 1980 года ввиду непосещаемости. Полагаю, надо сменить на нем вывеску — и посещаемость будет обеспечена. Память о Распутине в народе, особенно среди иностранных туристов, жива, да и туалет это не простой, а в некотором роде мемориальный).

На улицах бывшей императорской столицы писали все кому не лень. Свидетелем вот какой сцены стал живописец и театральный художник Ю. П. Анненков:

«В предутренний снегопад мы возвращались втроем: Блок, Белый и я. Блок в добротном тулупе, Белый — в чем-то, в тряпочках вокруг шеи, в тряпочках вокруг пояса. Невский проспект. Ложился снег на мостовую, на крылья Казанского собора, на зингеровский глобус ГИЗ'а. Блок

уходил налево по Казанской, Белый продолжал путь к Адмиралтейству, к синему сумраку Александровского сада. На мосту, над каналом — пронзительный снежный ветер, снежный свист раннего утра, едва успевшего поголубеть. Широко расставив ноги, скучающий милиционер с винтовкой через плечо пробивал желтой мочой на голубом снегу автограф: "Вася".

— Чернил! — вскрикнул Белый. — Хоть одну баночку чернил и какой-нибудь обрывок бумаги! Я не умею писать на снегу!

Седые локоны по ветру, сумасшедшие глаза на детском лице, тряпочки: худенький, продрогший памятник у чугунных перил над каналом.

— Проходи, проходи, гражданин, — пробурчал милиционер, застегивая прореху.

Записки мечтателей...»

В другом месте своих воспоминаний Анненков воссоздает следующую живописную картину:

«Мой куоккальский дом, где Есенин провел ночь нашей первой встречи, постигла несколько позже та же участь. В 1918 году, после бегства красной гвардии из Финляндии, я пробрался в Куоккалу (это еще было возможно), чтобы взглянуть на мой дом. Была зима. В горностаевой снеговой пышности торчал на его месте жалкий урод — бревенчатый сруб с развороченной крышей, с выбитыми окнами, с черными дырами вместо дверей. Обледенелые горы человеческих испражнений покрывали пол. По стенам почти до потолка замерзшими струями желтела моча, и еще не стерлись пометки углем: 2 арш. 2 верш., 2 арш. 5 верш., 2 арш. 10 верш... Победителем в этом своеобразном чемпионате красногвардейцев оказался пулеметчик Матвей Глушков: он достиг 2 арш. 12 верш. в высоту.

Вырванная с мясом из потолка висячая лампа была втоптана в кучу испражнений. Возле лампы — записка: "Спасибо тебе за лампу, буржуй, хорошо нам светила".

Половицы расщеплены топором, обои сорваны, пробиты пулями, железные кровати сведены смертельной судорогой, голубые сервизы обращены в осколки, металлическая посуда — кастрюли, сковородки, чайники — доверху заполнены испражнениями. Непостижимо обильно испражнялись повсюду: во всех этажах, на полу, на лестницах — сглаживая ступени, на столах, в ящиках столов, на стульях, на матрасах, швыряли кусками испражнений в потолок. Вот еще записка:

"Понюхай нашава гавна ладно ваняит".

В третьем этаже — единственная уцелевшая комната. На двери записка: "Тов. Командир". На столе — ночной горшок с недоеденной гречневой кашей и воткнутой в нее ложкой...»

Нет-нет, советская власть пришла не созидать, как твердила десятилетия коммунистическая пропаганда, а разрушать — и разрушать то, что создавалось вдохновенным многолетним трудом — не врага, нет, а своих же отцов и дедов, своих соплеменников.

Были, впрочем, попытки строить уличные уборные «нового типа». Проект одной из них, под землей (!), в 1920 году разработал знаменитый советский архитектор А. И. Гегелло. Проект не осуществился, как и море других тогдашних проектов.

Советская власть — это неосуществленный проект подземного сортира.

Положение с туалетами в первое десятилетие после прихода к власти большевиков увековечил С. А. Есенин в поэме «Страна негодяев». Вот какие слова от лица новых хозяев жизни произносит герой поэмы с говорящей фамилией Чекистов:

**Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Страшный и смешной вы народ!
И строили храмы божие...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.**

М. А. Булгаков устами профессора Ф. Ф. Преображенского весьма убедительно разъяснил прискорбную ситуацию на ниве санитарии первых лет советской власти: «Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнется разруха». Эти доводы в блестящем исполнении Е. А. Евстигнеева в великолепном одноименном фильме становятся попросту убийственными. Слова эти долгие десятилетия, увы! оставались не услышанными: повесть была написана в 1925 году, а впервые опубликована в 1987-м. А между тем ситуация, характерная для 1925 года, ничуть не изменилась в лучшую сторону и в 1987-м.

Был в стране и поистине уникальный туалет, под Москвой. О нем рассказывает в своих воспоминаниях режиссер А. С. Кончаловский:

«На ночь вместе с дедом мы шли в туалет, один я ходить боялся: крапива, солнце заходит, сосны шумят. Дед усаживался в деревянной будке, я ждал его, отмахиваясь от комаров, он читал мне Пушкина:

**Афедрон ты жирный свой
Подтираешь коленкором;
Я же грешную дыру
Не балую детской модой
И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.**

Это я помню с девяти лет.

Вся фанерная обшивка туалета была исписана автографами — какими автографами! Метнер (либо Николай Карлович, композитор и пианист, либо его брат Александр Карлович, тоже музыкант. — *И. Б.*), Прокофьев, Пастернак, Сергей Городецкий, Охлопков (Николай Павлович, режиссер и актер. — *И. Б.*), граф Алексей Алексеевич Игнатъев, Мейерхольд...

Коллекция автографов на фанере сортира росла еще с конца 20-х. Были и рисунки, очень элегантные, без тени похабщины, этому роду настенного творчества свойственной. Были надписи на французском. Метнер написал: "Здесь падают в руины чудеса кухни". Если бы я в те годы понимал, какова истинная цена этой фанеры, я бы ее из стены вырезал, никому ни за что бы не отдал!»

Туалеты в Ленинграде и до Великой Отечественной войны, и после именно так и назывались — «уборными» (хотя и понятие «артистическая уборная» или «гримуборная» тоже сохранилось), но не забыты были и слова «сортир» и «клозет». Ф. Г. Раневская так определила разницу между ними: «Сию в Москве, лето, не могу бросить псину. Сняли мне домик за городом и с сортиром. А в мои годы один может быть любовник — домашний клозет». Нам остается только предположить, что не одна Фаина Георгиевна называла дачную уборную (вне дома) «сортиром», но поручиться за истинность этого утверждения я не могу, хотя не раз слышал, как «сортиром» в конце прошлого века брезгливо называли не очень чистое отхожее место. Загородный сортир еще называют «скворечником». Слово же «клозет» употребляли единицы, почему — определенно не могу сказать; наверное, было в нем что-то иноземное, «буржуазное», а иногда — непонятное. Героя романа Владимира Войновича «Жизнь и необычай-

ные приключения солдата Ивана Чонкина» Кузьму Гладышева окружающие почитали человеком ученым еще и за то, что на деревянной уборной, стоявшей у него в огороде, большими черными буквами было написано «*water closet*». Так что широкой публике оставались «туалеты», «уборные» и сортиры, да и наверняка какие-то другие слова и выражения.

По воспоминаниям искусствоведа М. Ю. Германа, «дачи (в 1930-е годы. — *И. Б.*) ценились... вовсе не за комфорт: какова уборная и насколько далеко она от дома — никто не задумывался. Ценились место, наличие сада, близость к станции, веранда».

Что же до «удобств» (вот еще расхожее слово) в жилых домах, то для советского времени характерно обилие коммунальных квартир с одним туалетом на всех проживающих (а «жильцов» иногда было несколько десятков человек; как пел В. С. Высоцкий, «все жили вровень, скромно так, - / Система коридорная, / На тридцать восемь комнаток - / Всего одна уборная). Уже к концу 1920-х годов коммуналки охватили около 60% жилой площади в городе. Количество комнат в них колебалось от трех до восьми. Потом стали возводить еще и дома-коммуны. В результате к началу 1940-х годов более $\frac{2}{3}$ (!) жилого фонда Ленинграда составляли коммуналки. С помощью «подселений», «уплотнений» власть сбивала народ в кучу — так проще за ним следить, так легче держать его в рабской зависимости. Переселившись в отдельную квартиру, человек, члены его семьи уходили из-под госнадзора, а такой человек для советской власти был потенциально опасен...

В уборной коммунальной квартиры (эта уборная, наряду с кладовками, ванной комнатой и т.д., относилась к «местам общего пользования»), как правило, тесном, никогда (во всяком случае, на памяти одного поколения)

не ремонтировавшемся помещении (принадлежит всем, а значит, никому - как и все в стране), с пожелтевшим, нередко треснувшим унитазом и веревкой, свешивавшейся с бачка, было две лампочки (по 40, а то и по 25 ватт, притом «голые») — одна общая, а другая из дальних комнат, с отдельным электросчетчиком. Перед тем как идти в туалет, сначала включали свою лампочку, потом шли справлять нужду. Если туалет был занят, то человек стоял поблизости от туалета, дожидаясь своей очереди, при этом лампочку не выключал — для этого пришлось бы возвращаться в свою комнату. Бывали, впрочем, и выключатели возле самой уборной, вроде нескольких звонков на двери в коммунальную квартиру. Выключать свет после посещения уборной было делом обязательным, и это при том, что цена на электроэнергию в СССР была ничтожной. Диктовалось такое поведение еще и врожденной, а затем и укоренившейся психологией советского человека — экономить на всем (даже на туалетной бумаге; многие пожилые люди не покупали ее, если и представлялась такая возможность).

Литераторы не могли пройти мимо этой распространеннейшей повсеместно привычки напоминать окружающим об обязательности гасить свет после посещения «удобств».

Герой романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931 г.) Гигиенишвили «сделал... Лоханкину первое представление о необходимости регулярно тушить за собою свет, покидая уборную... Васисуалий Андреевич по-прежнему забывал тушить свет в помещении общего пользования. Да мог ли он помнить о таких мелочах быта, когда ушла жена, когда остался он без копейки, когда не было еще точно уяснено все многообразное значение русской интеллигенции? Мог ли он думать, что жалкий бронзовый светишко восьмисвечевой лампы вызовет та-

кое чувство? Сперва его предупреждали по несколько раз в день. Потом прислали письмо... подписанное всеми жильцами. И, наконец, перестали предупреждать и уже не слали писем...

Как-то случилось, что Васисуалий Андреевич снова забылся и лампочка продолжала преступно светить сквозь паутину и грязь». В результате Васисуалия Андреевича привели на кухню и «положили животом на пол... Гигиенишвили размахнулся из всей силы, и розга тонко запищала в воздухе».

Неизвестно, доходило ли в действительности до телесных наказаний, но до абсурда точно — иногда хозяин «своей» лампочки выкручивал ее, уходя из уборной, что не вызывало удивления, а тем более протеста у его соседей. А поступал он так потому, что если выключатель был у него в комнате, то нередко, включив свет в туалете и направившись туда по длинному коридору, он находил дверь запертой — кто-то опережал его.

В рассказе М. М. Зощенко «Гости» (1927 г.) хозяйка, мадам Зефирова, отлучившись ненадолго, вернулась в Комнату и вдруг заявила, побледнев «как смерть»:

«— Это ну чистое безобразие! Кто-то сейчас выкрутил в уборной электрическую лампочку в двадцать пять свечей. Это прямо гостей в уборную нельзя допускать».

Начался «обыск», но ничего «предосудительного» обнаружено не было. Хозяйка тогда высказала предположение, что, «может быть, кто и со стороны зашел в уборную и вывинтил лампу». Ситуация прояснилась утром. Оказалось, что «хозяин из боязни того, что некоторые зарвавшиеся гости могут слимонить лампочку, выкрутил ее и положил в боковой карман», где она и разбилась.

В рассказе Зощенко, написанном годом ранее («Режим экономии»), Зощенко обыграл еще одну типичную для того времени ситуацию. Поскольку «такое междуна-

родное положение и вообще труба», то уборщица Ньюша предложила, «для примеру, уборную не отапливать. Чего там зря поленья перегонять? Не в гостиной!» На том и порешили. Семь саженей дров сэкономили, хотели восьмую экономить, «да тут весна ударила... А что труба там какая-то от мороза оказалась лопнувши, так эта труба, выяснилось, еще при царском режиме была поставлена. Такие трубы вообще с корнем выдергивать надо». До осени герои рассказа (и его многочисленные читатели-современники) «свободно» обходились без трубы, а осенью «дешевенькую» поставили. Не в гостиной же, в самом деле!

Когда я был школьником, мы с матерью жили в квартире так называемого «маневренного фонда» — наш дом пошел на капитальный ремонт. Жили почти год в квартире, где было более тридцати комнат (дети гоняли наперегонки по коридору на велосипедах); с соседями я так и не успел познакомиться, ибо едва ли не каждый день видел все новые лица. Зато запомнил, что свет в одном из туалетов (их было два, как некогда у буржуев) включался в нашей комнате. Увидев, что уборная освободилась, мама включала в ней свет, тогда как я уже стоял возле дверей туалета — это был вернейший способ в него попасть. Потом мы менялись с ней местами. В выражении «сходить» (в туалет) для меня сохранился тот смысл, который оно имело в те далекие годы: «сходить» значило еще и преодолеть какое-то расстояние. Сходить в магазин, например. Наверное, многим сегодняшним школьникам вообще будет непонятен вопрос кого-либо из родителей: «Ты уже сходил?» «Куда?» — последует ответ.

В редких коммунальных квартирах (преимущественно с большим количеством комнат) было в советское время два туалета, но это не значит, что можно было выбирать любой «по вкусу» — соседи договаривались, кто какой уборной будет пользоваться, и это правило неукос-

нительно соблюдалось (иначе — коммунальная ссора, нередко с вызовом участкового милиционера или родственника, занимающегося боксом, а в перерывах между тренировками крепко выпивающего). В одном из туалетов можно было курить, в другом — категорически нет. Или один туалет считался «чистым», и в него ходили подростки (выключатель был расположен ниже), а другой — «грязным»; в него, например, выливали то, что наделали за ночь кошки или собаки, или просто грязную воду. Малые дети (да и очень пожилые люди) по ночам в туалет не ходили — для этого был горшок, а если не было, то происходило что-то вроде следующей операции, описанной Эдуардом Лимоновым в автобиографическом романе «У нас была великая эпоха»: «Однажды ночью, встав писать, он вместо горшка, находившегося в дверной нише за занавеской, пописал в рядом стоящий отцовский сапог». С кем не бывало...

Иногда в уборных оставляли спички и даже лучины или свернутые в трубочку страницы из журналов, «Крокодила», например, или «Огонька» — тех, что побольше форматом и доступнее (они издавались миллионными тиражами, словно с расчетом на многоцелевое использование), — считалось, что дым устраняет неприятные запахи; до эпохи дезодорантов было еще далеко. Из печатных изданий упомяну еще календарь большого размера, который (один и тот же) висел в уборной годами, прикрывая выбоину или пятно, и «Блокнот агитатора», который никто никогда не читал, но многие выписывали (подписка на газеты и журналы была обязательной), а размеры страниц у этого издания были небольшого, весьма удобного формата.

Нередко туалет в коммунальной квартире находился рядом с кухней, и разделяла их тонкая перегородка (М. Ю. Терман вспоминал: «Уборная, со специфическим стойким

петербургским запахом холодной ржавой воды, — за кухней, две ступеньки наверх»), иногда застекленная в верхней части (стекло, разумеется, треснуто). Зайдя в туалет, кто-нибудь из обитателей квартиры, случалось, надолго в нем задерживался — интересно ведь, что о тебе говорят соседи, забыв, что их могут услышать...

Только довольные (советской) жизнью люди посещали домашние туалеты с радостью, — как, например, герой романа Ю. К. Олеси «Зависть» (1927 г.): «Он поет по углам в клозете. Можете представить себе, какой это жизнерадостный, здоровый человек. Желание петь возникает в нем рефлекторно. Эти песни его, в которых нет ни мелодии, ни слов, а есть только одно "та-ра-ра", выкрикиваемое им на разные лады, можно толковать так:

— Как мне приятно жить... та-ра! та-ра!.. Мой кишечник упруг... ра-та-та-та-ри... Правильно движутся во мне соки... ра-та-та-ду-та-та... Сокращайся, кишка, сокращайся... там-ба-ба-бум!»

В дверь этой уборной было вделано матовое овальное стекло. Когда туда кто-то заходил, овал освещался изнутри и, пишет Олеша, становился «прекрасным, цвета опала, яйцом. Мысленным взором я вижу это яйцо, висящее в темноте коридора».

Мысленным взором отыскал Олеша среди своих современников человека, радующегося посещению сортира в коммунальной квартире; впрочем, во все времена найдутся люди, которые радуются уже и тому, что «правильно движутся соки» в собственном организме. Как, например, у героя фильма «Музыкальная история» Пети Говоркова (1940 г.), который незабываемым голосом С. Я. Лемешева распевает песни в туалете к явному неудовольствию соседей по коммунальной квартире, ожидающих своей

очереди в туалет, но к немалому удовольствию миллионов зрителей этого замечательного фильма.

Было не редкостью, когда одинокие и пожилые люди, отправляясь в уборную коммунальной квартиры, запирали дверь своей комнаты (даже если в квартире на тот момент никого не было). Нередко в туалете коммунальной квартиры можно было увидеть и пару стульчаков, висящих на мощных гвоздях, навечно вбитых в стену, — это личные предметы, и их обладатели, посетив уборную, вешали стульчак на стену до следующего своего посещения. Не имеющим стульчаков приходилось обходиться без одного, либо тайком снимать чужой стульчак на короткое время, да при этом не забыть потом повесить обратно. Находились и такие единоличники, которые стульчак хранили у себя в комнате и брали его с собой, отправляясь в уборную, надев предварительно на шею.

Не могу не удержаться от того, чтобы не привести здесь полностью правила пользования туалетом, составленные неизвестным автором и приведенные в интереснейшей и исчерпывающей (сужу об этом и еще как долговременный жилец коммунальной квартиры) книге И. Утехина «Очерки коммунального быта». Почти в каждой коммунальной квартире в советское время висели либо подобные правила (нередко это была официально учрежденная инструкция), либо график уборки помещений общего пользования, либо какие-то советы, предостережения, напоминания и пр.

«1. В туалете необходимо соблюдать полную чистоту и гигиену.

2. Бумагу запрещено бросать в унитаз, а складывать в специальное ведро или корзину (прошу читателя обратить на это внимание: речь идет об ИСПОЛЬЗОВАННОЙ бумаге; журнальная бумага приводила к засорам — И. Б.).

3. Туалет запрещено занимать больше определенно-го времени, уважать надо других людей и соседей.

4. Строго следить за посещением туалета не жильцами квартиры (родственники, гости жильцов) и строго пресекать ими нарушение гигиены в общественном туалете.

5. Не захламлять туалет посторонними вещами (кроме разрешенных собранием), не сорить и не жечь бумагу.

6. Не становиться ногами на унитаз во избежание падения и слома (имеется в виду, что некоторые пользователи пренебрегали стульчаком и становились ногами на края унитаза, что описал безвестный автор в стихах: «Как горный орел на вершине Кавказа / Сижу я в тоске на краю унитаза». Сидение на унитазе в позе «орла» было чревато поломкой последнего, после чего хлопот не оберешься. В поездах дальнего следования, между тем, на унитазах, правда, металлических, были и есть до сих пор места, куда можно поставить ноги, а есть и стульчаки — на любой выбор. — *И. Б.*)».

Если эти правила вывесить сегодня, шутки ради, в туалете своей квартиры, то гость, ознакомившись с ними, может решить, что это что-то из Дж. Оруэлла и выставлено не в назидание, а для развлечения.

Общественных туалетов в Ленинграде было настолько мало, что горожане, приезжие, особенно иностранцы, нередко испытывали подлинные муки. Ну откуда им было знать, что есть туалет на углу Загородного проспекта и Бронницкой улицы, например? Или вот еще, красавец, стоит до сих пор на Каменном острове — этот домик-пряник хорошо видно, когда едешь через мост со стороны Каменноостровского проспекта или подъезжаешь к этому последнему со стороны Черной речки. Наверное, этот туалет поставили для того, чтобы на него смотрели из окон проезжающего мимо транспорта. Иногда даже со-

трудники учреждений не знали, что, помимо того туалета, который они посещают, есть и другой, для избранных. Многие десятилетия во дворе Дома радио (Итальянская ул., 27) находился туалет с дивными писсуарами работы петербургского мастера Ивана Ивановича Деглау, пока наконец где-то в 1950-е годы не посетила это отхожее место делегация из областного комитета партии коммунистов. Кому-то из членов писсуары до того приглянулись, что вскоре фарфоровые чаши перекочевали туда, куда им было указано высокими гостями.

Тяжелее всего иностранцам приходилось во время экскурсий, пеших прогулок по Ленинграду. Местные жители в случае нужды активно, по традиции, заведенной с незапамятных времен и увековеченной И. А. Гончаровым, пользовались дворами, подворотнями, лестничными площадками, что оправдать никак нельзя, но понять можно — разного рода распивочные заведения (уличные пивные ларьки, рюмочные, кафе-мороженое, где продавали в розлив сухое вино) туалетов не имели. Неизвестно даже, были ли в некоторых из кафе туалеты для работников этих заведений.

Уборщицы лестниц посыпали на пол возле лифтов и по углам опилки — чтобы меньше пахло, но главное — чтобы проще было потом убирать (а убирать им приходилось несколько лестниц, и для многих это было «второй», а то и «третьей» работой). Жильцы дома, где подобное практиковалось, безропотно это воспринимали, ибо другого способа бороться с «писунами» и результатами их неиссякаемой деятельности не видели. (В скобках замечу, что мне не раз приходилось быть свидетелем того, как на лестницу дома, где я жил, мамы заводили своих детей, чтобы те тут пописали. Так с детства закладывались основы отношения к чужому труду, к окружающему миру — причем закладывались эти основы не только мамами, но

по большей части чиновными дядями и партийными бездельниками, которые за мучительно долгие годы советской власти абсолютно ничего не сделали, чтобы советский человек с молодых ногтей имел место, где можно пописать.)

В Питере появились особые указатели — для тех, кому все равно где. По воспоминаниям поэта В. С. Шефнера, «у входа в подворотню нашего дома красовалась аккуратная эмалированная дощечка с надписью: "Уборной во дворе нет". (До 1917 года надписи были более деликатные: «Здесь останавливаться запрещено». — И. Б.) В довоенное время такие предупреждения можно было видеть на многих домах. А жеманное словечко "туалет" вошло в обиход много позже, заменив собой и "уборную", и "нужник", и "сортир", и "ватерклозет". И только морское слово "гальюн" живет и здравствует».

Добавлю к этим словам, написанным в середине 1990-х годов, — и «гальюн» уже не живет и не здравствует. И не называют больше питерцы туалет «домиком-пряником», как когда-то, или «ретирадником», или «ни с чем не сравнимым местом». И не ходят больше в «места не столь отдаленные». Слова «клозет», «гальюн», «сортир» стали достоянием прошлого. Советская власть пыталась было внедрить словечко «санузел», но горожане его не приняли. В начале 1960-х годов, когда началось массивное строительство «хрущоб»-пятиэтажек с совмещенным санузлом, в обиход вошло новое слово — «гавана», образовавшееся из слов «г...о» и «ванна».

Кстати сказать, посещение туалета ленинградцы старались не афишировать. «Схожу-ка я подумать в домик архитектора» - один из многочисленных эвфемизмов советского времени, призванный придать шуточный тон намерению отлучиться. А находили туалет по запаху хлорки или аммиака (то есть мочи). Указателей, куда нужно

идти, чтобы «подумать», не было. В некоторых ведомственных коридорах нередко можно было увидеть женщин, которые выходили из кабинета и направлялись куда-то с мыльницей в руке. Если незнакомый с недрами учреждения гость следовал за ней, то вполне мог добраться и до туалета. Правда, частенько ведомственные туалеты запирались, а ключ сотрудники уносили с собой. (Такую картину можно увидеть и сегодня в государственных учреждениях.)

Те, кто служил на флоте, на всю жизнь запомнил, как с этим делом обстоит на морском судне, а те, кто не служил, знают, что слово «гальюн» принесли на сушу моряки. На барке «Седов» служил петербургский военный историк В. К. Грабарь. Вот отрывок из его воспоминаний на интересующую нас тему:

«Вкратце так. На парусных кораблях гальюнов не было, кроме капитанского (шикарно оформленная будочка, свисающая с кормы). Для команды местом опрвления естественных надобностей была сетка под бушпритом (бушприт - дерево типа рей, торчащее из носа), она и называлась "гальюном". А еще периодически вываливался выстрел ("выстрел" - "рея", торчащая из борта корабля, с нее по веревочным трапам садятся в шлюпки). В походном состоянии выстрел прижат к борту, по сигналу "Команде - с...ы!" "выстрел" вываливается, и матросы, держась за леер, распределяются по бревну выстрела, а далее — все как в общественном туалете.

Слово "гальюн" раньше употребляли не только матросы, но и солдаты, точнее, солдаты переняли его у матросов, зачастую не зная, откуда оно взялось. Это слово голландского происхождения и обозначает плетеный сетчатый балкон, предназначенный для постановки парусов на бушприте. Как мы теперь знаем, место весьма удобное для отправления естественных нужд».

Как — добавлю, ибо наболело — и лифт в жилом доме, который по форме и площади весьма близок к туалету (если в подъезде темно, его можно «вычислить» по запаху мочи, но не хлорки), только надежнее последнего, ибо *на ходу* туда никто не войдет, поэтому уединение обеспечено. Не это ли обстоятельство вынуждает некоторых граждан, пользующихся лифтами, использовать их не по назначению? Нередки случаи, когда жители дома с таким лифтом предпочитают встречать гостей у дома и подниматься вместе с ними на верхний этаж пешком, ссылаясь на плохую работу лифта. Как назвать такой лифт — гальюн? Сортир?

А как назвать тех, кто до того все вокруг загадил, что это явилось одной из причин международного конфликта?

На островных фортах «Обручев» и «Тотлебен» канализация была устроена таким образом, что фекалии сами собой уходили в грунт. При большевиках на «Тотлебене» сделали все по-советски. На северном крыле форта установили крытый помост с «отверстиями дыр». Под них подгоняли баржу. Когда она наполнялась, ее отводили подальше в Финский залив и открывали дно. Осенью 1939 года во время шторма баржу с дерьмом оторвало и пригнало к Финской территории чуть дальше мыса Иннониemi (ныне мыс Песочный). Разразился скандал. Его, правда, быстро замяли, уведя баржу в нейтральные воды.

На «Тотлебене» экскурсоводы неизменно рассказывают эту байку. Ее встречают, разумеется, смехом. Но однажды на форту среди экскурсантов оказались финны. И один из них, сделав серьезное лицо, проговорил: «Теперь я понимаю, почему началась зимняя (советско-финляндская. — *И. Б.*) война».

Петербургский издатель Л. И. Амирханов, рассказавший мне эту историю, поделился и еще одной - из собственного опыта. Привожу ее дословно:

«Это из моих армейских лет. Я служил в Славянке, под Ленинградом. До Рыбацкого рукой подать. Наш старшина Иван Иванович Литвин, хохол, плохо говорил по-русски, и голос у него был жуткий — занудно-бубнящий. Он имел кликуху "Бубуччио" или "Итальянец в Рыбацком».

Я служил "штабной крысой" и отлично помню, что солдатские туалеты были оборудованы чашами "Генуя". Откуда такое название — загадка, но так значилось в документах. Бубуччио называл их геночашами. Попробую описать. Это действительно чаша примерно 60 на 60 сантиметров, края закруглены, в центре два возвышения для солдатских сапог и дыра, в которую все и сливалось. Бачки еще были деревянными. Бубуччио любил три типа наказания: 1. Стричь головы под "бокс" или "полубокс"; 2. "Вибрировать" (то есть варьировать) увольнениями; 3. (Любимое). После вечерней проверки выдавать наряд вне очереди на уборку "геночаш". Следовало расколоть кирпич (других чистящих средств не было) и "драить" "геночашу", пока не заблестит, как у кота сами знаете что. Степень блеска определял сержант, у которого почему-то всегда было плохо со зрением. Некоторые счастливицы умудрялись по два раза в неделю заниматься этим интеллектуальным делом. И, кстати, никаких дверей, отделяющих "толчки" от общей туалетной комнаты не было. Солдат всегда должен быть на виду. Для сравнения можно вспомнить роман Э.-М. Ремарка "На Западном фронте без перемен". Помните, в начале книги герои играют в скат, справляя при этом большую нужду?»

При рассказе о советском времени не избежать хотя бы краткого упоминания об уборных «на зоне», ведь значительная часть населения страны десятилетия проводила в тюрьмах и ссылках по надуманным обвинениям, а их

остававшиеся «на воле» родственники и понятия не имели, каковы были условия содержания в заключении.

В тюремных камерах, в карцерах (иначе «шизо», или в штрафных изоляторах) с XVIII века ставили деревянные кадки или металлические бачки с ручками и со съемной крышкой — параша (реже — толковища). В соответствии со строгими тюремными правилами внутреннего распорядка заключенные были обязаны опорожнять и мыть параша во время утренней и вечерней *оправки*, как на зоне называется отправление естественных надобностей. В общих камерах это обязанность дежурного по камере, иначе — парашеносца. Парашеносец шествует впереди, за ним, как правило, следуют по два человека в колонне. Полная параша может весить до 120 килограммов, поэтому ее выносят два человека. В малых камерах параша бывают емкостью с ведро, в больших — ведер на 8—10.

Заключенные выносят парашу, опорожняют и моют ее.

Парашу в камере ставят у двери, и место возле нее считается худшим. Как купе возле туалета в поезде дальнего следования.

Использование параша «по-большому» считается оскорбительным для обитателей камеры. В «закрытках», при входе в уборную, куда заключенных водят два раза в сутки, дежурный выдает каждому бумажку (отрывок грубой оберточной бумаги). В сталинское время при выходе дежурный в резиновой перчатке принимал обратно все бумажки, бросая использованные в один ящик, а неиспользованные — в другой. После вывода из уборной одной камеры и до запуска следующей уборная тщательно проверяется дежурным надзирателем. В зависимости от числа заключенных и количества «очков» *оправка* длится от пяти минут до часу и больше. Иногда из уборной выгоняют, не считаясь с надобностями заключенных.

Худшее, что испытал С. Довлатов, находясь в тюрьме, это «необходимость оправляться публично».

В камерах рецидивистов крышку параша иногда прикрепляют цепью, поскольку, будучи не закреплена, она может стать орудием в камерных драках. За пределы зоны уже в наше время вышло выражение «мочить у параша» — это вовсе не то же, что справлять нужду, но более распространенный вариант фразы «мочить в сортире». Вот пример («Комсомольская правда». 2000 г., 15 марта): «Сколько времени длился митинг, неизвестно, только "путинец", не в силах больше слышать имя Зюганова и не совладав с эмоциями, набросился на политического оппонента и с криками "Замочу у параша!" принялся его душить. Оппонент сопротивлялся, как большевик, до конца».

Параша не могла не вдохновить безвестного заключенного на следующие замечательные строки, которые неплохо звучат и «на воле»:

**И нет прогулки краше,
Чем от стола к параше!**

Она же является составной частью шутки, которая иногда скрашивает нелегкий быт заключенных. В большой, битком набитой камере кто-то, стоя у дверей, вдруг выкликает фамилию одного из сокамерников. Все тотчас замолкают. Когда вызванный наконец откликается, шутник сообщает: «С вещами на парашу!» (В следственной тюрьме, впрочем, это считается дурной шуткой — там вообще не до шуток.)

Слово «параша» трансформировалось в понятия «слух», «молва». («Ходят параша, что инвалидов 1-й группы будут отпускать домой». Услышав такое, новоприбывший в камеру может даже со страхом посмотреть в сторону параша.) Отсюда того, кто распространяет непроверенные слухи, на зоне называют парашником.

В столыпинских вагонах (вагонах для перевозки заключенных, введенных П. А. Столыпиным, министром внутренних дел при Николае II) оправка полагалась два раза в сутки, но чаще выпускали лишь один раз. Из каждого купе конвоир выпускал по одному человеку и сразу задвигал за ним дверь, заставляя быстрее бежать в уборную в конце вагона. В уборной двери не было, и стоявший там второй конвоир мог наблюдать из коридора за заключенными. Некоторые заключенные ухитрялись через отверстие уборной выбросить письмо.

Еще одна категория советского народонаселения — колхозники — пользовались так называемыми люфтклозетами там, где не было водопровода и канализации, т. е., по сути, в большинстве сел и деревень. Люфтклозет устраивался так, чтобы в него выходила стенка печи. В ней делали вытяжной канал, через который из выгребной ямы удалялись зловонные газы. Когда печь топили, только в этот период туалет и проветривался, поэтому им пользовались только осенью—зимой—весной. Перед наступлением теплых дней выгребную яму очищали и засыпали хлорной известью. Летом же пользовались уборной во дворе — как это делали предшественники колхозников за тысячу лет до появления колхозов и дворов, и как это до сих пор делают многочисленные садоводы, их родственники и гости.

Производство деятельности человеческого организма садоводы берегли, чтобы потом использовать в огородах (многие и поныне бережно к ней относятся). Герой Войновича Кузьма Гладышев рассказывал об этом так:

«Вот, Ваня, мы привыкли относиться к дерьму с этойкой брезгливостью, как будто это что-то плохое. А ведь если разобраться, так это, может быть, самое ценное на земле вещество, потому что вся наша жизнь происходит из дерьма и в дерьмо опять же уходит... Посуди сам. Для

хорошего урожая надо удобрить землю дерьмом. Из дерьма произрастают травы, злаки и овощи, которые едим мы и животные. Животные дают нам молоко, мясо, шерсть и все прочее. Мы все это потребляем и переводим опять на дерьмо. Вот и происходит, как бы это сказать, круговорот дерьма в природе. И скажем, зачем же нам потреблять это дерьмо в виде мяса, молока или хотя бы вот хлеба, то есть в переработанном виде? Встает законный вопрос: не лучше ли, отбросив предубеждения и ложную брезгливость, потреблять его в чистом виде, как замечательный витамин?»

Вопрос остается открытым, ибо природа рождает не только злаки и овощи, но и изобретателей, некоторые из коих только и ждут, как бы воплотить задумку в жизнь.

В 1960-е годы в центральной части Петербурга было около пятидесяти бесплатных общественных туалетов. Работу этих отхожих мест контролировали в горкоме КПСС. Между тем в основном эти сортиры находились в подвальных или полуподвальных помещениях и имели несколько выходов. По этой причине в Министерстве обороны СССР общественные туалеты причислили к разряду потенциальных укрытий — шла «холодная» война. Согласно тогдашним расчетам, в случае ядерного удара в сортирах могли спастись минимум полторы тысячи человек — и, надо полагать, не те, кто там оказался по нужде, а те, кто успел укрыться, т. е. те, кто знал, где нужно укрываться.

В 1990-х годах общественные туалеты в городе на Неве находились в ведении муниципального предприятия «Спецслужба». С 1991 года стала формироваться сеть частных общественных туалетов, количество которых резко увеличивалось. Почин пошел в искусство. Герои фильма «Операция "Кооперация"», не без оснований рас-

считывая на неиссякаемый наплыв клиентов, открыли платный туалет.

А ведь кому-то можно было и бесплатно, и везде, и это несмотря на высокий чин (раньше это было привилегией простого народа). Писатель Константин Мелихан передает следующую леденящую душу историю: приехал в Ленинград Л. И. Брежнев награждать орденом какой-то завод. После церемонии награждения во Дворце культуры, как и полагается, начался банкет (для чего, собственно, и собрались). Спустя какое-то время Леонид Ильич ощутил надобность облегчиться. Вышел в коридор и, разбудив дремавшего милиционера, спросил у него:

— Где тут у тебя, дорогой, по маленькому можно сходить?

Милиционер вскочил, да как закричит:

— Вам везде, Леонид Ильич!

Рассказывают также, что, когда Брежнев был во Франции, он, разумеется, и там посещал туалет (не везде, конечно), но и думать не мог, что хитроумные французы установят в его апартаментах «шпионский» унитаз. А между тем экскременты генсека подвергались анализу, что позволяло французам узнать, чем болен руководитель советского государства, что ест, пьет, чем дышит. Здоровье Брежнева было едва ли не самой большой государственной тайной в годы его правления, но французы докопались до этой тайны. Как в окружении первого лица государства не догадались запастись на этот случай ведром для отправления нужды — вот в чем загадка!

А ведь опыт такого рода работы у нас был — в дни всенародных праздников, за спинами махавших демонстрантам руководителей государства стояло ведро, куда вожди писали по очереди. Туалет в подтрибунном помещении архитекторами предусмотрен не был — да никто и не жаловался на его отсутствие!

5. В ГОДЫ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Во всех своих книгах по истории Петербурга я обязательно по возможности посвящаю отдельную главу ленинградской блокаде, уникальному периоду в жизни нашего города, когда на долю его жителей выпали поистине нечеловеческие испытания. Казалось бы — что можно еще сказать о блокаде Ленинграда? Между тем после окончания войны в продолжении нескольких десятилетий коммунистическая пропаганда всячески замалчивала некоторые, «не особо героические» стороны тяжелейшего девятисотдневного существования ленинградцев, не допуская к широкому читателю откровенные и честные дневники и воспоминания многих жителей блокадного города. И только в последние несколько лет стали публиковаться документальные материалы, воссоздающие подлинную обстановку тех лет.

Далее я не буду подробно описывать, каково приходилось тогда людям, лишившимся элементарных бытовых удобств и оказавшимся в условиях страшной антисанитарии, лишь приведу несколько свидетельств очевидцев. Эти свидетельства, полагаю, не известны даже тем, кто наслышан о страданиях ленинградцев в годы войны. Они служат более чем убедительным доказательством того, что блокада — не только артобстрелы, бомбардировки, голод и холод.

Уже к началу первой блокадной зимы водопровод и канализация не работали, и возникла серьезнейшая угроза эпидемии.

«В комнатах ленинградцев горшки и ведра... чтобы затем вылить в люк канализации. Это днем и ночью, уборные не работают», — читаем в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина.

Мемуаристка А. И. Воеводская навсегда запомнила подробности блокадного быта. В книге, писавшейся во время блокады, но опубликованной только в 2005 году, т. е. спустя полвека после окончания войны, говорится следующее:

«Представилась возможность согреть воду и вымыть-ся (во второй половине декабря 1941 г. — *И. Б.*).

Увы, нашей мечте не суждено было осуществиться. От зажженной плиты оттаяли трубы в уборной, и из унитаза хлынул поток вонючей жидкости. Он быстро затопил уборную и пошел в коридор. Мы с мамочкой подбегали тряпками эту холодную вонючую воду, отжимали в ведро, пока там, наконец, все снова не застыло».

Как же выходили из положения ленинградцы в случае нужды? Воеводская пишет: «В уборную поставлено ведро, но там ведь холод, и к утру все так замерзает, что, когда выношу во двор, ни за что не выбить, хоть зубами грызи. Так и пришлось бросить на дворе несколько посуды, пока не научились. Как-то папа пришел с работы и говорит:

- Какие мы неприспособленные к жизни люди, оказывается, многие поступают так: подкладывают твердую бумагу и каждый свой пакет выносит.

У нас была подборка журналов "Нива" за 1914 год, вот она и пошла на это дело. А пакеты такие иногда не доносили до помойки, они валялись на улице. Я однажды подняла такой пакет в дикой надежде, что это хлеб. Впро-

чем, экскременты голодающих были тверды и почти без запаха. А вот с другим делом тоже надо было как-то устроиваться, тем более что пили много и, кроме хлеба, вся пища была жидкая. Оставлять ведро на ночь в уборной нельзя было (уже и ведер на это не было, и мы ставили под кровать большой таз для семейного употребления), а утром выносили его в ванную комнату и сливали прямо в ванну, где это быстро замерзало. К счастью, нашей большой ванны хватило на зиму, а когда все растаяло, оттаял и оказался не засоренным слив, и все сошло — вычерпывать не пришлось».

«Общественные уборные давно закрыты, — такую запись сделал 5 января 1942 года ленинградец А. И. Винокуров. - Как найти выход из создавшегося положения? Придется подыскать укромное место в каком-нибудь соседнем пустующем здании, которое могло бы служить уборной». А 18 февраля он же записал в своем дневнике: «Водопровод и канализация не действуют уже полтора месяца*, помойные ямы были заполнены еще осенью, жители города выливают помой и гадят где попало, без стеснения, а поэтому квартиры, лестницы, дворы и улицы представляют собой свалку нечистот. На днях госссовет удосужился издать постановление об улучшении санитарного состояния города. На каждом дворе должны отвести места, куда следует выбрасывать или выливать нечистоты, кроме этого в каждом доме должны устроить общественные уборные. Лица, нарушающие эти так называемые санитарные правила, будут подвергаться штрафу До 5 тыс. руб. или принудительным работам сроком до 6-ти месяцев. Сегодня видел новые типы общественных 'уборных. На площади у Московского вокзала в снежных

* В целом водопровод еще работал, однако напора давления хватало лишь для снабжения водой первых этажей.

сугробах сделаны траншеи в виде буквы Г, эти углубления служат уборными. На некоторых дворах копают ямы и огораживают их фанерой — это тоже новые общественные уборные».

28 февраля он стал свидетелем такой картины:

«На Конногвардейском бульваре и Адмиралтейском проспекте обращают на себя внимание погибающие троллейбусы, ходившие когда-то по Невскому. Из трех десятков машин, брошенных на улицах, половина уже приведена в негодность — стекла этих машин разбиты, части двигателей и оборудования расхищены. Некоторые троллейбусы превращены в уборные».

Вот что увидел в Доме Советов (Московский пр., 212), где в блокаду находился наблюдательный пункт командующего артиллерией Ленфронта, ленинградец В. С. Владимиров (запись от 15 января 1942 года):

«Все уборные в Доме Советов загажены до отказа. Пользуемся улицей... Так выглядит быт к середине января 1942 года». В конце января, 30 числа, он добавил: «Горе перешло границы мыслимого. Нечистоты выбрасывают на лестницы, во дворы, на улицу*. Весна будет тяжелая».

22 января И. В. Назимов, врач, записал: «В некоторых домах испражняются в бумагу и через форточки выбрасывают на улицу. Жители верхних этажей чердаки превратили в уборные. На главных магистралях района такая же картина. Нужно срочно принимать конкретные меры. Приближается весна. Она принесет с собой эпидемические заболевания. Или сейчас начнем уборку, или все наши профилактические мероприятия будут запоздалыми».

26 февраля главный инженер 5-й ГЭС записал в своем дневнике: «День ленинградской женщины: вынести

* В информации о положении в Ленинграде, подготовленной немецкой разведкой, говорится о том же: «Отходы и использованную воду выливают прямо из окон» (сводка от 16 марта 1942 г.).

ведро с нечистотами, пойти с ведрами на Неву... Тяжелый день...»

26 марта Винокуров отметил: «Объявлена мобилизация всего трудоспособного населения в возрасте от 15 до 60 лет по очистке города».

Безвестные авторы дневников отмечали: «Уборные не работают, бани тоже». «Ленинград превратился в худую, старую, заброшенную деревушку, вонь, грязь, разруха, ни воды, ни света, ни дров, ни бань». Удивительное дело — сколько десятилетий в СССР не дозволялось печатать подобные воспоминания очевидцев, полагая, что они «принизят» мужественный образ жителя Ленинграда, которому выпало жить в условиях блокады. Но ведь оказывается, что его страдания были еще больше!

Власти города было обнародовано следующее распоряжение: «С 27-го марта по 8-е апреля включительно, под страхом строгой ответственности, рабочие и служащие действующих предприятий должны после работы заниматься уборкой нечистот по 4 часа в день, рабочие и служащие так называемых законсервированных предприятий и иждивенцы, к числу которых относится подавляющее большинство населения, должны работать по 8 час. ежедневно, домохозяйки и учащиеся — по 6 час. в день».

31 марта, как свидетельствует мемуаристка А. И. Воеводская, «жители Ленинграда начали очистку дворов, ведь дерьмо выбрасывалось прямо во двор, и всю зиму ничего не вывозилось, выросли целые горы, под которыми были давно погребены помойки. Все это теперь должно было растаять и затопить город нечистотами».

К 4 апреля, по свидетельству В. С. Лившица, «все нечистоты и мусор свозятся на притрамвайные пути, от туда весь этот груз свозится на набережные и сбрасывается в воду. Вдоль рек и каналов выросли огромные насыпи из мусора...»

Гостиницы города (их тогда было меньше, чем пальцев на одной руке, и меньше, чем нынче на одной улице) были превращены в госпитали. В гостинице «Европейская» (ныне Гранд Отель «Европа»), которая в сентябре 1941 года первой была превращена в эвакуогоспиталь, разместили около тысячи раненых защитников Ленинграда. Под туалеты использовались ванны гостиничных номеров, сами номера превратились в многоместные палаты. В июле 1942 года госпиталь в гостинице был закрыт. Ведроми, лоханками, на тачках из гостиницы вывозили нечистоты. Всего было вывезено около трехсот грузовиков кала и мусора. Главврач госпиталя И. М. Додзин записал: «Мне Военный Совет дал пять полуторок, и каждая сделала сто ездов».

Одним из подвигов ленинградцев нужно считать то, что эпидемии в городе так и не было. Мор пострашнее голода и обстрелов.

Воеводской запомнилась «одна радость» (май 1942 г. — *И. Б.*): «...оттаял слив в ванне, и наполнявшая ее моча благополучно сошла, ее не пришлось вычерпывать. Водопровод по-прежнему не работал... Уборная по-прежнему не работала, кажется, не работала до конца войны, но к этому привыкли».

В том же 1942 году Воеводская попала в Куйбышевскую больницу: «Очень тягостны были походы в туалет. Канализация не работала, и уборная почему-то была общая для мужчин и для женщин. В кабинах стояли ведра, а для серьезного дела в, так сказать, предтуалетной стоял взрослый стульчак, и мужчины проходили мимо по своим делам. Считалось, что для дистрофиков это не имеет значения, но как это унижало человеческое достоинство».

В октябре того же года Воеводская вместе с отцом получила жилье в Пушкинском театре (он работал там в

здравпункте). В театре было гораздо лучше, чем дома, — тепло, светло, «и еще двумя этажами ниже был настоящий действующий туалет, там можно было и умыться, и воду взять».

В сентябре 1943 года, когда Воеводские вернулись в свой дом на Лиговку, «туалет по-прежнему не работал, слив действовал только в ванне». Однако кое-где ситуация начала меняться к лучшему еще с начала 1943 года. И. В. Назимов отметил 23 января: «В квартирах тепло, действуют водопровод, канализация». Но, чтобы они действовали повсеместно и исправно, пройдет еще очень много времени.

6. БИОТУАЛЕТЫ, МОДУЛЬНЫЕ И МНОГИЕ, МНОГИЕ ДРУГИЕ

Если мне завязать глаза, завезти в любой конец земного шара, поставить в дамском туалете и развязать, я безошибочно определю государственный строй данной страны.

Иоанна Хмелевская «Стечение обстоятельствам»

Старейший петербургский туалет расположен в Александровском сквере, напротив Манежа. Несколько десятилетий назад здесь была оранжерея, потом настали другие времена и появилась надобность совсем в другого рода заведениях. Ныне здесь снова туалет (как и в XIX веке), обозначенный в структуре «Водоканала», как «Литер-Б». Здесь имеется «Книга жалоб и предложений», что для туалета редкость. Это уже тринадцатая по счету книга, что еще большая редкость, а для историка туалетного дела — удача. В ней оставили записи гости из Липецка («Суперзаведение, после посещения жизнь снова обрела смысл»), Красноярска, Новгорода, Комсомольска-на-Амуре, Кирова, Вологды, Северодвинска. Некий итальянец приклеил свою визитную карточку, кто-то поздравил работниц с 8 Марта, а в записи под № 665 (!), в частности, говорится: «Премного благодарен людям, организовавшим и поддерживающим этот Дворец. Вы спасли мне жизнь». Безвестный посетитель оставил 4 июня 2005 года такую запись: «А вы болеете за "Зенит"?» И подписался: «Народ». Видимо, «Зенит» в тот день выиграл, ибо ничто так не сплачивает людей, как победа любимой команды.

По расчетам, заслуживающим доверия и базирующимся на основе тысячелетнего опыта, человек в сред-

нем посещает туалет пять с половиной раз в сутки и проводит в нем около трех с половиной минут, т. е. почти 20 минут в день, почти 10 часов в месяц, почти пять дней в году. Суточное количество мочи взрослого человека составляет полтора литра. 3 миллиона кубометров нечистот и 10 миллионов метров туалетной бумаги ежедневно проходит через очистные сооружения Петербурга. Впервые услышав эти цифры, я тотчас пожалел о том, что не связал свою судьбу с производством туалетной бумаги, нужда в которой будет всегда. А узнав, что в 2004 году суммарный оборот компаний, производящих эту самую бумагу, составил 2.6 миллиарда долларов, пожалел еще больше.

Недалеко от упомянутого туалета «Литер-Б», в том же сквере, прямо напротив Исаакиевского собора, уже третий век стоит еще один общественный туалет — «Литер-А». И в нем имеется такая же книга для любителей эпистолярного жанра (12-я по счету). Вот лишь некоторые записи из нее: «В новогоднюю ночь посетили мы сие чудеснейшее заведение не забавы ради, а по долгу природы, зовущей нас сюда... Тут тепло, хорошо и спокойно. Я бы не отказался здесь жить!» (1 января 2004 г.) «Мы, жители Дубны, в диком восторге от этого туалета и от обслуживания. Идеальная чистота, бумага высокого качества. Здорово было бы, если бы и в Москве обслуживание было бы на таком же уровне». «Туалет посетила группа туристов из г. Орла. У нас в Орле таких туалетов нет». «Замечательное заведение! Что бы мы без вас делали в этом парке! Посетитель из далекого Кузбасса». «Но имейте в виду, т. Матвиенко, в Александровском саду туалет бесплатный». В начале 2000-х годов в этом туалете был сделан евроремонт, после чего здесь появились подвесные потолки, стеклопакеты, зеркальные стены и цветы. Сотрудники туалета «Литер-А» до недавнего времени ежедневно выходили на связь с «Водоканалом» и докладыва-

ли диспетчерской об обстановке на объекте, занимающем выгодное стратегическое положение в городе, на перекрестке туристических маршрутов.

Преимущественно сюда ходят иностранцы; жители России лишь заглядывают и, увидев цену за посещение, покидают сей храм чистоты, в котором, между прочим, ежемесячно расходуется 4500 метров туалетной бумаги и три литра моющих средств. «Хуже всего, когда туалет посещают китайцы, — заявила в газетном интервью сотрудница этого необходимого представителям всех национальностей и народностей заведения. — Лезут напролом и никогда не платят. Приходится перегораживать грудью дорогу к унитазам. Японцы приятнее китайцев, но так и норовят расплатиться не рублями, а японскими иенами. Лучше всего итальянцы — всегда любезны, через каждое слово — "грацио", "грацио", и в туалете после них чисто».

В 2004 году туалет «Литер-А» был признан лучшим в Петербурге (среди общественных, разумеется). 19 ноября, в Международный день туалета, здесь всегда царит особо праздничная атмосфера. В этот же день, между прочим, отмечается и День артиллерии, и если платные уборные во всем мире 19 ноября обслуживают страждущих бесплатно, то бабахнуть разок-другой из гаубицы в неприятеля (соседа, начальника, тещу и проч.) бесплатно никому не дают. И невдомек одним, чему другие так радуются, за что выпивают, с чем друг друга поздравляют. А ведь вполне можно было бы празднующим и объединиться, ибо туалетчики (или золотари, если угодно) не менее важны для спокойствия страны, чем артиллеристы.

Каждый праздник Всемирная туалетная организация обращается к людям доброй воли всего мира с призывом отметить день следующими ритуалами:

«1. Протереть сиденье унитаза до и после пользования (если нечем протереть, немедленно покиньте туалет. — *И. Б.*)».

2. Сообщить владельцу туалета, если помещение оказалось грязным (лучше не только владельцу, а всем знакомым, прохожим, в милицию, можно в прокуратору — заодно узнаете, чем она занимается. — *И. Б.*)».

3. Поблагодарить владельца, если помещение оказалось чистым, и рассказать всем знакомым о преимуществах этого туалета (благодарность можно начертать на стене маркером, масляной краской — если случайно оказалась с собой, лучше в стихах, например: «Такого чудного сортира не видано с сотворения мира». — *И. Б.*)».

4. Не забыть смыть, стараясь при этом экономить воду (если смыть нечего, все равно спустите воду, чтобы за стенкой кабинки не подумали, что вы зашли в туалет любопытства ради, а не по делу. — *И. Б.*)».

5. Помочь инвалиду или пожилому человеку воспользоваться туалетом, если это возможно (если он не хочет — заставить, можно силой, ибо другого такого праздника ему придется ждать целый год. — *И. Б.*)».

6. Обратиться к владельцу туалета с предложениями по улучшению дизайна помещения (обратиться следует письменно — через газету или устно, сообщив знакомым, что в этом туалете с дизайном дела плохи. — *И. Б.*)».

7. Не вести себя в общественном туалете как в домашнем (т. е. забыть спустить воду, как это бывает, когда в дверь квартиры или по городскому телефону вдруг позвонили, или положить на пол книжку, чтобы дочитать потом. — *И. Б.*)».

8. Не сидеть в кабинке слишком долго (а то можно уснуть и проснуться в раю, где, будем надеяться, вообще нет общественных туалетов. — *И. Б.*)».

9. Просушить руки после мытья, чтобы дверная ручка оставалась сухой (кому-то могут понадобиться отпечатки ваших пальцев! — *И. Б.*)».

10. Рассказать следующему посетителю о Международном дне туалетов (следующего посетителя дожидитесь обязательно! Он будет рад выслушать ваши соображения, особенно если у него крепкий мочевой пузырь и столь же крепкая нервная система. — И. Б.)».

В городских, заводских, учрежденческих и особенно студенческих общественных туалетах подобного свода правил не увидишь, зато в некоторых из них можно (или можно было) прочитать написанные на стенах мысли анонимных авторов. Например, такие:

«Ничего хорошего из тебя не выйдет!» (На мой взгляд, этой надписи надо присудить безоговорочное первое место. Вечная истина.) «Смывать вне зависимости от поставленных задач и достигнутых результатов!» «Анализ мочи — сюда мечи». (Лучше бы в поликлиниках развесили такие плакаты с указующим перстом, а то, случается, бродишь с этажа на этаж и не знаешь, куда баночку поставить.) «Канализация — вот что нас объединяет». «Точность — вежливость королей». «Вот сижу я на толчке, / Все сижу и плакаю — / Почему так мало ем, / И так много какаю?!» (В студенческом туалете.) «Марать сортир, увы, не ново. / Но только здесь свобода слова!» (Стоит задуматься...) «Сюда не зарастёт народная тропа...» (Самая распространенная надпись.) «Блажен, кто поутру / Имеет стул без принужденья. / Тому и пища по нутру / И все доступны наслажденья» (неужто сам Александр Сергеевич руку приложил?..) «В случае ядерной бомбардировки прятаться под писсуар, всё равно в него никто никогда не попадал». (Писано от безысходности.) «Не гася свет в туалете, вы кладете рубль в карман Чубайса!» (Очень нужен Анатолию Борисовичу ваш рубль!)

И, наконец, приведу еще одну, для самых сообразительных читателей: «Нисынапл». Существует миллион (а то и больше) и других надписей, которые я не осмелюсь

здесь упомянуть по причине чрезмерного использования «...» и «...», и потому отношу их и не к туалетным вовсе, а к заборным, а это уже другой жанр — «забористый» («И зачастую даже потолки // являли взору матерное слово», — пишет Тимур Кибиров). Туалетные надписи — это способ общения, вроде интернета, перестукивания заключенных, отсылки SMS, чтения газеты или помещения объявления в нее. В этой газете столько же страниц, сколько в туалете стен, только в эту газету читатель и сам может написать, не интересуясь мнением издателя, корректора или цензора. Это наставления для будущих посетителей. Иногда — крик души. Среди этих надписей встречаются послания друзьям и приветствия людям совершенно незнакомым. Их оставляют в надежде получить ответ, но ответ, нередко в грубой форме, часто отбивает охоту к дальнейшему словотворчеству. Однако таковы законы жанра. Само назначение помещения диктует форму общения; здесь стараются надолго не задерживаться, потому и обращаются к читателю коротко и резко.

Писать на стенах туалета,
Скажу я вам, не мудрено.
Среди г... вы все поэты,
Среди поэтов вы — г...

В памяти всплывают туалеты, которых давно уж нет. Например, туалет на втором этаже филологического факультета Ленинградского университета, в котором я учился в 1960-е годы (теперь там заурядный «евротуалет»). Стены кабинок там были исписаны не только остроумнейшими надписями (преимущественно в стихах), восстановить которые уже невозможно, но и замечательными рисунками; одно знаю наверняка: они были сделаны остроумными людьми, которых всегда было немало на про-

тяжении долгой истории филфака (потому эти граффити и не стирались годами — посмеиваясь в усы, их перечитывали и преподаватели). Приложил руку к оформлению этого туалета и я; сегодня, по прошествии нескольких десятков лет, могу подтвердить, что это я вывел черным химическим карандашом на стене одной из кабинок: «Здесь был Брежнев». Помню, матерные частушки украшали стены этого туалета годами, а эту замазали тотчас же. Жаль: ведь я вложил в надпись всю анонимную отвагу; на какую был способен студент шестидесятых годов прошлого века.

Написать что-то на стене туалета было для подавляющего большинства граждан в то время единственным способом выразить свои сокровенные мысли, снять груз с души. Как и первобытным людям с их наскальной живописью. Тем же, кто вознамерился связать свою жизнь с филологией, литературой, сочинительством, сам Бог велел, если не участвовать в «наскальной живописи», то хотя бы знакомиться с ней, чтобы потом обсуждать ее, а не политэкономии социализма. Жаль, не думал я тогда, что когда-то займусь историей туалета, и не переписал некоторые надписи.

А вот исследователь русской литературы В. Н. Топоров зафиксировал в своих ученых тетрадях надпись в деревянной пристанционной уборной поселка Комарово под Ленинградом, где в советское время располагались дома творчества. Туалет этот, многожды быв посещаем корифеями от литературы, музыки и прочих высоких материй, был безжалостно снесен в 1960-е годы (ввиду ветхости, что ли), а надпись безвестного автора сохранилась в записях Владимира Николаевича:

**Художники, писатели,
Уборных стен маратели,**

**Нельзя ли вас, приятели,
Послать к ... матери.**

Очень мило и интеллигентно. Уберите последнюю строку, и будет пошло и пресно.

Если вы, читатель, думаете, что надписи на стенах туалетов имеются только в родном Отечестве, то глубоко ошибаетесь. Этот вид народного творчества живет и процветает во всем мире. И очень давно. На стене туалета в городе Геркулануме, погребенного в результате извержения Везувия в 79 году н. э., было начертано: «*Appolonivs Medicivs Titilmp. Hie Cacarit Bene*» («Аполлоний, врач императора Тита, хорошо здесь покакал»).

Есть за границей и свои нетленные перлы, а есть и настоящие «ужастики». Вот, например, надпись в одном из женских туалетов компании Би-Би-Си: «Берегись! Жан Кусто ведет съемку!» Рассказывают, что эта надпись перекочевала и в наши отхожие места: сортирное остроумие не знает границ. А еще говорят, будто принцесса Диана украсила свой туалет карикатурами на бывшего мужа. Ну, наверное, не она одна...

Те, кому случается бывать в наших и не наших публичных туалетах, и сами имеют возможность знакомиться со всевозможными образцами народного творчества. При желании можно и ответить. Если умеете стихами — хорошо, знаете иностранные языки — замечательно, умеете рисовать — здорово, есть что сказать — еще лучше. Но лучше не начинать первым, если стены чистые. Таково неписаное правило.

Те же, кому довелось быть на зоне, или кто знается с теми, кто там был, знаком со словом «туалет» и как с аббревиатурой. Будучи наколотым на тело, оно означает: «Ты Ушел, А Любовь Еще Тлеет». Вот вам и романтическое употребление столь прозаического слова.

В 1990-е годы проблему нехватки туалетов в Москве решили с помощью размещения в разных местах синих кабинок. Со временем уличные ватерклозеты превратились в назойливые источники неприятного запаха, которые прохожие старались обходить стороной, — нередко забыв о нужде. Та же проблема была и в Петербурге, и две столицы принялись за решение проблемы, причем каждая по-своему, но в целом примерно с одинаковыми результатами.

Только в последние годы в некоторых общественных туалетах Петербурга (да и Москвы) можно увидеть, помимо надписей, еще и то, чего не видели наши предки (они же родители) в социалистическом Ленинграде: отдельные, запирающиеся кабинки, раковины с горячей и холодной водой, зеркала, туалетную бумагу, одноразовые полотенца или электрополотенца. В Эрмитаже уже несколько лет действует туалет, интерьер которого разработан лично Джанни Версаче. Женский туалет отделан нежно-розовой плиткой, мужской — лазурно-голубой. А вот из женского туалета на втором этаже Аничковского дворца открывается вид на Невский проспект — где в мире вы еще найдете такой сортир (сам я в этом туалете не был — рассказывают)? Возможно, есть туалеты с видом на Ниагарский водопад или Гибралтарский пролив, но чтобы на Невский проспект?..

С 1990 года строительство новых общественных туалетов в городе трех революций не велось. Число их мало-помалу уменьшалось. Дело в том, что еще в конце 1980-х годов городские власти стали передавать общественные туалеты в частные руки. Однако, едва получив документы на право собственности на помещения, новые предприниматели стали использовать их по собственному разумению. Так, на Большом проспекте Васильевско-

го острова в одном из бывших общественных туалетов стали торговать кондитерскими изделиями и торговали десять лет! В одном из туалетов на Невском проспекте торговали дамским бельем, а в бывшем отхожем месте на Вознесенском проспекте открылась ветеринарная клиника. Кто-то пустил в оборот шутку: «Клозеты спрятались, возникли бутики». Но не только бутики. В туалете на Садовой ул., 13/15, служившей в 1970-е годы еще и примерочной (здесь предлагали свой товар ленинградские фарцовщики), открылся салон игровых автоматов.

С 1990 года строительство новых общественных туалетов в городе на Неве прекратили, и существовавшие отхожие места и дальше приватизировались и перефилировались. Появились туалетные кооперативы, но еще за много лет до этого, как рассказывает Сергей Довлатов, в Ленинграде уже был человек, который ходил в туалет за деньги:

«Писателю Воскобойникову дали мастерскую. Там не было уборной. Находилась мастерская рядом с вокзалом. Так что Воскобойников пользовался железнодорожным сортиром. Но было одно затруднение. После двенадцати ночи вокзал охраняли милиционеры. В здание пропускали лишь граждан с билетами. Тогда Воскобойников приобрел месячную карточку до ближайшей станции. Если не ошибаюсь, до Боровой. Стоила карточка рубля два. Полторы копейки за мероприятие. Воскобойников стал единственным жителем Ленинграда, который мочился не бесплатно».

С 1991 года стала формироваться сеть частных общественных туалетов с турникетами, как в метро (но далеко не везде — турникеты, что ли, кончились). Количество платных туалетов резко увеличивалось (наверное, тогда появились скорбно-ностальгические строки в подражание самому Шекспиру: «Нет повести печальнее на свете,

чем повесть о бесплатном туалете»), но к началу XXI века содержание общественных туалетов стало нерентабельным из-за высокой арендной платы за помещение, и их количество вновь стало сокращаться. Вчерашние содержатели туалетов сделали рестораторами и владельцами бензоколонок.

К 1999 году городская администрация начала беспокоиться из-за массового закрытия отхожих мест и запретила районным чиновникам выдавать разрешения на их перепрофилирование. А те как раз пустились выдавать разрешения всем желающим на открытие в бывших сортирах ресторанов. И вот в сквере на углу Обводного канала и Старо-Петергофского проспекта открылось кафе под названием «Рим», в помещении бывшего туалета на Невском проспекте, 20, разместилось кафе «Жили-были», в доме 88 на той же главной городской магистрали — «Сладкоежка», на углу Литейного пр. и Кирочной ул. — «Летучая мышь» (в советское время туалет назывался «офицерским» — находился напротив Дома офицеров), в помещении туалета набережной реки Фонтанки, 38, разместились ресторан «Пицца» и магазин итальянской одежды, в помещении бывшего дома Знаменской церкви, в подвале которого до 1917 года находилась гробовая мастерская, в советское время был туалет (здесь в послевоенные времена собирались геи и лесбиянки). Сейчас здесь цветочный магазин... На сегодняшний день ситуация такова, что по меньшей мере полторы сотни бывших общественных туалетов занимают предприятия, которые непосредственно к отправлению естественных надобностей отношения не имеют (например, магазины или юридические консультации).

В бюджете Петербурга на 2000 год на содержание общественных туалетов было выделено более семи с по-

ловиной миллионов рублей. Между тем к осени 2001 года в Питере было лишь 275 общественных отхожих мест.

Под самый Новый год, 31 декабря 2001 года, когда все жители города накрыли столы, выпили по одной и сходили в последний раз в том году в туалет, администрация Петербурга, продолжая трудиться, распорядилась о том, чтобы муниципальное предприятие «Спецслужба» энное количество стационарных общественных туалетов передало государственному унитарному предприятию «Водоканал Санкт-Петербурга» в хозяйственное ведение. Поистине, исторические решения принимаются всегда вовремя.

Уже на следующий год (а он возьми и начнись на следующий день) сотрудники «Водоканала» предложили решить проблему дефицита общественных уборных в городе с помощью реконструкции и капитального ремонта стационарных туалетов в соответствии с современными требованиями, а также с помощью распространения модульных и передвижных туалетов. По нормам Госсанэпиднадзора общественные туалеты должны располагаться через каждые пятьсот метров, но следовать этому правилу не получилось. В 2002 году в Петербурге было пятьсот общественных туалетов, находившихся в ведении «Водоканала». Так что число «500» все равно прозвучало.

С 2002 по 2005 год в хозяйственное ведение «Водоканала» перешло 183 общественных туалета. Их состояние оказалось, скромно выражаясь, неудовлетворительным — построены они по устаревшим проектам, занимали маленькие площади, не позволявшие разместить в них комнату для инвалидов и «комнату матери и ребенка». В работавших туалетах были проблемы с канализацией, не предусмотрена вентиляция, сантехническое оборудование требовало замены. Многие общественные туалеты были закрыты из-за частичного или полного разрушения

зданий, отсутствия санитарно-технического оборудования или не функционировали по назначению и использовались в других целях.

Многих туалетов в «Водоканале» тогда не досчитались. Так, в Центральном районе насчитывалось 38 общественных туалетов, а на балансе «Водоканала» оказалось всего два. Остальные были приватизированы, а затем проданы различным фирмам под офисы и магазины.

Горожан, особенно испытывающих время от времени нужду (а это — редкое единение! *unitas* да и только! — мы все), ведомственная принадлежность петербургских общественных отхожих мест никогда не интересовала — лишь бы они были в нужную минуту и желательно, чтоб заходить туда было не страшно. Как, например, под арку дома 46 по Литейному проспекту, давно превращенной прохожими в отхожее место.

Как и в Ладожское озеро, хотя туда просто так и не зайдешь. В 2005 году несколько финских яхт проходили в Ладожское озеро. Путешествие закончилось скандалом. Оказалось, что на Ладожском озере нет *ни одного* пункта приема содержимого биотуалетов. Выбрасывать это в озеро, как делают наши люди, финны не пожелали.

А. С. Кончаловский решил заглянуть в отечественные сортиры взглядом кинохудожника: «...как сказал один англичанин, проблема русских в том, что они белые. Поэтому и самые благие начинания у нас оборачиваются ничем. Пример — состояние общественных туалетов. По нему можно судить об уровне нации, цивилизации, политического сознания. Чистый туалет — это ответственность индивидуума перед обществом. Анонимная, не с милиционером. И потому я хотел бы снять фильм об истории российского сортира».

Да кто не хотел бы! Кто - в назидание, кто - от отвращения, кто - с надеждой на перемены к лучшему, кто — чтоб досадить городскому начальству, для кого-то это вечная тема, для кого-то - новая, для кого-то — ностальгическая.

Я бы снял кино об избранных туалетах, куда не стыдно войти с камерой. И первым в их ряду был бы туалет ресторана «Палкин» (Невский проспект, 47). Это в высшей степени роскошное помещение, в котором звучит симфоническая музыка, вносящая в душу посетителя полную гармонию. Об интерьере не говорю - его надо рассматривать долго, вглядываясь в детали, на что я не решился, дабы не вызвать у своей спутницы по застолью подозрений относительно моего здоровья.

Или вот еще одна примета из прежней жизни - туалеты «Европейской» гостиницы (на первом этаже, налево от входа): в женском можно было купить пачку «Марлборо» за два рубля, и, получив стипендию и скинувшись, мы, студенты 1960-х годов, просили знакомых (а то и совсем не знакомых, но чем не повод для знакомства?) барышень посетить этот туалет с целью купить пачку заморских сигарет, которые нельзя было больше никогда купить во всем городе вот так, почти открыто.

В некоторых общественных туалетах в советское время процветал черный рынок контрабандных западных товаров и даже книг, причем изданных в СССР! В магазинах эти книги купить было невозможно.

А вот сцена, виденная мною в мужском туалете той же гостиницы (теперь она называется Гранд Отель «Европа») осенью 2005 года. Тогда здесь останавливались болельщики футбольной команды «Севилья». Как всякие нормальные люди, перед тем как пойти на стадион, они решили прихватить с собой то, что скрашивает пребывание зрителей на трибунах, а именно — запастись вином,

своим, испанским. Но поскольку с бутылками на футбол не пускают, то сообразительные (или опытные) испанцы, толпясь в туалете пятизвездной гостиницы, торопливо разливали вино из бутылок в кожаные сувенирные флажки. Целая бутылка во флажку не входит, и разливавшему приходилось тут же допивать ее из горлышка.

Где вы, режиссеры, где люди с камерами? Таковую сцену нарочно не поставишь, наш артист не изобразит выражение лица иноземца, который, озираясь, разливает красное вино по флажкам на чужбине. А грязные туалеты, доставшиеся нам от советского времени, я не стал бы показывать в кино — посмотрелся на них в жизни. А тем, кто их не видел, лучше не видеть вовсе. Но чистыми их не сделает ни новая власть, ни другая политическая система, ни Господь Бог - разруха, как сказал классик, в головах. «Вот такая загадочка, — пишет в одной из своих книг А. С. Кончаловский. — Что общего между грязными и общественными туалетами и неуплатой налогов? Вроде бы ничего. А связь прямая. И то и другое — выражение безответственности индивида перед обществом. Налоги в России никто не платит: нужно чувство ответственности за государство или страх. Но и для того, чтобы общественные туалеты стали чистыми, индивид должен чувствовать себя ответственным». Под этими словами и я готов подписаться.

Весьма остро и, главное, по традиции неожиданно встал вопрос о недостаточном количестве общественных туалетов в городе на Неве накануне трехсотлетнего юбилея Петербурга, который, как все (в том числе и городские власти) вдруг вспомнили, бывает только раз в триста лет. До следующего трехсотлетнего юбилея - да что там! трехсотпятого! — можно и не дожить (т. е. не доси-

деть в чиновном кресле), потому и осенило вдруг кого-то, что откладывать решение этой проблемы больше нельзя.

К 25 мая 2003 года в праздничном Петербурге работало около 90 общественных туалетов — стационарных, мобильных, автобусных. На Садовой ул., 37, в помещении бывшей гауптвахты, превращенной впоследствии в «испытательную станцию пищевых продуктов», потом - в автовокзал, а потом - в серпентарий, открылся двухэтажный нужник. На первом этаже расположились касса и пункт продажи гигиенических средств, комнаты для инвалидов и для «матери и ребенка». Основные отделения - на втором этаже (для самых нетерпеливых есть пара писсуаров и на первом). Надо полагать, перепрофилирование этого памятника архитектуры, построенного в 1818-1820-х годах, больше не будет, хотя кто-то, быть может, спит и видит здесь ресторан, а кто-то - и гауптвахту. Удивительное дело - на Невском проспекте во время юбилейных торжеств работал лишь один стационарный туалет, в доме 179, корпус 1 (или Лаврский проезд, 3). Поскольку даже не всякий петербуржец знает где это, скажу: да это ж в здании бывшего Певческого корпуса Александро-Невской лавры!

«Водоканал», на которого свалились все шишки по части туалетных проблем, по окончании торжественных мероприятий разработал несколько программ по реконструкции и модернизации сети общественных туалетов, которая сетью, в целом, еще не стала, но ряд общественных туалетов функционировал исправно, не говоря о домашних, которые никакой организации подчиняться не хотят и в статистику не входят. Согласно этому перечню, к концу 2009 года в Петербурге (при соблюдении порядка финансирования программы, разумеется) должен функционировать 661 общественный туалет, находящийся в хозяйственном ведении «Водоканала». Между

тем на рынках и в кафе уже есть туалеты. Городская власть рекомендовала пускать туда посетителей независимо от того, делают они заказ или нет, хотя хозяева этих заведений не всегда бывают довольны тем, что некоторые посетители оставляют у них отнюдь не то, что хотелось бы этим самым хозяевам. Да и наплыва посетителей кафе ждать не приходится, ибо Петербург славится еще и своими парками и садами.

Стационарные туалеты, находящиеся в ведении «Водоканала», этот последний реконструирует и капитально ремонтирует при помощи подрядных организаций. Плата, которая взимается за посещение стационарного туалета, идет на его содержание - поддержание чистоты и порядка, закупку оборудования и расходных материалов (мыло, салфетки). За дополнительную плату в некоторых туалетах можно приобрести средства личной гигиены. В большинстве западных мужских туалетов стоят автоматы по продаже презервативов, в наших (сам видел!) бабушки почему-то продают чипсы...

В ноябре 2004 года в Музее воды Санкт-Петербурга (Шпалерная ул., 56) проходила выставка «Эволюция общественного туалета» (замечательный, кстати, музей). На ней был представлен модельный ряд унитазов-компактов всех 14 предприятий постсоветского пространства (в основном братьев-славян из России, Украины, Беларуси). «Унитаз-компакт» на языке профессионалов туалетного дела означает комплект унитаза и смывного бачка. Несмотря на большой выбор подобных изделий иностранного производства, отрасль отечественной промышленности под названием «санитарная керамика» развивается достаточно успешно. Да и почему бы ей не развиваться, если она лет сто отдыхала?

Оказывается, продукция наших заводов имеет ряд неоспоримых преимуществ. Выбирая отечественный уни-

таз, покупатель берет (должен брать!) в расчет следующие факторы: компактные размеры унитазов и бачков, благодаря которым их можно устанавливать в малогабаритных квартирах (далеко не все пока живут в пентхаусах); соответствие российским стандартам для подключения к сетям водопровода и канализации; устойчивость арматуры к воздействию водной среды (импортные смывные бачки хорошо работают только после двойной очистки водопроводной воды); достаточно большой объем сливного бачка, что немаловажно для полного качественного смыва; более низкая цена (думаю, скоро сравняется с импортной продукцией); наличие сертификата качества, который исключает подделки. Ну, или практически исключает. Из представленных на выставке современных моделей обращает на себя внимание название одного из «унитазов-компактов» — «Тарельчатый». Красивое слово, необычное. Незнакомое не только рядовым туалетным пользователям, но и сортироведам и туалетологам (не говоря уже о клозетофилах). А бытует это слово в родном Отечестве (среди профессионалов, разумеется) с конца позапрошлого века. «Тарельчатыми» тогда стали называть цельные, фарфоровые унитазы, без подвижных частей и механизмов. Самый известный тарельчатый унитаз выпускала фирма... «Unitas».

Между тем в Музее воды открыта и постоянно действующая выставка, на которой можно полюбоваться разнообразными туалетами давно минувших дней и принадлежностями к ним. Купить из этих экспонатов ничего нельзя, а ведь когда-то можно было, притом в магазине! Интересно, наши предки тоже терзались сомнениями при выборе унитаза? И как выходили из положения, имея столь скудный выбор? И почему мы любим унитазы позапрошлого века, а когда является надобность купить современный унитаз, нас грызет червь сомнения?

В 2004 году, по сообщению одной итальянской газеты, в Питере было 275 общественных туалетов, тогда как в Пекине — 7000. Ну, до Пекина Петербургу еще далеко (в смысле народонаселения), а вот то, что у нас один туалет приходится примерно на семь тысяч человек, это, действительно, плохо. На междугородных рейсах и поныне, когда автобус останавливается по настоятельной просьбе туристов близ кромки леса, действует правило: «Мальчики направо, девочки налево».

В самом Петербурге, надо признать, ситуация малопомалу меняется к лучшему, и теперь уже туалеты не закрываются в семь часов вечера, как это было несколько лет назад (водкой тоже торговали до семи, но туалеты — вот парадокс! — посещают ведь и непьющие).

К 2006 году практически у каждой станции метро были установлены биотуалеты (кстати, почему нет туалетов в самом метро? Кому бы задать этот вопрос? Между прочим, в Сеуле туалеты есть на *каждой* станции метро). Внешне они сильно отличаются друг от друга — одни более пригодны для огороженной стройплощадки, хотя другие ничего, даже гордо именуется «павильонами» (хотя внутри не развернуться). В них есть свет, вода, мыло, бумажные полотенца. Сближает те и другие цена за посещение — примерно полбутылки пива, льгот нет (ну нет льгот!). Правда, опять же, есть категория граждан, которым все можно, — это дети. Трех-четырехлетних детей пускают бесплатно вместе с родителями (если те купят билет, разумеется, а не прикрываются детьми, чтобы проникнуть в павильон бесплатно под видом сопровождающего или инструктора).

В последние годы в городе появились модульные туалеты. Они достаточно эстетичны на вид (кто видел) и более комфортабельны по сравнению с биотуалетами (кто пользовался). Это сборная конструкция, из металлических

или каких-либо иных элементов. Ее главное отличие в том, что такой туалет всегда можно быстро разобрать. При этом модульные туалеты подключаются к существующим городским сетям — к электричеству, водопроводу и канализации (к телефонной сети не подключаются, так что интернетную нужду приходится по старинке справлять в других помещениях), удобны тем, что при необходимости их можно, разобрав, транспортировать и установить в другом месте. В отличие от банкоматов, им не грозит вскрытие злоумышленниками, и еще не известен ни один случай, чтобы налетчики интересовались кассой модульного туалета. Подключение к системам водоснабжения и водоотведения — вот основное отличие туалетов «Водоканала» от биотуалетов с емкостями для заполнения продуктами опорожнения кишечника и мочевого пузыря. (Не могу не вспомнить вывеску, долгие десятилетия украшавшую один из магазинов на Большом проспекте Петроградской стороны: «Продукты детского питания».)

Еще одно чудо техники, призванное помочь в случае нужды, — туалет на колесах. В ведении «Водоканала» около семи передвижных санитарно-гигиенических комплексов (это 14 автобусов). Каждый из них состоит из двух автобусов «МАЗ-ЮЗ» («женский» и «мужской»), окрашенных в традиционные петербургские цвета — синий и белый. «Женский» укомплектован 8 унитазами и 3 умывальниками, «мужской» — 3 унитазами, 6 писсуарами и 3 умывальниками. Одновременно комплекс обслуживают примерно 17 человек. Конструкция туалетов предполагает доступ к ним в инвалидных колясках, правда, ни дверные проемы, ни лифты, ни подземные переходы в городе Петербурге передвижения на инвалидных колясках не предполагают. Такие «комплексы» рассчитаны на массовые мероприятия («Алые паруса» или Пивной фестиваль — головная

боль городских властей), в остальное время они устанавливаются в наиболее посещаемых местах Петербурга.

Для решения проблемы общественных туалетов вдоль набережных в центральных районах города, где нет возможности разместить стационарные или модульные туалеты, «Водоканал» разработал речные передвижные санитарно-гигиенические комплексы. В летнее время они будут пришвартованы в местах, где имеются спуски к Неве. Когда это случится, о том нам не дано знать.

Пока же туалеты по традиции, заведенной в советские времена, продолжают строить так: в Александровском саду, около станции метро «Горьковская», уже несколько лет огорожен участок земли и забор украшает реклама, извещающая прохожих о том, что здесь будет реконструирован туалет. Работы будто бы закончатся в июне 2004 года (пишу эти строки в сентябре 2006 года). Бог вам в помощь, строители!

26 августа 2006 года в Петербурге, на Крестовском острове, в парке развлечений «Диво остров», прошел первый Всероссийский туалетный фестиваль, он же «Праздник чистоты». Посетителям на входе раздавали флажки с изображением зеленого ночного горшка, на который надет шутовской колпак. Мероприятие открыл его туалетное величество король Гальюн Первый. Тут было где разгуляться любителям посещать общественные сортиры. Больше всех радовались, конечно же, любители пива, для которых были созданы все условия. Во время фестиваля проводились конкурсы на знание истории туалета, и наиболее отличившиеся получали на память компакт-биде, вещь очень нужная в хозяйстве, особенно в компактном виде. Маленьким посетителям, победителям в состязании на передвижение горшков на колесиках, раздавали миниатюрные горшки с эмблемой фестиваля, доверху наполненные сладостями. Детям особенно понравился отрица-

тельный персонаж — Зловещая Инфекция, тогда как к королю они особого интереса не проявили. Среди взрослых нашлись желающие попрактиковаться в надписях на туалетных кабинках, однако у них это явно лучше получается, когда они делают это анонимно, а не приза ради...

Прошло две недели, и вот уже в Москве, в Манеже, у самых стен Кремля, открылся Всемирный туалетный саммит, или форум, если угодно. Более трех тысяч предпринимателей приехали из 18 стран мира, чтобы продемонстрировать россиянам, в каких условиях ходят у них: кабинки из железобетона, унитазаы из нержавеющей стали. Зато мы показали им туалет сферической формы и серебристой окраски в виде спускаемого космического аппарата. Впрочем, как и всякий космический аппарат, он предназначен не для серийного производства, а для выражения восторга. Другая российская фирма выставила унитаз «под малахит»; как только пользователь покидает кабинку, унитаз задвигается в стенку и проходит санобработку, а на его место выдвигается другой унитаз.

В ходе мероприятия выяснилось, что в Москве к сентябрю 2006 года функционировало максимум 250 бесплатных общественных туалетов, а вот в Берлине — 1600. Про Сеул же и говорить нечего — их там более двух тысяч. Про Бангкок мы вообще говорить не будем, ибо он затмил всех — в столице Таиланда находится самый дорогой туалет в мире. На его изготовление ушло 38 килограммов 24-каратного золота. Это сколько ж «скворечников» можно отгрохать на такие деньги...

А как обстоят дела с туалетами в других странах?

Да в разных по-разному. Мне случилось прожить год в одной африканской стране. Это было три десятка лет назад, но меня до сих пор преследует вековой — да что там! тысячелетний! — запах мочи, которой исписаны фасады всех домов, заборов, стволы деревьев, неподъем-

ные валуны. Воспоминания о тамошних редких уличных сортирах, без дверей и крыши, я постарался лет двадцать девять назад выбросить из головы. Бывал я, разумеется, и в туалетах, но запомнил только бегущих по стенам ящериц и выглядывающего из-за унитаза сильно отошавшего за долгие столетия эволюции потомка динозавра.

Недавно я получил письмо от своей знакомой из Канады. Вот что она сообщила мне по интересующему меня вопросу: «Когда мы в прошлом году были в Амстердаме, то видели, как на улице утром убирают писсуары. По субботним, а может, и по пятничным вечерам завсегда и баров могут воспользоваться уличными уриналами. Видишь только спину мужчины, тогда как остальное огорожено уриномом. После закрытия баров урины опускаются прямо под улицу, где, как я думаю, их чистят и готовят к следующему уик-энду. Любопытно наблюдать за тем, как они медленно опускаются под землю, и там, где они только что были, остается лишь крышка люка. Не уверена, что ими могут пользоваться и женщины. Не хватает туалетов для женщин и на канадских спортивных аренах. Нередко нам приходится вторгаться в мужские туалеты. Думаю, что когда строился «Сэддлдом» (спортивная арена в Калгари. — И. В.), архитектор счел, что хоккей, в общем-то, скорее для мужчин. На стадионах вообще мало женских туалетов».

И не только на стадионах, и не только в Канаде. Уже давно настала пора пересмотреть нормы организации туалетного пространства, выделив женщинам гораздо большую площадь, чем мужчинам. Опыт всех без исключения стран настоятельно требует этого, а Петербург, претендуя на звание культурной столицы России, мог бы стать первенцем в области туалетного прогресса и заявить о себе как о туалетной столице. Мне, к сожалению, известно немало случаев, когда люди, побывавшие в Пе-

тергофе, запомнили только одно: поиски туалета, очереди и обстановку в них.

И, кстати, хорошо бы подключить женщин к проектированию женских туалетов — им ведь туда ходить. Любая женщина вам, к примеру, скажет, что зеркало в туалете должно быть в полный рост, а не поперек, над умывальниками. Или как в Японии, где в туалетах крупных магазинов есть даже пеленальные столики для младенцев. Там можно даже поменять колготки — есть специальная ступенька, поднявшись на которую, можно произвести все необходимые манипуляции. А в некоторых туалетах имеются тапочки — обычную обувь принято оставлять за дверью.

Всемирная туалетная организация (*World Toilet Organization*, ВТО — не путать со Всероссийским театральным обществом и тем более со Всемирной торговой организацией) года два назад объявила ликвидацию очередей в женские туалеты одной из своих первостепенных проблем, так как эти очереди нарушают принцип равноправия. И вот первая ласточка, из-за океана: в прошлом году Нью-Йоркский совет принял закон, предписывающий владельцам всех публичных мест расширить женские туалеты, чтобы они стали в два раза больше, чем мужские. Подобные законы уже есть в американских штатах Вирджиния, Техас, Пенсильвания и Калифорния.

Уровень комфорта российских туалетов регулируют санитарные правила, учрежденные в 1972 году. Согласно этим правилам, одна «точка» полагается на 500 человек. Под «точкой» подразумеваются один унитаз или два писсуара. Так что пропускная способность мужского туалета в России вдвое выше женского. А поболтать? Замечали ли вы, что только женщины ходят в туалет парами? Мужики в туалет, как и в разведку, ходят поодиночке, поэтому очереди в мужские туалеты или в разведку нет.

Что же делать? Может, вступить в ВТО, где задумали ликвидировать женские очереди? Или в НАТО? Там тоже с туалетами все в порядке. Говорят, одно из условий вступления в НАТО — чистые туалеты в стране, которая стремится стать ее членом. Но точно не берусь утверждать, ибо ссориться с НАТО не хочу.

А вот кое-что из моих собственных заграничных наблюдений: когда я впервые, лет двадцать назад был в Англии, то меня просто изумило то, что туалеты, оказывается, бывают не только для мужчин и для женщин, но еще и для инвалидов. Возвратившись в Ленинград, я рассказывал об этом открытии знакомым, и только в последние годы, уже в Петербурге, вижу, как и у нас стали появляться такие туалеты. Это ж сколько времени прошло, сколько поколений сменилось, прежде чем и в России стали думать о тех, кому недоступно многое из того, что предназначено только для здоровых и самостоятельно передвигающихся. А ведь сколько всего напридумано за последние годы — не у нас! И ведь, что характерно, претворено в жизнь! И насадки на унитаз с регулировкой ширины и высоты, и насадки с поручнями, и манеж-опора для туалетной комнаты, и кресло-туалет с регулируемыми ножками, и складной туалетный стул. И фотоэлементы, которые, обнаружив, что пользователь отошел, скажем, от писсуара, автоматически промывают этот последний. Таких туалетов с фотоэлементами пруд пруди в Южной Корее, стране, где, как утверждают, больше общественных туалетов, чем в любой другой стране мира, где их считали.

Зато в Австралии существует национальная карта общественных туалетов. На ней показано местоположение 14 000 общественных и частных общественных туалетов страны-континента. О каждом туалете имеется информация — где находится, как лучше добраться, часы

работы, наличие кабины для гигиены ребенка, для инвалидов. Такая карта не только позволяет узнать местоположение ближайшего туалета, но и разумно спланировать короткие и длительные поездки, а главное — повысить качество жизни. Ведь туалет, оказывается, это еще и место, где приводят себя в порядок, пользуются предметами личной гигиены и т. д. и т. п. Или слушают музыку. Скажем, Иоганна Штрауса, как в одном из туалетов Вены, в подземном переходе близ Национальной оперы. Сам туалет стилизован под ложу оперного театра. Причем, что показательно, это *общественный* туалет, а не для випов, как у нас нынче называют себя чиновники и работники торговли. Заплати 80 евроцентов — и делай два дела сразу. (Должен в скобках заметить, что когда включается свет в туалете в моей городской квартире, на котором уже не одно десятилетие висит табличка «Партбюро», одновременно включается радио, и я постоянно пребываю в курсе событий, происходящих в мире и в моем родном городе, не отвлекаясь, так сказать, от дел, происходящих в туалете.) А ведь в туалете, оказывается, можно провести время и с улыбкой. В Германии к чемпионату мира по футболу в 2006 году в некоторых барах и кафе установили телевизоры еще и в туалетах. Мало того, в писсуарах поставили небольшие ворота, чтобы и болельщик смог попытаться попасть в них — не все же футболистам резвиться на поле! Да и пол чище.

А сколько возможностей у современного человека спустить воду в унитазе! Можно дернуть за ручку, нажать ногой на педаль, коснуться кнопки в стене или просто выйти из кабинки, чтобы смыв включился автоматически. Убежден — недалек тот час, когда достаточно будет бросить взгляд в сторону унитаза, чтобы тот пустил воду.

Если вы думаете, что англичане перестали быть первыми в изобретении всего того, что касается туалета, то

заблуждается. Недавно ими был изобретен УГР-унитаз, VIP в России — это расплодившиеся чиновники, работники торговли и сферы услуг; как расшифровывается эта аббревиатура, практически никто из них не знает, но пользоваться VIP-баними, VIP-залами и проч. они любят. Так вот, VIP — это *Versatile Interactive Pan*, т. е. такой горшок, который анализирует состояние здоровья по отходам жизнедеятельности, после чего самостоятельно записывается к врачу и заказывает необходимые диетические продукты в ближайшем супермаркете. Возможно, у кого-то есть другая версия, как расшифровывается эта аббревиатура. Заранее соглашаясь с ней, скажу — эта мне нравится больше.

В первой главе приводилось наставление патриарха дзен-буддизма о посещении туалетов. А вот как описывает современные японские отхожие места писатель XX века — Танидзаки Дзюинтиро: «Японские уборные поистине устроены так, чтобы в них можно было отдыхать душой. Они непременно находятся в отдалении от главной части дома, соединяясь с ней только коридором, где-нибудь в тени древонасаждений, среди ароматов листвы и мха... Для достижения удовольствия нет более подходящего места, чем японская уборная: здесь человек, окруженный тихими стенами с благородно простыми деревянными панелями, может любоваться через окно голубым небом и зеленой листвой. Поистине уборная хороша и для того, чтобы слушать в ней стрекотанье насекомых и голоса птиц, и вместе с тем самое подходящее место для того, чтобы любоваться луной. И если уж говорить о недостатках японской уборной, то можно лишь указать на удаленность ее от главной части дома, делающую неудобным сообщение с нею среди ночи и создающую возможность простудных заболеваний в зимнее время... Но я считаю, что приятнее, когда в подобных местах стоит температу-

ра не выше температуры наружного воздуха. Как неприятны европейские уборные в отелях с их паровым отоплением и постоянно нагретым воздухом».

К этому добавлю, что в Японии никогда и нигде (крайне редкие случаи не в счет) не брали плату за посещение туалета — по представлению японцев, это все равно, что брать деньги за воздух.

В тайваньском городе Гаосюн находится самый экстравагантный ресторан в мире. Ничего не подозревающий посетитель, оказавшись в нем, может подумать, что ошибся дверью и попал в туалет. Все дело в том, что вместо стульев в этом заведении расставлены унитазы, лампами служат писсуары, столами - накрытые стеклом раковины, а вместо салфеток гостям предлагают использовать туалетную бумагу. Мороженое здесь подают в тарелках в виде унитазов и мыльниц. Ждите - скоро подобный ресторан появится и у нас (если уже не появился).

Все эти примеры о туалетах разных стран и континентов я привел еще и затем, чтобы и нам, возможно, что-то захотелось перенять, а что-то нет, о чем-то задуматься. В деле дальнейшего обустройства Петербурга, Москвы, России в целом, где неутраченными остаются примерно 40 миллионов человек, т. е. почти треть населения страны (речь идет о доступе к современным коммунальным удобствам), чужой опыт в области туалетных достижений никак не может показаться лишним. Во всяком случае, перспективы у России весьма радужные, ибо на основе своего печального опыта и наработок за рубежом можно не только решить проблему, но и выйти в люди!

7. ДЕЛА БУМАЖНЫЕ,
или
СВЕТЛАЯ ПОЛОСА В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Татьяна мнёт в руке бумажку —
Зане* живот у ней болит.

А. С. Пушкин. Эпиграммы

Бумаги берегу запас...

А. С. Пушкин. Из письма к Вяземскому

Бумага (от итальянского слова *«bambagia»* — «хлопок»), как нам с вами отлично и доподлинно известно, бывает рисовая, папирус (из тростника, изобретена в Древнем Египте), пергамен (или пергамент, бумага из шерсти, изобретена в городе Пергаме для Пергамской библиотеки в древней Италии — стоила дороже папируса), актовая, бристольская (для акварельной живописи), вексельная (для личных долговых обязательств), веленевая, гербовая, китайская, кредитная, фальшивая, на предъявителя, патронная, ватман, писчая, калька, фотографическая, газетная, цветная, лигнин (мягкая бумага типа туалетной, ею пользуются в театре актеры для снятия грима), дерматиновая (для переплетных работ), белая, целлофан, гладкая, финская, реактивная (фильтровальная, пропитанная растворами химических индикаторов — например, лакмусовая), копировальная, миллиметровка (для черчения), с напылением, официальная («Бумажки клочок, в суд волочет»), мелованная, глянцевая, в линееч-

* «Зане», «занеже» — «ибо», «так как» (*В. И. Даль*).

ку, факсовая, липовая, для принтеров, просто «бумага» (письменный деловой документ) и **не просто** «бумага», а *бумажка* (не путать с бумажонкой), то есть бумага туалетная". Это особая бумага, предназначенная, в общем-то, только для одной цели, тогда как, скажем, газетную бумагу можно использовать и для чтения того, что на ней напечатано, и для завертывания рыбы или колбасы (в дорогу или на помойку), и для разжигания костра или печи, и в смятом виде (для сохранения обуви), и вместо скатерти на пеньке, и как головной убор (на пляже), сложенный особым образом и предохраняющий от солнечного удара, и, наконец, как туалетную.

А вот наждачную бумагу в качестве туалетной не используют, чем, прошу прощения за игру слов, и воспользовался как-то один человек в Ленинграде. Вот что об этом рассказывает Сергей Довлатов:

«На одном ленинградском заводе произошел такой случай. Старый рабочий написал директору письмо. Взял лист наждачной бумаги и на оборотной стороне вывел:

"Когда мне наконец предоставят отдельное жилье?"

Удивленный директор вызвал рабочего:

"Что это за фокус с наждаком?"

Рабочий ответил:

* Купюры тоже иногда называют «бумажками» («Были бы бумажки, будут и милашки»), но чаще презрительно или в шутку.

** А вот еще один, совершенно необычный вариант туалетной бумаги, о котором рассказала Е. Сурова, автор статьи о туалетах в одном из питерских журналов: «...на автовокзале в Тирасполе (в 2000 году, в Приднестровской республике. — *И. Б.*) я пережила трепетное ностальгическое оцепенение при виде подобного сооружения. Но не обошла и этот храм революция. Вход в него оказался платный и предусматривал особую услугу: выдачу туалетной бумаги. Правда, за немением оной нам были вручены пачки листов с надписью "воинский билет", что (...) отражало сам дух этой удивительной республики».

"Обыкновенный лист ты бы использовал в сортире. А так еще подумаешь малость..."

И рабочему, представьте себе, дали комнату. А директор впоследствии не расстался с этим письмом. В Смольном его демонстрировал на партийной конференции...»

Собственно туалетной бумагой я и закончу эту книгу о туалетах, как и принято заканчивать посещение туалетов. Между прочим, туалетная бумага столь же важна в истории туалетов, что и писчая в истории литературы. Потому заслуживает отдельной главы — последней по счету, но не по значению.

Наши далекие предки писАли на песке, бересте, на снегу, на стенах пещер (писАли на том же). Когда случалась большая нужда, первобытные люди опять же вполне обходились без туалетной бумаги (даже не мечтали о ней!), предпочитая пользоваться всем тем, что оказывалось под рукой: листьями деревьев, лопухом (или его аналогами) песком, водой, подтирочными камнями. Но не все. Китайские императоры употребляли шелковые салфетки, древние викинги — куски шерсти. Первые паломники, осваивавшие американский континент, прибегали к початкам кукурузы. Говорят, в некоторых селениях южных штатов США так поступают до сих пор, но тот, кто это делает, правду вам все равно не скажет.

В Средние века у справившего нужду человека расширился круг возможностей привести себя в порядок. Гаргантюа, герой романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», к пяти годам на себе испытал различные материалы: «Однажды я подтерся бархатным кашне одной барышни и нашел, что это неплохо, потому что мягкость шелка доставила мне очень большое удовольствие. Другой раз шапочкой — тоже оказалось недурно. Третий раз — шейным платком; затем — атласными на-

ушниками, — но чертова куча золотых шариков ободрала мне весь зад...

Присев однажды под кусты, я нашел мартовскую кошку и подтерся ею, но она ободрала когтями все мои полушария. На следующий день я вылезился, подтершись перчатками матери, надушенными бензоем. Подтирался шалфеем, укропом, анисом, майораном, розами, ботвой от тыквы, свеклы, капустными и виноградными листьями, девичьей кожей, травой-акулиной (она краснеет от этого), салатом, латуком, шпинатом... Потом еще брал крапиву, бурьян, почечуй, живокость... Я обратился затем к простыням, занавескам, скатертям, салфеткам, носовым платкам, женским халатам... Подтирался я сеном, паклей, волосом, шерстью...»

И далее следует вывод: «Нет нужды подтираться, если нет г... А г... не бывает, пока не поэтому, значит, надо раньше чем подтираться. В заключение говорю вам и удостоверяю, что нет лучше подтирки, чем гусенок с нежным пушком...»

Чем хороша классическая литература? Еще и тем, что из нее мы черпаем *классические* примеры возможного поведения в ситуациях, которые могут случиться со всяким. Предшественниками туалетной бумаги были, как видим, камни, травы, сор всякий, животные и птицы, всевозможные предметы и растения, названия которых нам ничего не говорят... да! и еще римские фонтаны и особенно фонтанчики. Это уже из истории Древнего Рима. Там с известной целью использовалась средиземноморская губка, насаженная на палочку. Губка была многоразовой. Посетитель, выбрав особенно ему приглянувшуюся, опускал ее в резервуар с проточной соленой водой, куда добавляли еще и уксус. Древнеримские дамы предпочитали страусовые перья.

Изобретением туалетной бумаги человечество, да и мы с вами, обязано Китаю. Цай Лунь примерно в 105 году н. э. первым в мире наладил процесс производства бумаги из коры дерева и тряпья. Изобретена же бумага тоже в Китае, примерно в конце I тысячелетия до н. э., но до начала ее производства прошло немало времени. Эксперименты с применением смеси соломенного или древесного волокна, хлопка и тряпья, превращаемой в размельченную массу и склеиваемой под давлением, продолжались несколько веков.

В 790 год) н.э. бумагу стали делать арабы; в Египте она вскоре вытеснила папирус и пергамент. Поначалу бумага была такая дорогая, что использовать ее с низкими целями (т. е. делать еще и туалетную) никому и в голову не приходило. Между тем в Средние века семье китайского императора ежегодно поставлялось 15 000 листов мягкой, опрысканной благовониями туалетной бумаги, разрезанной на квадратики примерно 8 на 8 сантиметров. Для народа ничего не разрезали на квадратики и тем более не продавали рулонами.

Первая бумажная фабрика в России появилась благодаря попечению Петра I, под Петербургом, около Дудергофа, в 1716 году, а спустя четыре года бумажная фабрика появилась и в самом Петербурге. О производстве на этих фабриках туалетной бумаги история умалчивает по той причине, что до ее изобретения пройдет еще целый век.

В 1857 году американец Джозеф Гэйети изобрел туалетную бумагу («ремейк» китайского изобретения). Мир вздохнул с облегчением, хотя пришлось ждать еще не одно десятилетие, пока новинка распространится по всем странам мира.

Зато англичане первыми в мире стали торговать туалетной бумагой. Произошло это в том же 1857 году. На-

чавший ее производство промышленник Джеймс Оллок едва не разорился: товар шел из рук вон плохо. Тогдашние покупатели стыдились спрашивать в магазинах столь интимную вещь, а продавцы доставали бумагу из-под прилавка. Те же, кто покупал и использовал по назначению, видел ее потом плавающей в Темзе. Увидела это однажды и королева Виктория и спросила у сопровождающего, что это такое. «Это, - был ответ, - объявления, предупреждающие людей о том, что купаться здесь нельзя».

В Петербурге туалетная бумага стала использоваться в обиходе только с конца XIX века и, судя по рекламе, была «мягкой и шелковистой». Но сохранились сведения лишь о бумаге заграничного производства, доступной только высшим слоям. В XVIII веке в «кабинетце нужном» Служительского флигеля Петергофа на гвоздике висела пачка «Санкт-Петербургских ведомостей», а рядом стоял кувшин - на тот случай, если это издание кому-то не понравится. О том, чем пользовался простой люд в случае нужды, узнаем со слов уже упоминавшегося японца Кацурагавы Хосю: «После отправления нужды подтираются ненужной бумагой». То есть, надо полагать, газетой, которую уже прочитали.

В приведенной в качестве эпиграфа к этой главе эпиграмме А. С. Пушкина поэт дал в руки Татьяне страницы издававшегося тогда журнала, выражая тем самым свое отношение к этому изданию:

**...Она затем по утру встала
При бедных месяца лучах
И на подтирку изорвала...
Конечно, «Невский альманах».**

Рулоны туалетной бумаги впервые появились в 1928 году.

В трудные времена, например, в годы Второй мировой войны, в мире, в Европе, было не до туалетной бумаги. А между тем тринадцатилетняя девочка Анна Франк в своем ставшем знаменитым на весь мир дневнике, который она вела в Амстердаме в 1942-1943 годах, прячась с семьей от нацистов, пишет, что вместо туалетной бумаги приходилось пользоваться клубничными рецептами. В результате возникала еще одна проблема — уборная то и дело засорялась.

В советское время уборные засорялись регулярно и после войны, ибо трубы не выдерживали напора скомканных «Огоньков», разнообразных рецептов, повесток, оберток, а туалетной бумаги не было вовсе - попала в разряд дефицита вместе с икрой, коньяком, шоколадом (список можно продолжать до бесконечности, я назвал лишь то, к чему питаю особую любовь, выдержавшую испытание временем; никогда не любил и не люблю воблу, но это так, к слову). Туалетная бумага — неперенный, хотя и необязательный атрибут *отдельной* квартиры советского времени, а не коммунальной. Она была в дефиците, и потому ею дорожили и не стремились делиться.

Широкие народные массы пользовались газетами, некоторые делали это даже с удовольствием, особенно если подворачивался лист с ненавистным ликом какого-либо лидера страны, иногда, напротив — с неудовольствием, из-за содержания в газетных шрифтах вредных для организма компонентов. В самом деле, использование газетной бумаги не по назначению приводит к заболеваниям прямой кишки — от геморроя до проктита, так что несогласие с линией партии было чревато печальными последствиями для организма.

В продолжение нескольких десятилетий во многих уборных советских коммунальных квартир почти непременно висел на стене отрывной календарь небольшого

размера (сейчас тоже такие есть, но как туалетную бумагу их практически никто не принимает в расчет), причем прошлогодний. Я его отлично помню, и мне всегда казалось, будто издатели имели в виду, что пользоваться им будут двойко - 1) оторвал страничку, прочел заметку про боевого командира, которому в этот день в прошлом году как раз стукнуло бы столько-то лет, а потом 2) поступай как знаешь. Что примечательно, если оторванная страничка не пригодилась, ее втыкали на торчащий из стены гвоздь - для следующего посетителя. Просто «спустить» страничку считалось зазорным — она ведь может еще кому-то пригодиться.

Не было календаря - можно было почитать книгу, как это делал, например, художник Ю. П. Анненков: «В начале 1917 года я прочел "Капитал" Карла Маркса, книгу, которая все чаще становилась в центре политико-социальных споров. Я читал ее преимущественно в уборной, где она постоянно лежала на маленькой белой полочке, отнюдь не предназначенной для книг. В другое время мне было некогда: я занимался другими делами и читал другие книги».

Лишь в 1980-е годы туалетную бумагу в СССР стали изредка продавать, и нередко можно было стать свидетелем уличной сцены, когда человек нес на шее - на зависть прохожим, презрительно, впрочем, провожавших счастливого глазами, - рулон туалетной бумаги, которую ему удалось купить, выстояв огромную очередь. (Кстати, одним рулоном бумаги можно обмотать человека с головы до ног. Проверено.)

Первую туалетную бумагу советского производства называли «наждачной». В дефиците она была жутком, и даже в гостинице «Европейская», лучшем тогда отеле города, уборщицы оставляли в туалетах половину или треть

рулона — ее постоянно умыкали (не иностранцы, разумеется).

Ныне туалетную бумагу в Петербурге (да, наверное, и в других российских городах) можно купить везде, в любом количестве, любого качества. Даже хорошего. Даже с изображением доллара. Бумага неизменно с перфорацией, длиной не менее 54 метров (плюс-минус полметра), рулон весит 130 граммов (плюс-минус 10 граммов), так что если на шею повесить пяток рулонов, то и груза не ощутишь — одно удовольствие от того, что несешь домой нужную вещь.

В некоторых странах туалетная бумага служит еще и для развлечения, для обучения и даже для конспирации. В Японии производят туалетную бумагу с уроками английского языка, в США (да нынче, наверное, не только там) на ней воспроизводят долларовые купюры — одна за одной, отрывай, сколько хочешь. В 1991 году, во время операции «Буря в пустыне», туалетную бумагу американцы использовали для маскировки танков. Отсюда я делаю такой вывод — не знали, куда ее девать.

А вот японской туалетной бумагой танки не оборачивают, зато она запросто растворяется в воде. Туалетная бумага, изготовленная в другой стране (допустим, вы привезли ее с собой в Страну Восходящего Солнца, скажем, из России), через японские трубы не проходит — их диаметр всего пять сантиметров. Справедливости ради скажу, что и у нас теперь можно купить бумагу, которая исчезает бесследно в недрах канализации. В 1990-х годах в мире появилась влажная туалетная бумага. Сегодня и ее можно купить в России. Она водорастворимая, с экстрактом календулы или еще каким-нибудь, проверена посредством дерматологических и микробиологических тестов, но широкого применения пока не нашла — стоит почти в десять раз дороже обыкновенной, которая длиной 54

метра, а хочешь - и все 56, тогда как в упаковке влажной бумаги всего-то сорок штук.

Вот новости из Китая. В Пекине в платном туалете в 1990-х годах (были проблемы экономического свойства) при входе пользователю выдавали обрывок туалетной бумаги не длиннее пятнадцати сантиметров. Стоило посетителю заколебаться, как рука, дававшая бумагу, незамедлительно исчезала в окне. Разумно. И без церемоний, которыми традиционно гордится Поднебесная.

А вот современные англичане, в отличие от своих предков, живших в XIX веке, запросто спрашивают туалетную бумагу и много ею пользуются: на среднюю семью выходит 159 рулонов в год. Если все рулоны, которые используются в Англии, развернуть и сложить один за другим, то эта лента доберется до Марса, а то и дальше. Но это что! Средний американец использует *в два раза* больше туалетной бумаги, чем средний британец.

Так что, как видим, туалетная бумага, как, скажем, унитаз или сливной бачок, тоже имеет свою историю, естественным образом перетекающую в наши дни. Сегодня она, угодливо свернувшись рулоном, старается служить человеку всеми способами, которые он для нее выдумывает, силясь угодить ему, не жалея себя, даже если он употребляет ее не по назначению, и все ради того, чтобы потом отправиться в долгое странствие по подземным трубам, а потом раствориться в невидимой дали... Но на смену ей являются миллионы километров новой бумаги, и, похоже, в ближайшее время ничто ее не заменит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ,
или
СКОЛЬКО РАЗ МОЖНО ХОДИТЬ
В ТУАЛЕТ ВО ВРЕМЯ
ШАХМАТНОЙ ПАРТИИ

Не знаю, как вы, читатель, а я с сожалением закрываю последнюю страницу этой книги. Пока я работал над ней, узнал много для себя нового, а перечитав, прежде чем отправить рукопись в издательство, взгрустнул, как грустишь, продавая машину, на которой ездил несколько — да что там! много — лет, или выдавая дочку замуж (у меня дочери нет, но если бы была, я бы, пожалуй, загрустил, выдавая ее замуж, а если бы так и не выдал, то... но что грустить о том, чего нет!).

Я надеюсь, что чтение этой книги не было скучным. Приступая к столь знакомой и вместе с тем совершенно незнакомой нам теме, как туалеты, я держал в голове слова мудрого Зигмунда Фрейда, который как-то обмолвился: «Человечество всегда смеется над тремя вещами: сексом, отправлениями прямой кишки и над своим правительством». Врачу-психиатру, конечно, виднее, но я бы значительно расширил круг тем, которые навевают улыбку при одном лишь их упоминании. Оставлю эти темы пока при себе, потому что некоторые из них вполне могут оказаться предметом моих дальнейших исследований.

Я не буду возражать, если кто-то из вас захочет определить мою книгу в самое маленькое помещение в доме, т. е. в то место, о котором в ней рассказывается. Быть может, имея ее под рукой, кому-то захочется еще не раз в нее заглянуть, кто-то, придя к вам в гости, увидит ее

впервые и отметит ваше стремление быть в курсе книжных новинок или литературного движения вообще. Туалетной бумаги нынче задавись, некоторые даже танки ею оборачивают, так что за судьбу своего произведения я спокоен: вырванные страницы будут служить лишь указанием на то, что кому-то захотелось унести с собой перлы народной мудрости или изумляющие своей откровенностью исторические факты.

Я, пожалуй, туда же положу (или повешу) экземплярчик. Времени читать нет, другого места для этого в доме тоже нет (все места только для просмотра телевизионного экрана и монитора компьютера), и главное — легко можно будет освежить в памяти любимый анекдот, который, когда он нужен, всякий раз почему-то забывается. Да вот же он:

«Старшина Мотин принес домой пирог, который изъял из передачи заключенного.

Вот уже третий день семья Мотиных ходит в туалет, избавляясь от веревочной лестницы».

Чтобы и вам не пришлось искать долго этот анекдот в этой книге, я поместил его на последнюю страницу.

P.S. Я уже решил было поставить последнюю точку в этой книге, но призадумался: а вдруг читателю мало одного анекдота? И решил порадовать читателя еще одной незамысловатой историей, имеющей самое непосредственное отношение к теме повествования.

«Два сантехника устраняли как-то протечку в унитазе. Старший, опытный, засучив рукава, полез в самое пекло и принялся время от времени командовать своему молодому коллеге:

- Газовый ключ!
- Молоток!
- Разводной ключ!

Утихомирив коричневую "Ниагару", он, стряхивая ее ошметки с плеч, гордо заявил своему сухому напарнику:

— Учись, салага! А то всю жизнь будешь ключи подавать!»

P.P.S. Совсем уже было решил закрыть тему, а тут на чемпионате мира по шахматам в Элисте между россиянином В. Крамником и болгаринном В. Топаловым разыгрались нешуточные страсти — и как раз на «нашу» тему. В заявлении болгарской делегации, в частности, говорилось:

«Всем средствам массовой информации.

После тщательного изучения видеозаписей, сделанных в комнатах отдыха, техническими экспертами болгарского штаба были установлены следующие факты, любезно предлагаемые Вашему вниманию:

15.54 — Крамник выполняет ход номер 15

15.55 — Уходит в туалет

15.56 — Выходит из туалета

15.57 — Уходит в туалет

15.59 — Выходит из туалета

16.03 — Уходит в туалет

16.04 — Выходит из туалета

16.07 — Выходит для выполнения хода номер 16.

...Возникает логичный вопрос: сколько раз в рамках одной шахматной партии участник нуждается в туалете и через какой период времени? Логичный ответ: не более 5—10 раз, но ни в коем случае 50 раз, как указывает статистика сыгранных до настоящего момента партий с участием г-на Крамника».

Мне, историку туалета, осталось неизвестным, сколько раз в ходе этого беспрецедентного по подозрительности одной из сторон матча ходил в сортир г-н Топалов, которому так и не удалось стать чемпионом мира. И тут

же возник другой вопрос: а сколько раз вообще человек может ходить в туалет? Не более 5—10 или все-таки 50?

Выхода в интернет в сливной бачке туалета, посещавшегося г-ном Крамником, обнаружить так и не удалось. Значит, туалет пока отстает от технологических достижений современности, значит, у него есть будущее. На этой оптимистической ноте и ставлю точку в своем историческом повествовании.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Хроника событий

69 н. э. — Римский император **Веспасиан** обложил туалеты налогом.

105 н. э. - Китаец Цай Лунь первым в мире наладил процесс производства бумаги из коры дерева и тряпья.

1596 - Английский писатель сэр Джон Харингтон изобрел один из вариантов туалета со смывом.

1710 - **В** Петербурге, в Летнем саду, появился первый домашний «ретирадник».

1775 — Англичанин Александр Каммингс изобрел современную туалетную систему (с отводной трубой унитаза).

1778 — Английский инженер Джозеф Брама запатентовал туалетный бачок со сферическим клапаном и сифоном.

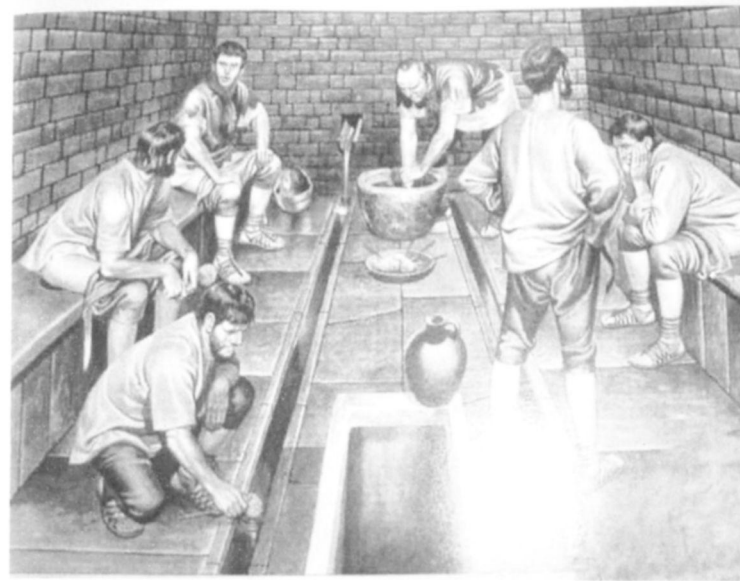
1824 — **В** Париже появился первый общественный туалет.

1851 - **В** Лондоне открыт первый общественный туалет.

1857 - Американец Джозеф Гэйети изобрел туалетную бумагу. Учреждена компания «Gayety Medicated Paper».

1857 - Англичанин Джеймс Оллок первым в мире начал торговать туалетной бумагой.

1859 - Англичанин Генри Муль предложил добавлять в выгребную яму землю и торф для устранения запаха.

Общественный туалет в Древнем Риме

Общественный туалет в банях Адриана в Древнем Риме

Император Веспасиан, автор изречения «Деньги не пахнут»

Средневековый замок с неприглядной стороны

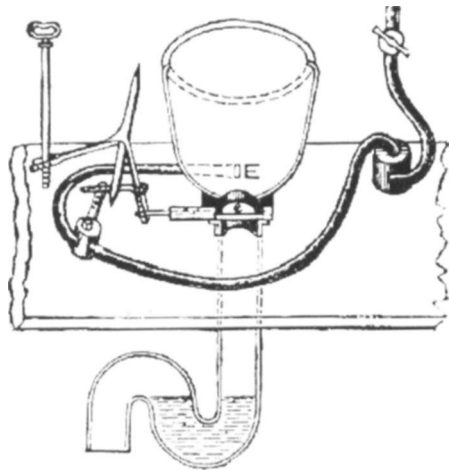
Средневековый врач осматривает кувшин с мочой пациента

Император Барбаросса был публичным человеком

Уличная сцена. Париж, XV век

Туалет А. Каммингса. 1775 год

Английский писсуар. XIX в.

Ночная ваза. Англия. XIX век

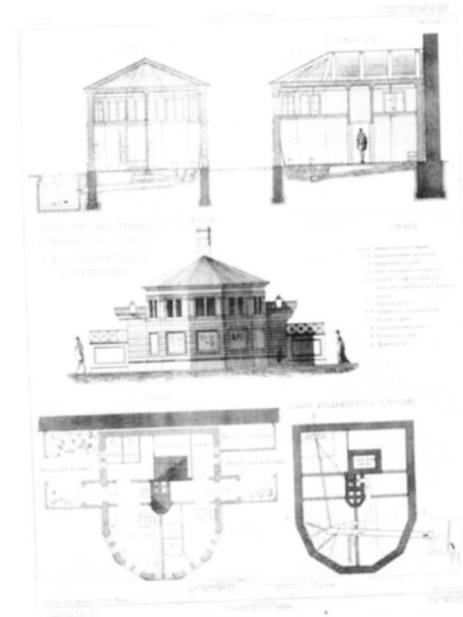
Английский унитаз. XIX в.

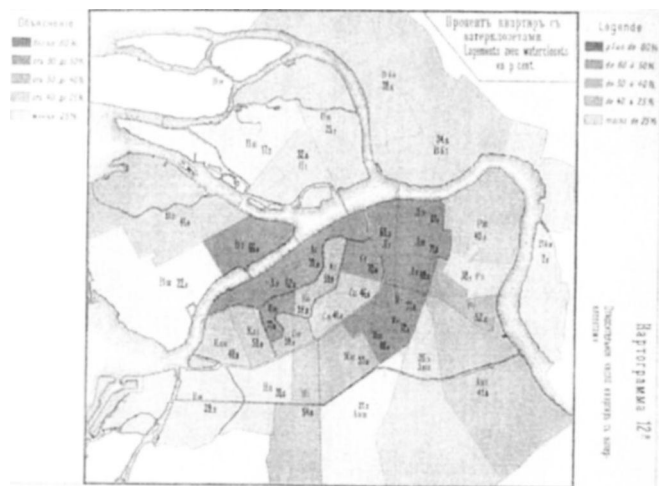
Унитаз и ночная ваза. XIX века.
Музей воды в С.-Петербурге

Архитектор И.А. Мерц (1834–1876)

И.А. Мерц. План туалета в Александровском сквере
в С.-Петербурге. 1871 год

Картограмма «Процент квартир с ватерклозетами». С.-Петербург. 1888 год

Французская акция для постройки туалетов в России. Из собрания Э. Майера (Германия)

Уличный писсуар. Зарисовка 1892 года, сделанная историком С.Ф. Светловым

Туалет, построенный купцом Александровым на Кронверкском проспекте в С.-Петербурге в начале XX века. Фото 1930 года

Сортир времен Первой мировой войны

Туалет на проспекте Стачек в С.-Петербурге. 1930-е годы.
Фото 2007 года

Общественный туалет в левом флигеле здания Гауптвахты
(1818—1820) существует уже не одно десятилетие.
Фото 2007 года

Туалет на углу Лиговского проспекта и площади
Восстания в С.-Петербурге. Фото 1936 года

Туалет в ресторане «Палкин» в С.-Петербурге. Фото 2007 года

Модель унитаза, разработанная итальянским дизайнером Дж. Понти в 1953 году

Уличный туалет в Индии. 1986 год

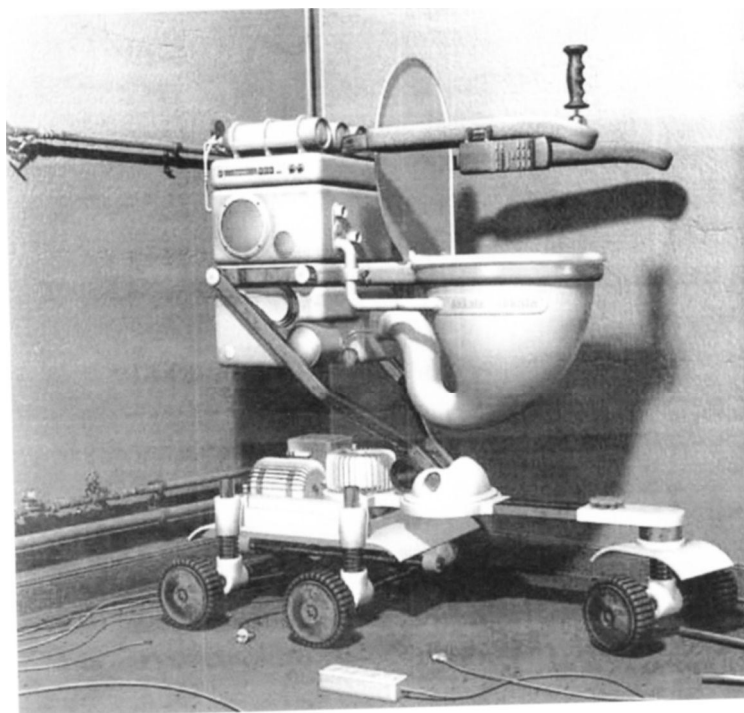
Дачный «домик-пряник» в России. 2007 год

Канализационный люк в Альгарве, Португалия

Писсуар, изготовленный к Чемпионату мира по футболу 2006 года

По дорогам будущего. Передвижной туалет «Торнадо».
Первые годы XXI века

Приложение 1

Туалет на космической станции «Мир»

1861 — Англичанин Томас Крэппер учредил компанию под названием «Thomas Crapper and Co, Marlborough Works, Chelsea», которая производила канализационные люки и просуществовала до 1966 года.

1871, осень — В Петербурге появился первый общественный туалет на каменном фундаменте, с железной кровлей, с газовым освещением (архитектор И. А. Мерц).

1873 — Американский инженер Льюис Латимер изобрел туалет для железнодорожных вагонов.

1880 — Англичанин У. Дж. Элкок начал производство туалетной бумаги из травы альфа (эспарто).

1882 — Англичанин Артур Эшуэл изобрел механический указатель «Занято» — «Свободно» в туалетах поездов дальнего следования.

1885 — Англичанин Джозеф Твифорд изобрел унитаз без подставки.

1909 — Начало массового производства фаянсовых унитазов в Испании акционерным обществом по электрификации под названием «*Unitas*».

1927 — Матрос в фильме С. М. Эйзенштейна «Октябрь» разбил царский унитаз.

1928 — В мире впервые появилась в продаже туалетная бумага в рулонах.

1957 — В мире впервые появилась в продаже цветная (розовая) туалетная бумага.

1974 — В Петербурге вышел альбом группы «Аквариум» «Музыка общественных туалетов».

2000, 19 ноября — Учрежден международный день туалета.

2006, 26 августа — В Петербурге прошел Первый все-российский туалетный фестиваль.

2006, сентябрь — В Москве прошел Всемирный туалетный саммит.

П Р И Л О Ж Е Н И Е 2

Редко в наши дни встретишь человека, который читал роман ирландского писателя Дж. Джойса «Улисс» (1922 г.). Поэтому предлагаю желающим ознакомиться с коротким отрывком из этого выдающегося произведения, оказавшего влияние на последующую прозу и, главное, не обошедшего вниманием интересующую нас тему*.

«...»

И Милли тоже. Первые юные поцелуи. Как давно минуло. Миссис Мэрион. Сейчас снова легла, читает, перебирая прядки волос, заплетая их, улыбаясь.

Сожаление и потерянность, нарастая, смутной волной расплзались вниз по спине. Да, случится. Помешать. Бесплезно: что сделаешь! Девичьи губы, нежные, легкие. Случится то же. Он чувствовал, как волна потерянности охватывает его. Бесплезно тут что-то делать. Губы целуют, целующие, целуемые. Женские губы, полные, клейкие.

Лучше пусть там, где она сейчас: подальше. И занята. Хотела собаку от нечего делать. Можно бы туда съездить. На табельные дни в августе, всего два и шесть в оба

* Текст печатается по изданию: Джеймс Джойс. Избранное. Том I. «Улисс» / Пер. С. Хоружий, В. Хинкис. Глава «Протей», ч. 2. М., 1997. С. 63-64.

конца. Но это через полтора месяца. Можно бы устроить бесплатный проезд, как журналисту. Или через Маккоя.

Кошка, вылизав свою шерстку, вернулась к обертке в кровяных пятнах, потыкала ее носом и пошла к двери. Оглянулась на него, мякнула. Хочет выйти. Жди перед дверью — когда-нибудь отворится. Пусть подождет. Как-то занервничала. Электричество, Гроза в воздухе. И умывала ушко спиной к огню.

Он ощутил сытую тяжесть — потом легкие позывы в желудке. Поднялся из-за стола, распуская брючный ремень. Кошка настойчиво мякнула.

— Мяу, — передразнил он. — Обождешь, пока я сам соберусь.

Тяжесть: день будет жаркий. Лень подыматься на площадку по лестнице.

Газетку. В сортире он любил читать. Надеюсь, никакая макака туда не забредет, пока я.

В ящике стола ему попался старый номер «Осколков». Свернув, он сунул его под мышку, подошел к двери и отворил. Кошка кинулась мягкими прыжками наверх. А, вон ты куда — свернуться на постели клубком.

Прислушавшись, он услышал ее голос:

— Поди сюда, кисонька. Ну поди.

Он вышел с черного хода во двор; постоял, прислушиваясь к звукам соседнего двора. Все тихо. Может быть, вешают белье. Королевна в парке вешает белье. Славное утро.

Он наклонился взглянуть на чахлые кустики мяты, посаженной вдоль стены. Поставить беседку здесь. Бобы, дикий виноград. И надо везде удобрить, земля плохая. Бурая корка серы. Почва всегда такая без навоза. Кухонные помои. Перегной — что бы это за штука? У соседней курицы: вот их помет — отличное удобрение. Но самое лучшее от скота, особенно если кормили жмыхами. Сухой

навоз. Лучшее средство для чистки лайковых перчаток. Грязь очищает. И зола. Надо тут все переделать. В том углу горох. Салат. Всегда будет свежая зелень. Но с этими садиками свои неудобства. Тот шмель или овод в Духов день.

Он двинулся по дорожке. А где моя шляпа, кстати? Должно быть, повесил обратно на крючок. Или оставил наверху. Вот номер, совсем не помню. На вешалке в прихожей слишком полно. Четыре зонтика, ее плащ. Подбирал письма. У Дрейго колокольчик звонил. Как странно, именно в этот момент я думал. Его волосы, каштановые, напомаженные, над воротничком. Свежевымыт и свежечричесан. Не знаю, успею ли зайти в баню. Тара-стрит. Тип, что у них за кассой, устроил побег Джеймсу Стивенсу. Такие слухи. О'Брайен.

Каким он басом говорит, этот Длугач. Агенда — как там? По-жалте, мисс. Энтузиаст.

Он отворил, толкнув носком, ветхую дверь сортира. Смотри, чтобы не запачкать брюки, потом на похороны. Вошел, пригнув голову, стараясь не задеть о низкий косяк. Оставив дверь приоткрытой, посреди пыльной паутины и вони заплесневелой хлорки, не спеша, отстегнул подтяжки. Перед тем как усестыся, бросил через щель взгляд на соседское окно. А король на троне пишет манифест. Никого нет.

Раскорячившись на позорном стуле, он развернул журнал на оголенных коленях и стал читать. Что-нибудь новенькое и полегче. Не торопись особо. Попридержи. Наш премированный осколок: «Мастерский удар Мэтчена». Автор — мистер Филип Бьюфой, член лондонского Клуба театралов. Гонорар по гинее за столбец. Три с половиной. Три фунта три. Три фунта тринадцать и шесть.

Он мирно прочел, сдерживая себя, первый столбец, затем, уступая, но еще придерживая, начал второй. На

середине, окончательно уступив, он дал кишечнику опорожниться свободно, продолжая мирно, неторопливо читать, вчерашний легкий запор прошел без следа. Авось не слишком толсто, геморрой снова не разоидется. Нет, самый раз. Ага. Уфф! Для страдающих запором: одна таблетка святой коры. В жизни может такое быть. Это не тронуло и не взволновало его, но, в общем, было бойко и живо. Теперь что хочешь печатают. На безрыбье. Он читал дальше, спокойно сидя над своими подымавшимися миазмами. Бойко, что говорить. «Мэтчен часто вспоминает свой мастерский удар, покоровший сердце смеющейся чаровницы, которая ныне». Мораль в конце и в начале. «Рука об руку». Лихо. Он снова окинул взглядом прочитанное и, выпуская ровную заключительную струю, благодушно позавидовал мистеру Бьюфой, который сочинил это и получил гонорар в размере трех фунтов тринадцати шиллингов и шести пенсов.

Я б тоже мог кое-что накопать. Авторы — мистер и миссис Л. М. Блум. Придумать историйку на тему поговорки. Какой только? Как-то пробовал записывать на манжете, что она говорит, пока собирается. Не люблю собираться вместе. Порезался, бреясь. Покусывает нижнюю губку, застегивая крючки на платье. Я засекаю время. 9.15. Роберте тебе заплатил уже? 9.20. А в чем была Грета Конрой? 9.23. Чего меня угораздило купить такую гребенку? 9.24. С этой капусты меня всегда пучит. Заметит пылинки на обуви — потрет каждую туфельку об чулки на икрах, обе по очереди, так ловко. Наутро после благотворительного бала, когда оркестр Мэя исполнял танец часов Понкьелли. Объяснял ей: утренние часы, потом день, вечер, потом ночные часы. Она чистила зубы. Это была первая встреча. У нее голова кружилась. Пощелкивали пластинки веера. А этот Бойлан богатый? Да, он со средствами. А что? Я во время танца заметила, у него пахнет чем-то

приятным изо рта. Тогда не стоит мурлыкать. Надо бы намекнуть. В последний раз какая-то странная музыка. Зеркало было в темноте. Она взяла свое маленькое, потерла о кофточку на груди, нервно, так и заколыхались. Потом смотрелась. Нахмуренный взгляд. Чего-то там такое не сладилось.

Вечерние часы, девушки в серых газовых платьях. Потом ночные часы в черном, с кинжалами, в полумасках. Это поэтично, розовое, потом золотое, потом серое, потом черное. И в то же время как в жизни. День, потом ночь.

Он смело оторвал половину премированного рассказа и подтерся ею. Потом поднял брюки, застегнул, надел подтяжки. Потянул на себя кривую шаткую дверь сортира и вышел из полумрака на воздух.

При ярком свете, облегченный и освеженный в членах, он тщательно осмотрел свои черные брюки, их обшлага, колени и за коленями. Во сколько похороны? Надо уточнить по газете.

Мрачные скрипучие звуки высоко в воздухе. Колокола церкви святого Георгия. Они отбивали время: гулкий мрачный металл.

Эй - гей! Эй - гей! Эй - гей! Эй - гей! Эй - гей! Эй - гей!

Без четверти. Потом снова: по воздуху донесся обертон, терция. Бедный Дигнам!

...»

П Р И Л О Ж Е Н И Е 3

*Махмуд Отар-Мухтаров. «Московские сортиры»**

**Был день, страдал расстройством я желудка,
Порою так прихватит - мочи нет!
Скажу, друзья, вам честно: это жутко -
Искать в Москве бесплатный туалет.**

**Бредешь по городу, как будто бы в тумане,
Не видно ни кабинок, ни кустов!
Вы можете проверить это сами
Не только здесь - в любом из городов!**

**Но даже если вы нашли удачно
Затерянный в кварталах туалет,
То как же там уныло, грязно, мрачно,
Холодная вода, бумаги нет!**

**К тому же с вас возьмут входную плату.
Помилуйте! Ведь это ж не кино!
Платить? Да проще запустить гранату
В сортира приоткрытое окно!**

**Префекты, мэр не ходят по кварталам,
Им, вероятно, трудно нас понять,
Сообразить, что всех уже достало
Сортир нормальный в городе искать.**

**К властям я обращаюсь, к мэру лично:
Подумайте о людях, мыслите вширь!
В квартале каждом следует приличный
Установить общественный сортир.**

23 ноября 2003 г.

* Отар-Мухтаров Махмуд Мухтарович, молодой московский литератор, поэт.

*Игорь Иртеньев. «Песнь о юном кооператоре»**

Сраженный пулей рэкета
 Кооператор юных лет
 Лежит у платного сортира
 С названьем гордым «туалет».
 О перестройки пятом годе,
 В разгар цветения ея,
 Убит при всем честном народе
 Он из бандитского ружья.
 Мечтал покрыть Страну Советов,
 Душевной полон чистоты,
 Он сетью платных туалетов,
 Но не сбылись его мечты.
 На землю кровь течет из уха,
 Застыла мука на лице,
 А где-то рядом мать-старуха,
 Не говоря уж об отце,
 Не говоря уже о детях
 И о жене не говоря...
 Он мало жил на этом свете,
 Но прожил честно и не зря.
 На смену павшему герою
 Придут отважные борцы
 И в честь его везде построят
 Свои подземные дворцы.

1989 г.

* Выражаю благодарность Игорю Иртеньеву, который прислал мне стихотворение специально для этой книги.

В этой книге я старался пользоваться только подтвержденными фактами, избегая слухов и предположений. Но какая же история без легенд? Поэтому и вспомнил я в главе о туалетах XIX века историю с туалетами, которые возводил купец Александров. Эта история очень похожа на правду, в отличие от истории о куртизанке.

Жила-была в Питере куртизанка Дунечка. Девушка была сиротой, однако после смерти оставила солидный капитал. Император Николай Павлович повелел направить наследство, оставленное блудницей, на воспитание сирот, однако Городская дума этому почему-то воспротивилась. И тогда известный промышленник Ф. К. СанТалли будто бы сказал: «Пусть деньги пойдут городу. Довольно людям бегать по дворам. Я построю в городе общественные туалеты, и будут они на улицах и площадях, как в Европе!» Николай согласился.

Была ли Дунечка — о том лучше спросить у СанТалли. Между тем, на заводе Франца Карловича производилось оборудование и для петербургского водопровода, поэтому и он причастен к улучшению санитарного состояния Петербурга.

А вот и подлинный исторический анекдот. Публикуемые ниже строки принадлежат перу профессора Ленинградской консерватории И. Д. Гликману, близкому другу Д. Д. Шостаковича и И. И. Соллертинского. Это отрывок из воспоминаний Гликмана о Соллертинском.

«Я Вам уже сказывал, что одной из старинных повадок петербуржцев было презрение к общественному городскому транспорту. Вояжи, в том числе из дому на службу и обратно, невзирая на, подчас, дистанции огромного размера, совершались пешком. И путники, натурально, обладая организмами, далекими от совершенства олимпийских богов — Зевса, Артемиды и прочих, с легкостью находили общественные уборные по многочисленным указателям: "Уборная — во дворе такого-то и такого-то дома". (По таинственной причине отхожие места ныне стали называться туалетами. Что за ханжество! Туалетные комнаты предназначены совсем для иных нужд.)

И это блаженство рая было не так давно упразднено нещадно. Какому-то мудрецу из Смольного пришло в голову разрушить большинство отхожих мест колыбели революции. Идиотизм предлога не сравним ни с чем — якобы эти незамысловатые сооружения, несомненно уступавшие в своем величии шедеврам Растрелли и Тома де Томона, используются многими горожанами для распития горячительного. Ну и что ж в том дурного? Ежели кому-то доставляет наслаждение пить водку, вдыхая при этом ароматы хлорки, то пусть себе занюхивают хлоркой! Но после того, как эти рассадники алкоголизма были разрушены, невозможным стало заходить в парадные — ни на Невском, ни на Марата!

Я, кстати, поражаюсь какой-то немислимой, феноменальной выносливости участников различных бесконечных посиделок у Цецилии Карловны*. Там, в Кремле, обитают какие-то сверхчеловеки! Их мочевые пузыри, по всей вероятности, изготавливались на сталелитейных заводах...

Как-то я с приятелем — нам тогда было 13—14 лет — оказались в районе Смольного. И, долго блуждая без ус-

тали, захотели по малой нужде. Публичных отхожих мест поблизости не было, и мы зашли в здание, в котором не так давно обучались благородству девицы-смолянки. Надобно Вам сказать, что нас никто не остановил — просто никого не было у входа. В это сейчас невозможно поверить. Словом, мы оказались в длинном, пустынном, словно вымершем коридоре, где не без труда обнаружили отхожее место. Я думаю, что сейчас оно покрыто кафелем да мрамором. Но тогда мы были потрясены ветхостью этой приватной комнаты. Обшарпанные стены, грязь, какой-то простенький алюминиевый проржавевший наклонный желобок, в воздухе разлито зловоние нечистот и так далее. Я сказал своему товарищу — "Неужели здесь справляет нужду сам Киров?!" (Правда, я использовал менее изящный оборот.) И именно на этих моих словах открывается дверь и входит Киров. Сергей Миронович. Он явно услышал мои слова. С какой свирепостью он взглянул на нас! "Что вы здесь делаете!? Вон отсюда!!!" Нас словно ветром сдуло. Ну подумайте, какое немилосердие!

Его, смольненского добряка и друга ленинградских детишек, львиный рык до сих пор стоит в моих ушах...»

Исаак Гликман. Монологи на Большой Пушкинской, 44. Новеллетта об общественных уборных // Альманах «Лебедь». № 268, 21 апреля 2002 г.

* Именно так И. И. Соллертинский называл ЦК партии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. Л., 1989.
- Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч. Л., 1991. Т. 1.
- Барнетт А.* Род человеческий. М., 1968.
- Блокадные дневники и документы. СПб., 2004.
- Богданов И. А.* Старейшие гостиницы Петербурга. СПб., 2001.
- Богданов И. А.* На углу всех улиц. СПб., 2005.
- Будни подвига, СПб., 2006.
- Веллер М.* Легенды Невского проспекта. СПб., 1994.
- Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. I. Таллин; М., 1994.
- Воеводская А. И.* Четыре года жизни, четыре года молодости. СПб., 2005.
- Войнович В. Н.* Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. Л., 1990.
- Герасимов В., Левтов В.* Пи-пи-путеводитель. Все секреты про туалеты Санкт-Петербурга. СПб., 1998.
- Герман М. Ю.* Сложное прошедшее // Невский архив. Вып. III. СПб., 1997.
- Гете И.-В.* Из «Итальянского путешествия» // Собрание сочинений. Т. IX. М., 1980.
- Город Санкт-Петербург с точки зрения медицинской полиции. СПб., 1897.
- Горький М. В. И.* Ленин. М., 1972.
- Григорьев В. Г.* Ленинград. Блокада. 1941-1942. СПб., 2003.
- Довлатов С.* Ремесло. СПб., б.г.
- Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. М., 1992.
- Домоводство. М., 1957.
- Есенин С. А.* Страна негодяев // Сергей Есенин. Собрание сочинений в двух томах. Т. I. М., 1991.
- Записки Императрицы Екатерины II. М., 1990.
- Зоценко М. М.* Рассказы. Свердловск, 1988.
- Катулл Гай Валерий.* Избранная лирика. СПб., 1997.
- Кацурагава Хосю.* Краткие вести о скитаниях в северных водах. М., 1978.
- Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. СПб., 1999. Т. II.
- Кибиров Т.* Сортиры // Кибиров Т. Сантименты. Белгород, 1994.
- Кончаловский А. С.* Низкие истины. М., 2001.
- Кончаловский А. С.* Возвышающий обман. М., 1999.
- Краснов И., Старостин Дм.* Вода и мир. СПб., 2005.
- Кюстин, маркиз де.* Записки о России. М., 1990.
- И. А. Крылов* в воспоминаниях современников. М., 1982.
- Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М., 1976.
- Ленин В. И.* Сочинения. Изд. 4-е. Т. 33. М., 1951.
- Лимонов Э.* У нас была великая эпоха. СПб., 2002.
- Липкое А. И.* Толчок к размышлению, или Все о сортирах. М., 2001.
- Ломагин Н.* Неизвестная блокада. М., 2002. Кн. 2.
- Нестеров М. В.* Воспоминания. М., 1989.
- Олеша Ю.* Ни дня без строчки. Минск, 1982.
- Прогулки по Невскому проспекту в первой половине XIX века. СПб., 2002.
- Пушкин А. С.* Сочинения. М., 1888. Ч. 2.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 16 т. М., 1937—1959. Т. III.
- Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль. Киев, 1956.
- Раневская Ф.* Случаи. Шутки. Афоризмы. М., 1999.
- Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. Ч. 1-2.
- Синдаловский Н. А.* Марсово поле. СПб., 2006. Ч. I.
- Синдаловский Н. А.* Санкт-Петербург. История в преданиях и легендах. СПб., 2002.
- Сосуды тайн. Туалеты и урны в культурах народов мира. СПб., 2002.
- Топоров Вл. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.
- Три века Санкт-Петербурга. Деятнадцатый век. Кн. 4. СПб., 2005.
- Утехин И.* Очерки коммунального быта. М., 2001.
- Франк А.* Убежище. М., 2001.
- Ходасевич В.Ф.* Державин. М., 1988.
- Хозяйка дома. СПб., 1895.
- Чехов А. П.* Собрание сочинений. Т. 10. М., 1963.
- Шкловский В. Б.* Сентиментальное путешествие. М., 1990.
- Энгельгардт А. П.* Из деревни. М., 1987.

- Орлова О. Не надо терпеть // Аргументы и факты, 2006. 38.
- Марш Львова, Мария Кактурская. Россию пронесло. Но в любой момент она может утонуть в фекалиях // Аргументы и факты. 2006. 39.
- Боголюбов А. П. Записки моряка-художника // Волга. 1996. № 2, 3. Бюллетень Исполкома Ленинградского городского совета народных депутатов. 1991. № 17.
- Алла Панкуева. Роза в сортире // Версия в Питере. 2004. 10 мая. Это заветное слово «писсуар» // Вечерний Петербург. 2004. 18 мая.
- А. Шаров. Благоустройство Ленинграда за 10 лет // Вопросы коммунального хозяйства. 1927. № 11.
- Виктория Уздина. Юбилейные туалеты украсят город на Неве // Газета. 2003. 21 мая.
- Гайнцева Э. Г. И. А. Гончаров и «Петербургские отметки» // Русская литература. 1995. № 2.
- Александр Пронин. Клозеты спрятались, возникли бутики // Город. 2005. 14 марта.
- Алексей Орешкин. Туалет типа «сортир» // Город. 19 декабря. Бизнес по нужде // Деловая панорама. 2003. 26 мая.
- Леонид Евошкин. Туалет поставить — что гипермаркет построить // Вечерний Петербург. 2006. 29 мая.
- Татьяна Иванова. Невтерпеж // Вечерний Петербург. 2006. 24 августа.
- Валерия Кузнецова. Общественные туалеты сольются с природой // Деловой Петербург. 2003. 8 мая.
- Екатерина Буцева. Петербургу придется потерпеть // Деловой Петербург. 2003. 19 мая.
- Городская хроника [ретирадники] // Домовладелец. 1897. № 9—10.
- Иван Мерц. Городские публичные ретирадники в С.-Петербурге // Зодчий. 1872. № 7.
- Олег Белов. Туалетная революция. В прямом смысле этого слова // Известия Санкт-Петербург. 2004. 24 марта.
- Руслан Кравцов, Александр Горелик. Как мы пили и писали // Комсомольская правда. 2005. 5 августа.
- Александр Горелик. Испорти стены туалета и получи призы за это // Комсомольская правда. 2005. 17 ноября.
- Андрей Банев. От Веспасиана до «Водоканала» // Метро. 2005. 18 ноября.

- Первыми справлять нужду в автобусах начали жители Санкт-Петербурга // Московский комсомолец. 2003. 26 мая.
- В Питере стартовала «отхожая лихорадка» // МК в Питере. 2003. 11 июня.
- Наталья Барсова. «Большой восьмерке» будет негде справиться с нуждой // «МК» в Питере. 2006. 31 мая.
- Николай Кольский. «Мокрое дело» на Мытнинской набережной // Невское время. 2005. 14 октября.
- Феликс Глокман. Большие проблемы малой нужды // Невское время. 2006. 3 июня.
- Елена Бойко. По нужде. В поисках утраченного // Новости Петербурга. 2004. 18 мая.
- Эдуард Воронников. Все туалеты Петербурга // Петербург-экспресс. 2003. 19 мая.
- Евгения Григорян. Все люди делают это // Петербургский час пик. 2006. 31 мая.
- Юлия Михеева. Отходный бизнес ждет прорыва // Предприниматель Петербурга. 2005. 18 июля.
- Екатерина Сурова. Иероглифы «М» и «Ж»: граница между мирами // Протокол и этикет. 2001. № 2.
- Туалет совместят с пивным ларьком // Реклама-шанс. 2003. 7 июля.
- Савик Браурман. Большая нужда // Российская газета Санкт-Петербурга. 2004. 21 декабря.
- Нужда заставила // Российская газета Санкт-Петербург. 2004. 27 декабря.
- Нина Зуева. Проба на прозрачность // Российская газета Санкт-Петербург. 2005. 28 июня.
- Наталья Орлова. WC-политика рождается в кустах // Санкт-Петербургские ведомости. 2005. 6 сентября.
- Наталья Орлова. Главное в туалете — бюджет // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 31 августа.
- Игорь Кузьмичев. Наземные толчки: два балла // Санкт-Петербургский курьер. 2004. 4 ноября.
- Вадим Бороненко. Питерские туалеты проданы под кафе // Смена. 2003. 5 февраля.
- Борис Ходоровский. С облегчением! // Смена. 2004. 18 ноября.
- Ольга Рябинина. Где и почему справиться с нуждой / Краткий путеводитель по туалетам Петербурга // Смена. 2006. 29 мая.

- Буря в отхожем месте // Спорт уик-энд. 2006. 1 октября.
Жанна Женеvская. Туалеты // Time Out Петербург. 2006. 16—27 июня.
Ольга Клюева, Туалетов на всех не хватает // Тайный советник. 2006. 29 мая.
Святослав Тимченко. Кафе-ресторан типа «сортир» раньше обозначался на схеме буквами «Мэ» и «Жо» // Тайный советник. 2006. 5 июня.
Елена Бойко. По нужде. В поисках заветных «М» и «Ж» // Утро Петербурга. 2006. 13 апреля.
Анна Быстрова. Больше клозетов — хороших и разных // Час пик. 2006. 30 августа.
Лариса Сидорина. Уважая себя и город // Экономика и время. 2004. 29 марта.
Юхнева Е. Д. Благоустройство Петербургского жилища // История Петербурга. № 1. 2001.
По дорогам будущего [о походных туалетах] // Vikini. 2001. февраль.

Encyclopedia Britannica. London, 1911. Vol. XXVI.
Hart-Davis A. Thunder, Flush and Thomas Crapper. London., 1997.
Rubin S. G. Toilets. Toasters and Telephones. San Diego., 1998.
Wood R. Loos Through the Ages. Hove. 1997.

ПРЕДМЕТНО - ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *

Аввакум, протопоп - 7	Брежнев Л. И. - 29, ПО, 124
Август, император - 38	Брондель - 33
Адамович А. М. - 112	Булгаков М. А. - 82, 91
Адриан, император - 21	
Александр I, император - 59	Веллер М. И. - 12
Александр II император - 67	Версаче Дж. - 126
Александр III, император - 49	Веспасиан, император - 19, 20, 160
Александра Федоровна, императрица - 48	Виктория, королева - 39
Александров - 82, 83, 84	Винокуров А. И. - 113, 115
Амелин М. - 21	Владимиров В. С. - 114
Амирханов Л. И. - 14, 104	Войнович В. Н. - 92, 108
Анна Иоанновна, императрица - 7	Воеводская А. И. - 112, 115, 116
Анненков Ю. П. - 88, 89 153	Воеводские - 117
Ариосто Л. - 31	Воскобойников - 127
	Высоцкий В. С. - 93
Башуцкий А. П. - 51	Вяземский П. А. - 146
Белый А. - 88, 89	
Бернгард Р. Б. - 56	Гегелло А. И. - 90
Блинов В. - 55, 56	Генрих XVIII, король - 27, 31
Блок А. А. - 88, 89	Герман М. Ю. - 93, 97
Боголюбов А. П. - 60	Гессен А. Э. - 43
Боккаччо Дж. - 28	Гете И.-В. - 33
Брама Дж. - 33, 160	Гликман И. Д. - 169, 171
	Глушков М. - 89

* Кроме имен собственных, в указатель вошли названия учреждений и объектов, которые имеют отношение к теме книги.

Гончаров И. А. - 74, 75, 101
 Городецкий С. М. - 92
 Горький М. - 85
 Грабарь В. К. - 103
 Гранин Д. А. - 112
 Гэйети Дж. - 150, 160

Дали С. - 13
 Даль В. И. - 49, 146
 Дебюссон Т. - 23
 Деглау И. И. - 101
 Дельвиг А. А. - 10
 Державин Г. Р. - 8, 9, 10
 Диоклетиан, император - 20
 Дженнингс Дж. - 53
 Джойс Дж. - 23, 162
 Довлатов С. Д. - 107, 127, 147
 Догэн - 29
 Додзин И. М. - 116
 Достоевский Ф. М. - 57

Евстигнеев Е. А. - 91
 Екатерина II, императрица 8, 43, 45,
 Елизавета I, королева - 31
 Елизавета, принцесса - 31
 Енохин И. В. - 67
 Енш А. К. - 55
 Есенин С. А. - 89, 90

Забозлаева Т. Б. - 14
 Зазерский А. И. - 82, 84
 Зитсман Д. - 14
 Зоценко М. М. - 95

Игнатъев А. А. - 92
 Изабелла, королева - 27
 Ильф И. А. - 94
 Иртенъев И. М. - 168

Каммингс А. - 32, 160
 Канут, король - 27
 Карпов Г. - 7
 Катулл Г. В. - 21
 Кваренги Дж. - 47
 Кеннан Дж. - 79
 Кибиров Т. Ю. - 5, 12, 47, 123
 Кириллушко - 7
 Киров С. М. - 171
 Клоакина - 37
 Когоут П. - 5
 Кодай Дайкокуй - 46
 Кончаловский А. С. - 91, 130, 132

Костромитинов, полковник - .
 Краевский А. А. - 75
 Крепит - 37
 Крамник В. Б. - 158, 159
 Кружнов Ю. Н. - 14
 Крылов И. А. - 50
 Крэппер Т. - 53, 54, 161
 Кураев М. Н. - 83
 Кусто Ж.-И. - 125
 Кутузов А., купец - 84, 85
 Кюстин де, маркиз - 59

Латимер Л. - 161
 «Лауренс», система - 54
 Лебедев, генерал-майор - 59
 Лемешев С. Я. - 98
 Ленин В. И. - 87
 Леонардо да Винчи - 28
 Лимонов Э. В. - 97
 Линдлей У. - 65
 Литвин И. И. - 105
 Лифшиц В. С. - 115
 Лобанов М. Е. - 50
 Лонгфелло Г. У. - 36
 Людовик XIV, король - 23, 24

Люстиг Ф. О. - 79
 Мария Федоровна, императрица - 86
 Маркони Г. - 55
 Маркс К. - 153
 Маяковский В. В. - 15, 82
 Мейерхольд В. Э. - 92
 Мелихан К. С. - ПО
 Мерц И. А. - 70, 71, 72, 74, 161
 Метнер (К. К. либо Н. К.) - 92
 Минин К. М. - 77
 Мойнехен Б. - 14
 «Монитор», система - 52
 Муль Г. - 39, 160

Назимов И. В. - 114, 117
 Наполеон Бонапарт, император - 28
 Нерон, император - 20
 Нестеров М. В. - 60
 Николай II, император - 108

Олеша Ю. К. - 98
 Олжок Дж. - 151, 160
 Ольга, королева - 86
 Орлеанская, герцогиня - 24
 Оруэлл Дж. - 100
 Отар-Мухтаров М. М. - 167
 Оуян Сю - 53
 Охлопков Н. П. - 92

Пастернак Б. Л. - 92
 Петр I, император 7, 42, 43, 150
 Пожарский Д. М. - 77
 Попов А. С. - 55
 Потемкин Г. А. - 45
 Приф Л. Т. - 37
 Прокофьев С. С. - 92
 Пушкин А. С. 7, 9, 45, 49, 50, 91, 146, 151

«Пьедестал», система - 54
 Рабле Ф. - 32, 148
 Радищев А. Н. - 60
 Раневская Ф. Г. - 92
 Распутин Г. Е. - 88
 Ремарк Э.-М. - 105
 Романовы - 85

Сан-Галли Ф. К. - 169
 Светоний - 19
 Соллертинский И. И. - 169, 170
 Спрот У. - 27
 Столыпин П. А. - 108
 Суворов Е. - 147
 Сюзор П. Ю. - 56

Твифорд Т. - 53, 161
 Тинидзаки Д. - 144
 Тит, император - 19
 Топалов В. - 158
 Топоров В. Н. - 124
 «Торнадо», система - 54
 Тьюриферд Т. - 39

«Унитас», фирма, система - 54
 Утехин И. В. - 99

Франк Анна - 152
 Франциск I, король - 28
 Фрейд З. - 156
 Фридрих I Барбаросса, император - 30
 Фройш Л. - 30

Харрингтон Дж. - 31, 32, 160
 Хачатурян А. И. - 12, 13
 Хинкис В. - 162
 Хмелевская И. - 118
 Ходасевич В. Ф. - 45
 Хоружий С. - 162

Хосю К. - 151	Эдуард II, король Англии -
Цай Лунь - 150, 160	Эйзенштейн С. М. - 85, 161
Чехов А. П. - 5, 78, 79	Элкок У. Дж. - 161
Чубайс А. Б. - 122	Энгельгардт А. Н. - 80
Шефнер В. С. - 102	Эрисман Ф. Ф. - 79
Шкловский В. Б. - 86	Этельред II, король - 26
Шолохов М. А. - 6	Эхнатон, фараон - 17
Шостакович Д. Д. - 169	Юргенсон - 62
Штраус Й. - 143	Юсупов Ф. Ф. - 9
Шубад, царица - 16, 17	Слоаса maxima - 37
Эванс А. - 17	«Royal Doulton Cotraпу» -
Эдмунд II Железнобокий, ко- роль - 26, 27	«Thomas Crapper end Co» -
	«Unitas» - 55, 161
	«Valiant» - 55

Содержание

Предисловие.....	5
1. Латрины, форики, клоаки.....	15
2. Отхожие места, нужники, ретирадники.....	41
3. Клозеты, ватерклозеты, сортиры.....	49
4. Туалеты, уборные, санузлы, параши, или Из-за чего началась советско-финляндская война.....	82
5. В годы блокады Ленинграда.....	111
6. Биотуалеты, модульные и многие, многие другие.....	118
7. Дела бумажные, или Светлая полоса в нашей жизни....	146
Заключение, или Сколько раз можно ходить в туалет во время шахматной партии.....	156
Приложение 1.....	160
Приложение 2.....	162
Приложение 3.....	167
Приложение 4.....	168
Приложение 5.....	169
Список литературы.....	172
Предметно-именной указатель.....	177

Игорь Богданов
UNITAS,
или
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ТУАЛЕТА

Редактор серии

Ф. Дзядко

Редактор

Н. Кружное

Корректор

И. Аветисова

Компьютерная верстка

В. Дзядко

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:

129626, Москва, И-626, а/я 55

Тел.: (095) 976-47-88

факс: 977-08-28

e-mail: real@nlo.magazine.ru

<http://www.nlo.magazine.ru>

Формат 84x108/32
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 6. Тираж 3000 экз. Заказ № 1234

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

И з д а т е л ь с т в о
Н О В О Е Л И Т Е Р А Т У Р Н О Е О Б О З Р Е Н И Е
В 2005 г. вышли:

Серия «Культура повседневности»

С. Мельшиор-Бонне

ИСТОРИЯ ЗЕРКАЛА

Пер. с франц.

Среди всех предметов повседневного обихода едва ли найдется вещь более противоречивая и загадочная, чем зеркало. В Античности с ним связано множество мифов и легенд. В Средневековье целые государства хранили тайну его изготовления. В зеркале видели как инструмент исправления нравов, так и атрибут порока. В разные времена, смотрясь в зеркало, человек находил в нем либо отражение образа Божия, либо ухмылку Дьявола. История зеркала — это не просто история предмета домашнего обихода, но еще и история взаимоотношений человека с его отражением, с его двойником. Соединяя истину и видимость, внешнее и внутреннее, сокровенно личное и коллективное, зеркало вбирает в себя человеческие страсти и представления о мире. Французская исследовательница Сабин Мельшиор-Бонне рассматривает многочисленные аспекты этого предмета символа, описывает то поразительное воздействие, какое он оказывает на людей.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2005 г. вышли:

Серия «Культура повседневности»

Ольга Вайнштейн
ДЕНДИ: МОДА. ЛИТЕРАТУРА. СТИЛЬ ЖИЗНИ

Слово «денди» до сих пор сохраняет неизъяснимый оттенок таинственного шарма, а сами денди видятся нам эксцентричными эстетамы, творцами гениальных причуд. Но кого можно назвать современным денди? Как возник современный канон мужской элегантности? Зачем денди выводили на прогулку черепашек? Об этих серьезных, а порой и забавных вещах Вы узнаете, прочитав книгу Ольги Вайнштейн «Денди». Среди главных героев книги — знаменитый британский денди Джордж Браммелл, французские щеголи граф д'Орсе, Барбе Д'Оревильи и Шарль Бодлер, декаденты Оскар Уайльд и граф Робер де Монтестье. Европейский дендизм впервые предстает как отчетливая культурная традиция, подразумевающая не только модный костюм, но и повседневный стиль жизни, изысканную манеру поведения, специальные техники тела и тайную харизму.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2005 г. вышли:

Серия «Культура повседневности»

Линор Горалик
ПОЛАЯ ЖЕНЩИНА: МИР БАРБИ ИЗНУТРИ И СНАРУЖИ

С первых же дней ее существования кукла Барби стала восприниматься как социокультурный феномен. В ее игрушечном мире нашли отражение такие проблемы реального общества, как эмансипация, семейные отношения, сексуальные нормы, карьера, политкорректность и многие другие. В ходе жарких споров сторонники и противники куклы, сами того не замечая, создали целую мифологию Барби. В книге исследуется не только история самой куклы, но и особенности ее восприятия обществом. Линор Горалик показывает, как за сорок с лишним лет Барби стала по сути зеркалом западной цивилизации. Столь полное и обстоятельное исследование феномена Барби выходит на русском языке впервые.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2005 г. вышли:

Серия «Культура повседневности»

Робер Мюшембле
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДЬЯВОЛА: ХИ-ХХВВ.
Пер. с франц.

В этой книге французский историк Робер Мюшембле исследует сферу ментальных представлений человека Запада или, как говорит сам автор, мир его воображаемого. В центре исследования — фигура дьявола. Этот образ присутствует в сознании европейцев уже более тысячи лет. Пожалуй, ни один другой культурный феномен не повлиял на повседневную жизнь людей столь сильно. Представления о дьяволе определили отношение средневекового человека к собственному телу и ко всему, что связано с сексуальной сферой. В пору охоты на ведьм люди были уверены, что демоны могут вступить в близость с человеком и даже вселиться в его тело. В книге приведены подробности многих ведовских процессов. С наступлением XVII в. образ дьявола, казалось, начал тускнеть под натиском рационализма. Вместе с тем различные элементы представлений о демоне проникают в литературу Нового времени. В XX в. следы прежних верований можно обнаружить в рекламных лозунгах, комиксах, кинематографе. В своей работе Мюшембле убедительно показывает, насколько мир воображаемого сильно влияет на ход реальной истории.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2005 г. вышли:

Серия «Культура повседневности»

Анатолий Рубинов
ИСТОРИЯ БАНИ

Пристальное изучение бань всех времен и народов показало, что они сопровождают человечество с древнейших пор, потому что отвечают его насущным жизненным потребностям. Историю бань ведут от древнего Египта и продолжают библейскими временами; недавно стало известно, что бани существовали у древних обитателей Америки. С банями неразрывно связана история нравов, культура в широком значении. Из чего строились, чем растапливались и как украшались бани, до какой температуры нагревался воздух, какими процедурами улаживали себя любители, какие представления были связаны с банями в разные века, забавные банные «сюжеты» и советы медиков — обо всем этом увлекательная книга известного журналиста А. Рубинова.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2006 г. вышли:

Серия «Культура повседневности»

Медлар Лукан, Дуриан Грэй
Туризм для декадентов
Пер. с англ.

Авторы — мистификаторы, создатели научного труда об экстремальной кухне, на этот раз заставляют своих персонажей совершить и описать экстремальные путешествие. Герои, вооружившись иронией и опытом маркизаде Сада, отправляются на поиски декадентских удовольствий, главное из которых — получение эротических наслаждений. Пропагандисты «уникального типа порочности», мастера эпатажа и провокации умудрились создать черный пиар для шести крупнейших городов мира и стать авторами гротескного путеводителя по мировому «материально-телесному низу». Их проводниками в области разнообразных чувственных экспериментов становятся воспринятые под известным углом зрения история, искусство и изящная словесность.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2006 г. вышли:

Серия «Культура повседневности»

Альберто Капатти, Массимо Монтанари
ИТАЛЬЯНСКАЯ КУХНЯ. История одной культуры
Пер. с итал.

Эта книга могла бы иметь подзаголовок «энциклопедия итальянской кухни». Привлекая средневековые манускрипты и газетные заметки последних лет, приводя рецепты устаревших и популярных блюд - будь то бланманже или дзандзарелла, - авторы, лингвист и медиевист, активисты общественного движения «Долой фастфуд!», освещают историю богатейшей гастрономической культуры с самых разных сторон. Они пишут о борьбе языков кулинарии - латыни, французского и тосканского - и об изобретении паровой кастрюли; об истории аппетита и о профессиональной форме метрдотелей; об арабском влиянии и об извечном соревновании между женщинами и мужчинами на кухне; о кулинарных суевериях и об изобретении пасты... По содержанию - научное исследование, по форме — захватывающая университетская лекция, книга реконструирует историю целой культуры.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2006 г. вышли:

Серия «Культура повседневности»

Игорь Богданов
ДЫМОТЕЧЕСТВА,
ИЛИ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ТАБАКОКУРЕНИЯ

Эта книга посвящена истории табака и курения в Петербурге — Ленинграде — Петрограде: от основания города до наших дней. Разумеется, приключения табака в России рассматриваются автором в контексте «общей истории» табака — мы узнаем о том, как европейцы впервые столкнулись с ним, как лечили им кашель и головную боль, как изгоняли из курильщиков дьявола и как табак выращивали вместе с фикусом. Автор воспроизводит историю табакокурения в мельчайших деталях, рассказывая о появлении первых табачных фабрик и о роли сигарет в советских фильмах, о том, как власть боролась с табаком и, напротив, поощряла курильщиков, о том, как в блокадном Ленинграде делали папиросы из опавших листьев и о том, как появилась культура табакерок...

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2007 г. вышли:

Серия «Культура повседневности»

Анатолий Рубинов
ИСТОРИЯ ТРЕХ МОСКОВСКИХ МАГАЗИНОВ

Предлагаемая книга известного журналиста Анатолия Рубинова написана на основе многолетних разысканий в архивах, наполнена неожиданными сведениями и неизвестными фактами о самых знаменитых магазинах Москвы — «Елисейском», ГУМе и «Кремлевке». В книге, в чем-то сближающейся с журналистским расследованием, рассказывается о быте купцов XIX века и о нравах советской номенклатуры; публикуются секретные документы и результаты дерзких журналистских экспериментов; объясняется, зачем братья Елисеевы торговали апельсинами, где можно было в советские времена приобрести черную икру и как директор магазина мог остаться без головы; приводятся описания громких скандалов и воссоздаются мельчайшие подробности истории легендарных магазинов столицы.

Издания

«Нового литературного обозрения»

(журналы и книги)

можно приобрести в следующих магазинах:

в Москве:

«Политкнига» — ул. Малая Дмитровка, 3/10. Тел.: (495)200-36-94

«Ad Marginem*» — 1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел.: (495)951-93-60

«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6. Тел.: (495)924-46-80

«Гилея» — Нахимовский просп., 51/21. Тел.: (495)332-47-28

«Гнозис» — Zubовский проезд, 2, стр. 1. Тел.: (495)247-17-57

«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий Мост, 18. Тел.: (495)924-46-45

«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, 8. Тел.: (495)238-50-01

«Москва ТД» - ул. Тверская, 8. Тел.: (495)797-87-17

Московский Дом книги — Новый Арбат, 8 (а также во всех остальных магазинах сети).

Тел.: (495)203-82-42.

«Старый свет» (книжная лавка при Литинституте) — Тверской бульвар, 25

Тел.: (495)202-86-08.

«Фаланстер» — Малый Гнездииковский пер., 12/27. Тел.: (495)504-47-95

«У Кентавра» — Миусская пл., 6. Тел.: (495)250-65-46

«Букбери» — Никитский б-р, 17. Тел.: (495)291-83-03

«Русское зарубежье» — ул. Нижняя Радищевская, 8 (м. Таганская-кольцевая)

Тел.: (495)915-11-45

Primum Versus — ул. Покровка, 27, стр. 1. Тел.: (495)951-93-60

Магазины сети «Книжный клуб 36'6». Тел.: (495)223-58-20

«Топ-книга». Тел.: (495)166-06-02

в Санкт-Петербурге:

«Летний сад» — Большой просп., ПС, 82. Тел.: (812)232-21-04

«Подписные издания» — Литейный просп., 57. Тел.: (812)273-50-53

«Дом книги» - Невский просп., 62. Тел.: (812)570-65-46, 314-58-88

«Лавка писателей» — Невский просп., 66. Тел.: (812)314-47-59

Гуманитарная книга, 1-я линия ВО, 42. Тел.: (812)323-54-95

Академический проект, ул. Рубинштейна, 26. Тел.: (812)764-81-64

в Екатеринбурге:

Дом книги - ул. А. Валека, 12. Тел.: (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:

«Дирижабль» — Б. Покровская, 46. Тел.: (8312)31-64-71

в Ярославле:

ул.Свердлова, 9. В здании ЦСИ «АРС-ФОРУМ». Тел.. (0852)22-25-42

в Интернете:

www.ozon.ru

www.bolero.ru